

СЛОВА

Литературно-философский журнал
№5

СОДЕРЖИМОЕ:

2.....	Александр Дельфинов
8.....	Александр Гальпер
14.....	Андрей Коровин
16.....	Олег Разумовский
22.....	Света Литвак
24.....	Дмитрий Гайдук
28.....	Валерий Нугатов
33.....	Андрей Бычков
37.....	Эдуард Кулёмин
41.....	Михаил Эпштейн
45.....	Алексей Нилогов
52.....	Глеб Коломиец
55.....	Олег Лукошин
61.....	Владимир Баясников
63.....	Владимир Королев
65.....	Владимир Марков
74.....	Кира Комаров
76...	Инна Макурина, Глеб Коломиец
84.....	Информация об авторах

Редактор Инна Кирилова.
Технический редактор: Глеб Коломиец
Координаторы:
Олег Разумовский. Эдуард Кулемин.

Веб-страница:

<http://www.slova.uuuq.com>

Сообщество в живом Журнале:

http://community.livejournal.com/slova_journal/

Электронная почта:

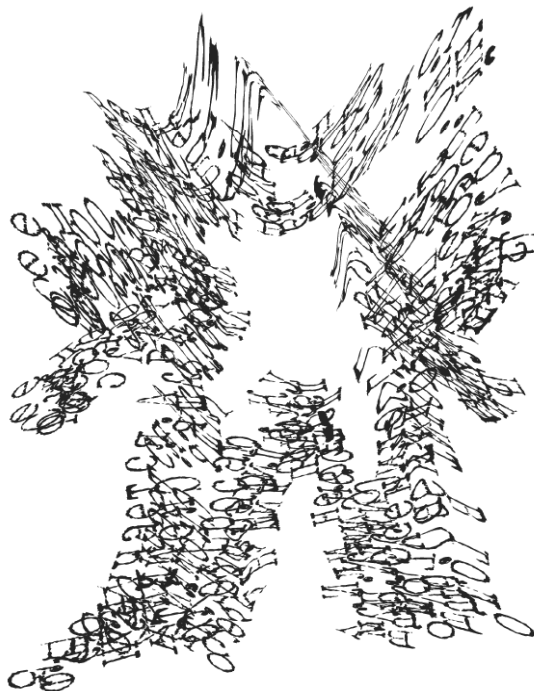
amatib@rambler.ru

ardor@list.ru

Disclaimer:

*Мнение автора и редакции
могут не совпадать.
В текстах сохранены авторские
орфография и пунктуация.
Все материалы опубликованы
с согласия авторов*

*При оформлении обложки
использованы работы Эдуарда Кулемина.*

Александр Дельфинов

СТИХИ ИЗ КНИГИ

фото Михаила Зещицкиндла

Иллюстрации Эдуарда Кулемина

Чёрный фонтан

Дырбулцир зачерствел, как и весь новый мир,
Как звезда в октябре над Невой.
И бесцветное знамя протерли до дыр,
И кукует во тьме Снеговик вековой.
И подносит мне тапки бумажный тапир,
И молчит Мойдодыр неземной.

Дубодыр с Вурдалаком считают очки,
На трибунах – пророков гектар.
И бегут олимпийские злые качки
Под смурной перебор самостийных гитар.
На три точки свой чек расчленили торчки.
Дырокол – вот и весь Божий дар.

Рассыхается мозг, как изъеденный сыр.
Вместе с мясом слезает загар.
И замшелая мышь, натянувши мундир,
Марширует как ангел меж солнечных нар.
Мне пиарит Икара какой-то сатир,
И я чувствую серный угар.

И неважно, какие на форме значки,
Век, год, месяц, день, час, миг какой...
Мириадами прут на меня Пятачки,
Чебурашки, Степашки и прочий отстой.
Буровик ощущает тупые толчки.
Близок чёрный фонтан золотой!
[Ноябрь 2003]

Колыбельная

Спят усталые игрушки,
Книжки спят.
Спит в могилке А.С.Пушкин,
Ждет ребят.
«Das ist doch alles, was sie koennen!» –
Spricht der Tod.
Злой бандит, студент влюбленный –
Смертны. Вот.

Нет спасения, ребята,
От червя.
И меня сожрет проклятый,
И тебя.
«That's a really good idea!» –
The Deadman said.
В землю лечь хотел пойти я –
Места нет.

Тихо на ветру качался
Труп в петле.
Смертный сон туманом стлался
По земле.
Ворон каркнул: «Смерть бессмертна!» —
И подох.
Строго и немного нервно
Улыбался Бог.

[26.09.04]

Посвящение китайской кошке

"...Это было давно, да и было ли? Бог
Нас не милует памятью крепкой.
Чей-то смех, зажигалки щелчок, огонёк
В темноте под качнувшейся веткой,
Чай горячий, и звёзды холодные в нем
Отражались, дрожали и гасли...
Время нас выпивает глоток за глотком,
Всё бывшее прекрасней, не так ли?
Но кипящим напитком обжегши язык,
По словам, что сорвались, не плачут", –
Так в кафе придорожном сказал мне старик,
Отсчитав, как положено, сдачу.

[2005]

Смешные стихи

Клопика Володи охрана — анархоидолов аки полк

– Давно не сочинял, друзья, смешных стихов я, –
Пожаловался сам себе один поэт.
А в это время в дальнем Подмоскowie
Шалил на печке с бабкой дед.
– Бывает, так и лезут в череп рифмы, –
Поэт, хихикая, в пространство говорил.
А в это время на Лазорских рифах
В волнах плескался олигарх Ребров Кирилл.
– Случается, с утра подрубит палиндромом, –
Проблемы приоткрыл свои поэт.
А в этот миг над Тушинским аэродромом
Включился НЛО бордово-желтый свет.
– Иэх... – вздохнул поэт над опустевшей миской,
Секунду лишь назад наполненной картофельным
 пюре, горошком и сосиской.
А где-то далеко, за краем горизонта
Корова Стеллера поцеловала дронта.

[2007]

Прощание влюбленных на Курском вокзале

Острый запах селедки,
Кровяной колбасы...
Две угрюмые тетки,
У обеих усы...
Ты исчезла в вагоне,
Поезд тронулся вскачь...
Я застыл на перроне,
Ветер рвет черный плащ...

[2007]

Человек в хоккейной маске

Человек в хоккейной маске с острым топором в руках
Подскочил ко мне в вагоне: "Это что за остановка?!"
Я, хоть выйти собирался, аж остолбенел в дверях.
Он ответа не дождался и наружу прыгнул ловко.
Я — за ним... Закрылись двери, потянулся прочь состав.
Человек в хоккейной маске с криком бегал по платформе.
За здоровье беспокоясь, я воскликнул: "Peace and Love!"
Рядом дядька замаячил в полицейской униформе.
Сзади женский визг раздался, я у стеночки обмяк,
Лишь блистали острой стали металлические краски.
Завязался бой короткий, и задержан был маньяк -
Непонятный и опасный человек в хоккейной маске.

Террорист

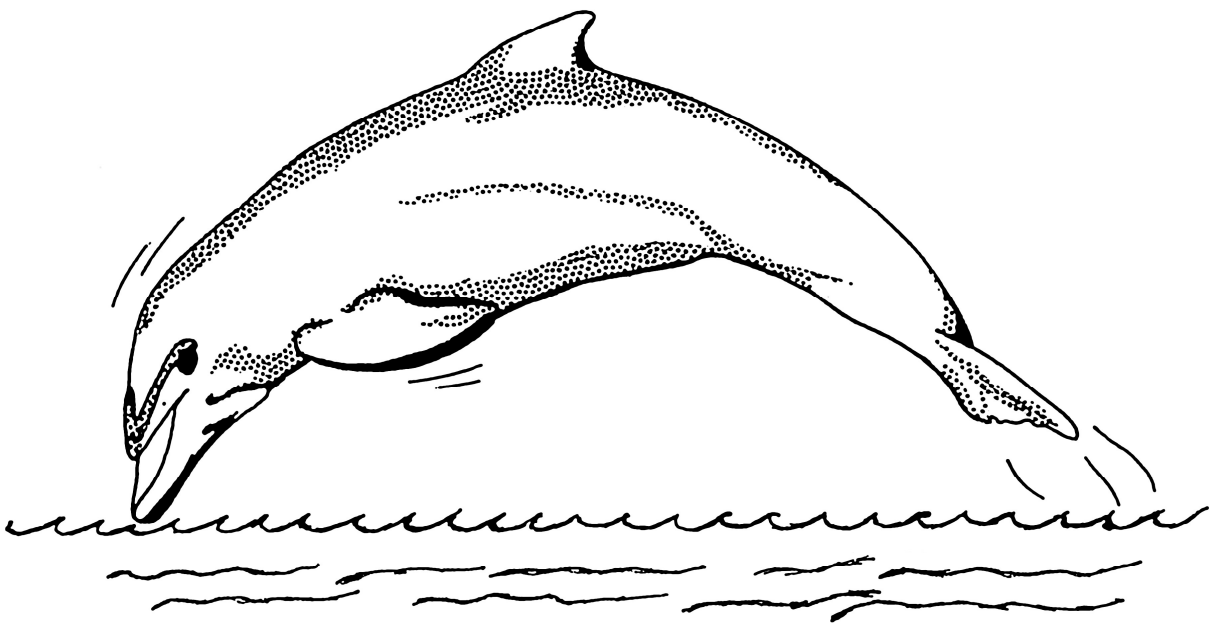
Шахерезаде

Мне приснилось, что я — террорист,
Под одеждой упрятавший бомбу
И скользящий изящно, как глист,
По кишкам социально-бетонным.
Супермаркет взорвать решено!
Свергнем власть ненавистного Ктулху!
Овцеовощи дрыхнут давно,
Человолки ползут на прогулку.

[2007]

Явь и сон

С утра проснулся... Встал... Лица овал
Опухше глянул из начищенных зеркал...
Подумал: "Дел — завал, а я уже устал..."
Поел... Посуду за собою мыть не стал...
Устал... И отдохнул... И вновь устал...
Вздыхнул... Поспал... Проснулся... Встал...
Немного походил и вновь устал...

Поел... Поспал... Проснулся... Снова встал...
 По телефону с кредитором поболтал...
 Устал ужасно... Сразу задремал...
 Проснулся... Вновь поел... Подумал: "Все просрал..."
 Пошел немного в парке погулял...
 В сосисочной сосисочку сожрал...
 Добрел до дома и в кровать упал...
 Устал ужасно... До утра поспал...
 Во сне попал я на лесоповал...
 Там минус пятьдесят... Чудовищный аврал...
 Бензопила ревет как раненый нарвал...
 Огромный ствол качнулся и упал
 И с хрустом пополам меня сломал!

[2007]

Наркоманы

Кабацкий чад, звон водочных стаканов,
 Рёв человеческих зверей.
 А я предпочитаю наркоманов,
 Они ВИЧ-позитивней и добрей.

[2005]

Человек на углу

"Я хочу, чтобы все были счастливы!" —
 Прокричал человек на углу.
 Но тотчас же к нему подбежали мы
 И по печени дали ему.
 "Я мечтаю о равных возможностях!" —
 Прохрипел он, упав на асфальт.
 Но его сапогами по роже мы
 Запинали с отяжечкой всласть.
 "...Чтобы все полюбили друг друга бы..." —
 Он пробулькал кровавой дырой.
 Тут его обоссали упруго мы
 И пошли с пацанами домой.

[2008]

Секс на пляже

Я гнал шесть часов без передышки,
 Вспарывая кожу автобана лезвиями адских колес.
 Стучал правым кулаком по приборной доске.
 Орал в стиле лжепророка: "Сука! Сука, блядь!"
 Прихлебывал водку из поллитровой бутылки.
 "Бешеный русский!" — думали равнодушные дорожные знаки.
 Им было положить на представителя любой нации.
 Странно, но мне не подалось ни одного мента.

Секс, секс на пляже!

Под косыми струями огненного дождя.

Секс, секс на пляже!

Под пристальным взором священника и палача.

Секс, секс на пляже!

Там, где жирные волны лижут одряхлевший песок.

Секс, секс на пляже!

Там, где чайки кричат и пахнет йодом.

Я гнал шесть часов без передышки,
 И съехал с трассы, когда уже рассвело.
 Я вышел из машины и подал в придорожный куст,

Но его не охватило пламя, и он ничего не сказал.
 Я промчался как вихрь через сонный курортный городок.
 В это время года здесь несезон, и приезжих нет.
 А я вот приехал в пять утра, как сосуд, полный ядовитой тьмы,
 И с ходу вогнал лезвия колес в утренний отсыревший песок.

Секс, секс на пляже!

*Как последние двуногие на тысячи километров
 вокруг.*

Секс, секс на пляже!

Как дети, преданные родителями и предавшие их.

Секс, секс на пляже!

Там, где выброшен на берег ржавый сундук мертвеца.

Секс, секс на пляже!

Там, где чайки кричат и пахнет йодом.

[2002]

Последние поэты

Когда суд все-таки решил,
 Что поэты должны быть сосланы пожизненно
 В малообитаемые труднодоступные зоны,
 А не казнены прилюдно
 Как это предполагалось изначально,
 Общественность возмутилась не на шутку.
 Двери Государственной Канцелярии
 Штурмовал разъяренный народ.
 «Убейте подлых поэтов!» — таков был единственный лозунг.
 Но окончательное решение
 Оставалось за Государственным Канцлером.
 Трое суток оставшиеся в живых поэты,
 Собранные за толстыми стенами Центральной тюрьмы,
 Дрожали от страха за свои потрепанные шкуры.
 Поэтов осталось всего трое.
 У них больше не было имен,
 Только буквенно-цифровой индекс.
 Старшего из них, Ю-1209,
 Седобородого в прошлом,
 Нарядили в красный комбинезон,
 Обрили наголо, выкололи глаза и посадили на цепь.
 Сорокалетнего Ы-5558 раздели догола
 И распяли на стене напротив окна с толстой решеткой,
 Так, чтобы он мог видеть краешек неба.
 Молодого Я-2084 просто избili до полусмерти
 И оставили валяться на соломе, в углу.
 Трое суток поэтов не кормили, не поили, не водили в туалет.
 А собравшийся у ворот тюрьмы народ
 Требовал их смерти.
 «Убейте, убейте поэтов!» —
 Таково было единогласное требование.
 На четвертый день, ровно в 10 утра,
 Канцлер вышел к народу.
 Он прибыл к воротам тюрьмы
 В шестиколесном белоснежном лимузине.
 Его лицо было свежесвыбрито,
 На левом мизинце левой руки
 Сиял бриллиант в 12 карат,
 Во рту дымилась благородная сигара.
 Охранники растолкали толпу,
 Канцлер вышел из лимузина.
 Завидев его стройную фигуру, народ умолк.
 В наступившей тишине

Канцлер объявил о своем решении.
 Он говорил негромко,
 Но его тихий, приятный баритон
 Был отчетливо слышен
 Даже в самых отдаленных уголках площади.
 «Поэты заслужили самое суровое наказание, –
 Сказал Канцлер. –
 И они немедленно будут переданы в руки народа!»
 Толпа взорвалась восторженными овациями.
 Охранники вытащили ослабевших узников
 И швырнули в ликующую толпу.
 Через несколько секунд
 Ю, Ы и Я были разорваны на куски.
 После этого в Государстве
 Наступила долгая счастливая жизнь.

[...]

Над Берлином осенью небо низкое
 Сбитые ангелы падают, словно листья
 Жирная продавщица поджаривает сосиски
 В киоске у станции городской электрички
 По велосипедной дорожке прокатил инвалид в коляске
 Наш микрорайонный бомж шатается на попросайстве
 До полудня ещё далеко, но мне почему-то кажется
 Что ночь на дворе, и утро не начиналось
 [2008]

Моя маленькая алмазная ненависть

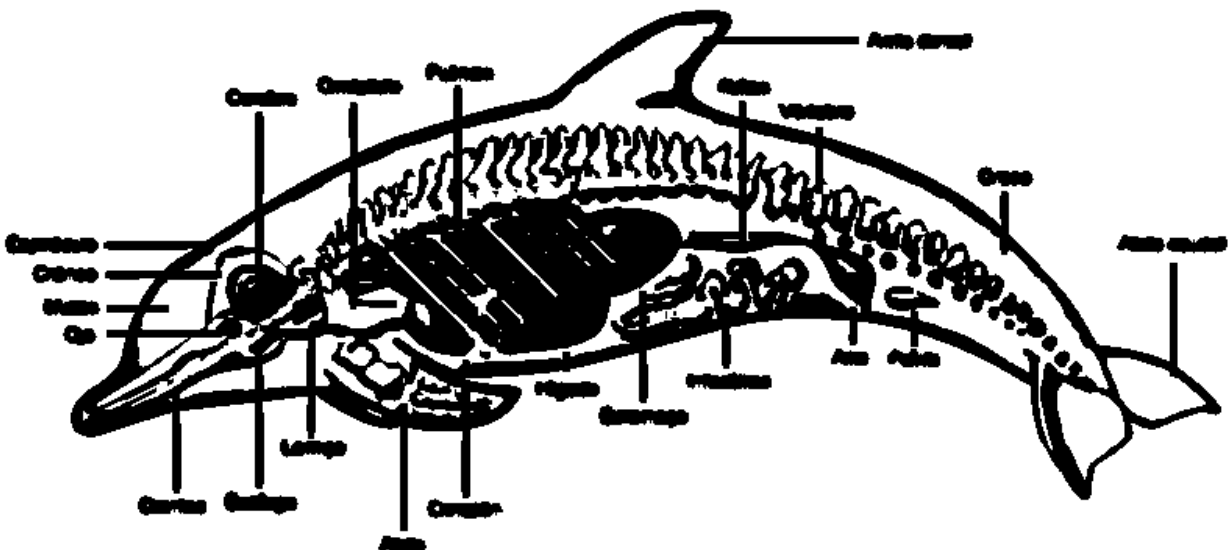
*"Я ненавижу педерастов...
 Потому что я люблю Россию!"*

Ненавижу русские вечеринки
 С плясками под "Ленинград"
 Словосочетанием vodka-hits
 И фразочкой: "По традиции нашим гостям
 Будут предложены борщ и пельмени"
 Ненавижу НЕНАВИЖУ НЕ-НА-ВИЖУ
 Дискоотеки чтения вернисажи
 С красной икрой на маленьких бутербродиках
 Вездесущими солеными огурчиками

Вечными пластиковыми стаканчиками
 Напоминающими о преждевременной смерти
 Лучше бы марихуаной угощали любителей русской духовности
 Кокаину бы подали им на зеркальном подносе
 Ненавижу псевдофольклорные ансамбли
 Исполняющие советскую попсню
 Ненавижу девушек бальзаковского возраста
 Заглядывающих тебе в глаза словно ты их бывший спонсор
 Я мордой бы тыкал в салат оливье
 Всю эту лицемерную кофлу по обе стороны границы
 Ненавижу соотечественников в электронных лаптях
 Ненавижу всех нас переводящих в ритме тик-так-тик-так
 Глазки-стрелки от Большого Заграничного Фонда к
 фондам Швыдкого
 Дайте на роман о трудностях эмиграции-
 репатриации-реинкарнации
 Дайте на спектакль о холокосте-остарбайтерах-
 моем-трудном-детстве
 Я марширую с воблой на знамени
 И квашеная капуста хрустит у меня под ногами
 Дайте на ну я не знаю хоть что-нибудь дайте на что угодно
 Отправьте меня в великую резервацию русского зарубежья
 Буду там солянку хлебать да солененьким помидорчиком
 закусывать
 И словно бессмертная курица трястись над яйчком
 С ВИЧ-инфицированной иглой внутри
 [...]

На Лесбосе

На Лесбосе – хорошая погода.
 По вечерам, когда уже темно,
 Там электричество в любое время года
 Кровь вскипятит и превратит в вино.
 На Лесбосе – потоки инвестиций,
 Там правят бал дизайн и креатив.
 В глазах прохожих искрами резвится
 Рой позитивных инициатив.
 На Лесбосе – почти нет иностранцев,
 Ритм жизни современный, деловой.
 И граждане любят, как в трансе,
 Орфея говорящей головой:

«На Лесбосе – свобода слов и дела,
Здесь у мужчин и женщин нет морщин!
И я скажу уверенно и смело –
Что нужно Лесбосу, то рано для Афин!».
[2004]

Другому

«...Только благодаря поступку я по-настоящему пости-
гаю несуществование большого Другого...»
Славой Жижек

«Я имею основу», – кивнул Земляной.
«Это так», – подтвердил Корневой.
«Я поглубже, однако», – сказал Нефтяной.
«И молчал бы!» – вздохнул Травяной.
«В космос мне б...» – фантазировал Берестяной.
«Раз-два! Раз-два!» – дышал Кровяной.
Шевелился безмолвно во тьме Сетевой,
Рядом молча мерцал Цифровой.
Крестовая кивнуть не смогла головой –
Ее крепко прижал Винтовой.
Кипяченая вскрикнула только: «Шалишшы!..».
Деревянная скрипнула лишь.
Бриллиантовый вздрогнул: «Враги на хвосте!».
Успокоил Матерчатый: «Эти – не те».
Многоразовый гаркнул: «Танцуй до утра!».
Ну а Клетчатый думал: «Стреляться пора...»
Засмеялась Высотная: «Я как в раю!».
И прибавил Пустотный: «Еще повторю!».
Тут Единый закашлялся: «Дважды два – пять...».
Иллюзорный чихнул: «Мне себя не поднять».
Заводной нереально зажёг с Затяжной.
Целовался Центральный врасос с Окружной.
Федеральный нахмурился: «Что за дела?».
А Системная Крайнего приобняла.
«Все в меня влюблены!» – утверждал Золотой.
«Ой, где был я вчера!» – причитал Сам-не-свой.
«Я еще покажу!» – угрожал Подрывной.
«Ну, не балуй!» – моргнул Пробивной.
Настрочил на Буквального Пыльный донос.
Виртуальный Фрактальному сунул под нос.
Подложил Соляному Кислотный свинью.
А Тепличный шепнул Силовому: «Убью!».
Хототал до упада Великий Немой.
С Бессознательной дружбу водил Надувной.
А Игольчатый с Кольчатым дулись в очко.
И Фантомный размахивал детским сачком.
Беспонтовый улегся вдвоем с Никакой.
Плоский еле успел притвориться доской.
Дверь взломали Чужой с Записным поутру.
«Я безличен...» – Бумажный рыдал на ветру.
Внеземная с испугом следила за ним.
Продувной с Духовым ухайдокались в дым.
Звёздный грустно взирал на проделки друзей.
Запредельный отсутствовал сразу везде.
[2005]

Ангельское

Колбаса приснилась мне, ребята,
Но не та, которая из мяса,
А другая, ароматная как мята,
Золотая, с отблеском алмаза.
[...]

Метаморфозы

Вечером откушал винегреты,
Спать улегся с рыжей бородой.
Покурил в ночи я сигарету,
Утром встал как лунь совсем седой.
[...]

Бледный огонь

Ты мне явилась в странном сновидении
Спокойна
Холодна
Обнажена
Стояла ты недвижно в отдалении
Но вот кивнула
Улыбнулась
Подошла
Упав, сплелись мы яростно и сладко
Ты вдруг перевернулась на живот
И я увидел выбритое гладко
Пустое место ровно между ног
Я пригляделся
Отшатнулся
Головою
В агонии качнул и вниз и вверх
И вспыхнув воспаленной булавою
В ворота запертые
Бледный огонь
Изверг
[...]

Ноги

Долго ноги рассматривал и удивлялся:
Как устроены эти конечности!
Если б ими за землю я не прицеплялся,
Кувыркком бы летел к бесконечности!
[...]

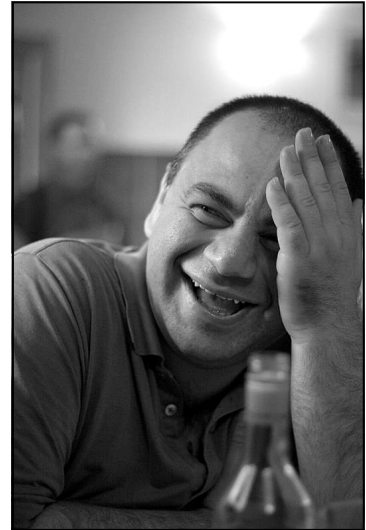
Патриотическое

*Я хочу сказать всем идиотам,
Что являюсь русским патриотом.*

Люблю по Брайтону пройтись в хороший вечер,
Играя на гитаре про "Гоп-стоп",
Или красотку усадив к себе на плечи,
Плясать в Париже под алжирский поп.
Я в Амстердаме зажигать люблю красиво,
Прикидываясь гвоздиком в доске.
По кайфу мне на пляжах Тель-Авива
Писать элегии в нервической тоске.
Еще люблю в Шанхае рвать салфетку,
В Дакаре с местными немного покутить,
Сыграть в Джакарте в русскую рулетку,
В Бангкоке оплеуху залепить.
Люблю возникнуть в Каннах на экранах
И спрыгнуть в залы, зло заголосив,
Или столкнуться с Папой в Ватикане
И в бок его пихнуть что было сил.
Сбивая ритм, скажу вдобавок:
Между родных осин
Покой
Вдвойне мне сладок.

Александр Гальпер

Дети мегаполиса

Иллюстрации *Ивана Горшкова*

Самонапутствие

Это ни в коем случае не роман про мои отношения с прекрасной половиной человечества. Это произведение вообще не про меня. Но в любом случае, постарайся не судить главного героя этого произведения.

Вдруг, это про тебя?

Что делать молодому человеку 26 лет от роду, только что окончившему дешевый колледж по абсолютно ничего не значащей и подозрительно звучащей специальности "Кризис-рейтинг"? Что делать человеку с надуманной профессией?

И не забудьте, что "творчески писать" или говорить по-английски этот выпускник абсолютно не мог. То есть, устраиваться на радио, телевидение или в газету было бесполезно. Дипломированный специалист почесал затылок и пошел в жизнь, которая была абсолютно неготова к его приходу. После долгих тщетных попыток, жизнь сдалась, и оптимистически настроенный 'творческий писатель' пролез клерком в контору, занимающуюся экспортом сантехники из культурной Европы. В её уютных недрах он надеялся дожить до спокойной старости, повышая уровень удовольствия состоятельных американцев, исполняющих французские унитазаы, разрисованные вангоговскими подсолнухами, или итальянские джакузи, где вода булькает, дышит ненавистью и дерется как фашист.

Вы когда нибудь ждали ДЕВУШКУ на 23 Вест у выхода из метро F-линии? Вам знакомо чувство ОЖИДАНИЯ при каждом подъезжающем поезде? Разве вы тайно не надеялись, что ОНА не придет, и можно будет спокойно вернуться в свою бесполезную жизнь, и НИКТО не будет вселять в сердце иллюзии, будто бы кроме немецких экспрессионистических умывальников, сухих и чудовищных в своей утилитарной простоте, существует ДРУГОЕ? Разве вы не надеялись, что облупленные стены и отпадающая плитка грязных станционных стен не увидят

Её выходящей из вагона? Разве вы не говорили сами себе: "Больше ни в какие религиозные культы ради СЕКСА я не вступаю"? Разве в тот момент, когда ОНА наконец-то приехала с большим опозданием, вы не были бесконечно счастливы?

Что-то есть особенное в небе, зависшем над Нью-Йорком. В России даже спокойный небосклон излучал драматичность и немного нервировал. В Австрии мечтательная синева предназначалась только для тщательно-размеренного изучения сухими и скучными, как бухгалтеры, астрономами. В Италии небесная голубизна щедро радует всех, в особенности художников и поэтов.

В Америке небо... Какое есть, такое и есть.

Здесь вообще об этом не принято говорить!

До отхода автобуса в пансионат останется еще 20 минут. Хватаешься за голову: презервативы! Забыл, идиот! Что делать? Не хватало еще, чтобы все сорвалось из-за такой мелочи! Нельзя ей давать никаких поводов открутиться! Черт возьми, совсем нет мелочи! Подходишь медленно к Ней и просишь: "Слушай, у меня уже карманных денег не осталось. Надо бы сигарет купить. Там не купим. Там все это нельзя". Она протягивает двадцатник. Бежишь в ближайший магазин. Унылый пакистанец за прилавком листает порножурнал и причмокивает губами. Пачку сигарет и пачку с 20 презервативами. Постой! Три дня и две ночи. Чем черт не шутит, ведь 20 может и не хватить... Еще 20 пожалуйста. Пакистанец смотрит уважительно. Бегом назад. Вот, уже садятся в автобус! Она. Вот сигареты, вот сдача. Чего так мало? Я купил там еще сигарет. Где они? Да вот только засунул их в рюкзак. Показал бы тебе, но они его уже в багажник засунули. Вот сука! Врать заставляет в открытую. Если я скажу, куда на самом деле ушла двадцатка, ты же мне пощечину дашь и выскочишь из автобуса как ошпаренная! А мне же врать, все равно что ножом по сердцу! А я же правду люблю! Я же живу на свете, чтобы правду-матку найти!

Чтобы эту правду в матку! В матку ее! В матку!

“Фонтаны Бургундии”. Унитаз французский. Ручная разрисовка золотой краской под Мане. Босс сказал, что если покупаем дешевле 2000 долларов, то продаем в три раза дороже. Если больше 2000, то в четыре. Не унитаз, а сказка: встроенные радио, телевизор, термометр. Интересно, температуру чего он измеряет?

Испражняйся - не хочу!

О, клиент подошел! Дамочка в самом соку. Модель-миллионерша, наверное. Здесь, в нижнем Манхэттене, их хоть пруд пруди. Вам нравится? Какой вам надо расцветки? “Фонтаны Бургундии” бывают около 20 расцветок. Вам кажется, что модель в выставочной комнате слишком яркая и броская? Хорошо, вот вам каталог со всеми образцами. Какой вам больше нравится? Черный. Хвалю! В вас видна гениальная оригинальность. Я уверен, что вам понравится! Такой товар такому приятному человеку как Вы, просто не может не подойти! Минуточку. Только оформлю заказ! Спасибо, приходите еще!

Пришла пора описать ЕЕ. Конечно, странно, что в романе еще не фигурировали имена героев, их трудовые характеристики, астрологические карты. По этому поводу стоит написать жалобу в Министерство По Соблюдению Традиций В Литературе (Отдел Имен И Фамилий). Но внешность ЖЕНЩИНЫ - это больше чем ее профессия. Если внешность ЖЕНЩИНЫ возбуждала - хотелось совокупиться с ней душой и телом, с последующим переходом в мелкобуржуазную стадию мещанской деградации. А если

оставляла желать лучшего, то у “человека, для которого нет ничего святого” все равно было сильнее желание затянуть ее в постель.

Увы, некрасивые женщины могли видеть сквозь писателя и отказывали ему куда чаще красивых. А красивые совсем не отставали от некрасивых. Все, достали! Пока объяснял, почему хочу описать ее внешность, так расстроился, что передумал вообще!

Как любезный читатель ещё успеет заметить, автор подло нарушит свое обещание не давать имена героям. Он так старался чтобы ЭТО было без главного героя, чтобы ОН выглядел как Великое Непознованное Оно! А Она - все равно ОНА! Но роман развивается, и автор, не обладающий цепкой памятью, начинает путаться. Пришлось снова предавать свои принципы! Ну что же, как назвать главного героя? Имя должно быть коротким. Сильвестр? Силантий? Дормидонт? Всё это грубо и неэстетично. Пусть будет Олегом - коротко и ясно.

Теперь о ней. Сразу пришло в голову “Инга”. Большинство имен знакомых девушек автора начинались с буквы “И” и заканчивались на “А”. К тому же, от имени “Инга” веет магией и необычностью.

Самым любимым занятием “графомана” были самооскорбления. Как он себя только не называл! Так что не удивляйтесь, если на протяжении текущего романа вы увидите новые рекорды в области “развитого мазохизма”.

Забавным фактом остается то, что автор не испытывает никаких трепетных чувств к женщинам. Почему его не тянет дарить представителям прекрасной половины человечества красные розы (покупать лучше на 86 улице с 5 до 6 вечера, можно еще не совсем увядшие приобрести по два доллара за штуку), посвящать стихи, защищать от бандитов? Все, что его волнует - секс. Секс и кусты. Секс в кустах. Где его чувство моральной ответственности за судьбы мира, за судьбы грядущих поколений? Почему его абсолютно не волнуют расширяющаяся озоновая дыра и увеличение количества больных геморроем в Северо-Восточной Индии? Психологи ужаснулись: полное отсутствие нравственных ценностей! Просто-напросто вырождок!

В оправдание следует сказать, что Олег родился в бедном пролетарско-криминальном гетто. Его отец - мелкий торговый работник, жулик и алкаш, дал сыну за всю жизнь только один единственный совет: “Кто Сгреб, Тот и Въеб”. Этот совет к сексу не имеет ни малейшего отношения. А значит он следующее: кто первым украл, тому и принадлежит.

На детской площадке дома, где жил Олег, не переводились в доску пьяные пролетарии. Игравшие в песочнице малыши строили крепости из битых бутылок, а, чуть повзрослев, снимали с валявшихся в грязи алкоголиков часы и кольца - и вообще всё, что можно было снять. К женщинам у мальчишек было особое отношение: мальцы подходили, задирали подол и рассматривали плоть и нижнее белье.

У отца была любовница, которая жила в соседнем подъезде, и все ребята во дворе знали, куда и зачем бегают папаша будущего писателя. Они даже отрывали его от игр, показывая указательным пальцем на спешащего из подъезда в подъезд неверного

родителя. Папа подходил, давал мелочь, еще раз говорил свою волшебную фразу (“Кто Сгреб, Тот и Въеб”) и бежал, чтобы пить и совокупляться.

И вот, этот мечтательный мальчик вырос, получил высшее образование и пошел в жизнь! Но как следовать жить по совести, его никто никогда и не учил. Да и сам термин “совесть” был ему неясен. То есть, полный моральный деградант. Слава богу, что еще и не убийца. А то пришлось бы вам сейчас не эту книжку читать, а “Нью-Йорк Таймс” про циклоны на Мадагаскаре и инфляцию в Китае, пока вашего покорного слугу во все дыры употребляли бы отпетые уголовники.

Микроавтобус, в котором находилось около дюжины человек, чихнул, дрогнул, пукнул газом и затрулил к Линкольн-Тоннелю. Пассажиры автобуса направлялись в горный пансионат с целью оздоровиться душой и телом посредством занятий йогой. ДЕВУШКА сидела рядом и заморожено смотрела в окно. Самое сладкое в путешествии – то, что через некоторое время не увидишь того, что видел вчера, позавчера и т.д.

Пусть этот Нью-Йорк горит ярким пламенем со всеми его небоскребами! Пускай всех уолл-стритовских маклеров схватят заповоры! Пусть все спортивные команды забегут на крыши горящих зданий и спрыгнут! Пусть всех остальных одолеет сифилис! Пусть в этом городе запретят делать Нью-Йоркские Стэйки!

Вот глубина ненависти, которую испытывал Олег.

Но это, конечно, все быстротечно. Через какое-то время просыпаешься поздно ночью в Сент-Джозеф,

штат Мичиган, смотришь на замерзшее озеро Мичиган, дышишь воздухом штата Мичиган и Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, куда не посмотришь - Мичиган, Мичиган, Мичиган Мичиган и Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган, Мичиган.

Ты слушаешь монотонный шум прибоя, ходишь по центру города, надеясь встретить хоть кого-нибудь, будь то местный житель, марсианин или скрывающийся Элвис. Но, за исключением непонятно откуда взявшихся японских туристов, никого нет.

Самым интригующим в НЕЙ был взгляд, в котором одновременно уживались грации хищной тигрицы и прекрасной лани. От этих глаз все в душе и в штанах вставало, отказываясь возвращаться на первоначальные позиции. Ее голова и шея прекрасно гармонировали с великолепным туловищем, немного пухлым, но не менее приятным, и мощными спортивными ногами. Недостатков в ней, конечно, тоже было немало, но рассказывать об этом или нет, автор пока не решил. Вдруг, в конце романа, они поженятся? Зачем же плевать в колодезь? Но, может, он ее и убьет. Будет пламенно и нежно любить, но опустится до банальности и все равно убьет. Не зря в описании он употребил слово “туловище”. Это термин из лексикона убийцы-каннибала, расчленяющего тело своей жертвы, варящего из этого самого туловища прекрасный питательный вкусный суп и бесплатно угощающего им бездомных на церковной паперти в Гарлеме.

Но при всем желании невозможно пройти критическим пером мимо ее отвратительного голоса, тембр и тональность которого были аналогичны скрежету по стеклу. К сожалению, с ней хотелось только заниматься сексом и ничем больше. Но и это неплохо! В жизни Олега были женщины, с которыми даже и этого не сильно хотелось. Но он брал себя в руки, вспоминал суровое полукриминальное детство в пролетарском гетто, папу и доводил начатое до логического и физического конца. Олег соглашался со старой, как мир, истиной, которая гласила, что нет некрасивых женщин. Бывает мало водки.

Прошло несколько дней после начала работы. Босс пригласил Олега в свой кабинет. Прикрыв дверь и выжидая, пока босс окончит телефонную беседу, писатель рассматривал обстановку. Стены офиса украшали грамоты Американской Ассоциации Экспортеров Бытовой Сантехники и меню дешевого китайского ресторана “Великая Китайская Стена”. На столе вперемешку лежали цветные рекламные брошюры, алюминиевые краны и останки жареного цыпленка, наверное, из той самой «Великой Китайской Стены». Наконец, босс повесил трубку, и тут же в душу Олега закралось недоброе предчувствие. Может, сегодня будет его “последний и решительный бой”: уволят, выгонят назад в суровый мир, где надо каждую секунду думать о деньгах или искать повод для самоубийства. Но босс был настроен миролюбиво. Он спросил:

- Ну, как работается?

- Хорошо. Стараюсь.

- Я вижу, что ты стараешься, но я должен тебе

кое-что объяснить. Ты знаешь, чем моя компания и сама наша индустрия отличаются от других?

- Ну... мы продаем предметы роскоши.

- Ты ничего не понимаешь! Ты знаешь, что в нашей промышленности не было ни одного судебного процесса из-за сексуальных домогательств? Здесь люди гораздо циничней и проще. Туалет - единственное место на свете, где человек остается наедине с собой. Не зря в ванной комнате homo sapiens чаще всего абсолютно гол. Мы продаем товар, возвращающий человека в первобытное состояние. Мы панки, анархисты, мы революционеры! Вот кто мы на самом деле! Чем ты занимаешься на этой неделе?

- Изучаю коллекцию "Фонтаны Бургундии". Еще цены в компьютере изменяю.

- Нет! Вы только посмотрите, что он делает? Завтра читай это.

Босс бросил мне книжку и опять стал ругаться по телефону с кем-то из итальянских поставщиков. Книга называлась так: "Как Сбросить Узы Цивилизации За 24 Часа И Заработать На Этом Кучу Денег". Автор имел ученые степени по психологии, теософии и философии. Олег вспомнил, что недавно в газете промелькнуло сообщение о том, что на этого известного писателя подала в суд бывшая любовница. Профессор заставлял ее кусать себя за левую ляжку во время секса, и теперь у нее психологическая травма: она не может спать с другими мужчинами, ей хочется больно кусать их за левую ляжку. Для того, чтобы эта травма залечилась, профессору пришлось отстегнуть ей три миллиона долларов.

За окном автобуса обнажилась Природа. Дети мегаполиса, уставшие от телефонов и телевизоров, стали жаться друг к другу. Внезапно они почувствовали, что цивилизация кончилась. Если бы их везли в армию или тюрьму, то сейчас бы наступило время более сильного человека. Но пансионат йоги - совсем другое дело. Туда едут найти себя, заглянуть себе в душу, спросить себя, для чего ты живешь и надо ли ехать в другой район за луком, если там он дешевле аж на 50 центов за фунт. Олега все эти интеллигентские комплексы не мучили. В голове он Ингу во все дыры заделывал. Инга сидела рядом и вспоминала московский загородный дом отдыха, где у зеркального пруда с белыми лебедями она отдала свою девственность отдыхавшему там же космонавту, который недавно вернулся с околоземной орбиты и хотел вспомнить все, чем хороша эта планета. Как это было прекрасно и возвышенно! Молодость пролетела. Через год уже тридцатник. У подруг семьи, дети - а у нее?..

Куда она едет? Зачем? С кем? Она же его третий раз в жизни видит.

Гуру осмотрел свое притихшее племя, потом тихо и печально запел:

- Хари-ом, хари-ом, хари-хари-хари-ом.

Группа мгновенно подхватила. По салону разнесся грустный мотив.

- Хари-ом, хари-ом, хари-хари-хари-ом. Хари Кришна, хари-ом, Хари Кришна, хари-ом.

И только сидевшие сзади Олег и Инга не пели. Незадачливый продавец унитазов и дипломирован-

ный "творческий писатель" злился на своих соседей по вэну за разрушенные минетные фантазии, а бывшая москвичка сидела в испуге. Это йоговское путешествие начинало ее нервировать. Во что она ввязалась? Она всегда была далека от религий и сект. Да она даже не подозревала об их существовании! Где-то читала, что некий религиозный культ делал человеческие жертвоприношения девственницами. Хотя она была далеко не девственница, все равно ей стало немного не по себе. Девушка ругала себя за то, что согласилась на эту поездку. Вполне возможно, что эти странные люди были менее фанатичны и могли принести в жертву не только девственницу. С таким религиозным экстремизмом Инга была принципиально несогласна.

- Алло! Здравствуйте. Я у вас заказала унитаз "Фонтаны Бургундии" черного цвета месяц назад. Почему еще не привезли?

- Унитазы производятся во Франции. Приблизительное время доставки - шесть недель.

- Мы уже заканчиваем достраивать дом. Что же происходит?

- Не волнуйтесь, максимум через пару недель "Фонтаны" у вас будут.

- Алло! Это опять я. Уже прошло два месяца. Где моя "Бургундия"?

- Хорошо. Я постараюсь выяснить причину задержки. Алло! Джоанна? Набери мне Францию, Пьера. Алле. Parle vous france? Je ne sepa france. No compre. Parle vous ingleasha? Да-да, здравствуйте! Извините за мой плохой французский. Я в колледже учил французский всего два семестра, но провалил

экзамены. У меня глубокая любовь к Франции, а способностей к языкам - с гулькин нос. Во-во, а я о чем! С кем я говорю? А! Антуан! Мне надо знать, почему еще не прибыл наш заказ. Номер 3478. Ты не знаешь? А кто знает? Где там Пьер? Как у любовницы? А работать кто будет? У Лоретты?! Я так и знал. Переключи меня на нее. Лоретта! Привет! Это Олег из Нью-Йорка. Ты помнишь, вы с Пьером приезжали, и я вас в русский ресторан водил? Ну да, босс мне приказал вас развлечь. Мы там славненько поддали. Цыгане тебе понравились. Да, цыгане они мощные люди! Где там топ ами Пьер? А, Пьер-Пьерушка, привет!

- Лоретта на меня злится.

- Чего вдруг?

- Она хочет, чтобы я от жены ушел. Олег, спаси меня. Только ты один меня понимаешь. Я же благородный человек. Как я могу уйти от нее? Я же с ней почти полвека вместе. У меня же кроме Лоретты и жены никого нет! У меня же широкая душа. Ты из России и обязан меня понять! Как там у вашего Лермонтова... "А он, безумный ищет бури, как будто в буре есть покой". Это же про меня! Лоретта, не бей меня. Она выхватывает у меня телефон!

- Олег! Ему уже седьмой десяток идет. У него гастрит и геморрой. Сигары курит днем и ночью. Куда ему еще жена? Он уже и так почти импотент.

- Лоретта. Ты полностью права, дай ему, пожалуйста, трубку. Пьер, я твой друг, ты меня знаешь. Лоретта - золотая женщина, слушай ее! Она тебя любит.

- Ты так считаешь, Олег?

- Да. И мне также надо знать, что там с нашим последним заказом.

- "Фонтаны"? Они уже готовы.

- Так, что же случилось? Почему они ещё не в Нью-Йорке?

- Тут в Марселе забастовка портовых рабочих уже третью неделю.

- Как забастовка???

- Что здесь такого? Вот недавно забастовка проституток была. У нас тут все время кто-то бастует.

- А что они хотят?

- Тут нашествие албанских проституток, которые гораздо дешевле и делают всё. Наши хотят, чтобы их лишили налоговых льгот, как беженцев, или хотя бы запретили им анальный. Наши мужики тут с ума по этому поводу сходят.

- Да кому эти бляди нужны? Я рабочих имею в виду! Рабочих! Которые сейчас бастуют!

- А, эти! Зубную страховку.

- Что, нету зубной?

- Есть, но слабая. Каналы не включает.

- А, каналов им захотелось!

- Да, зубная боль - дело серьезное.

- И долго они так будут?

- Грозятся что полгода...

- Пидоры...

После долгого подъема по узким горным до-

рожкам, микроавтобус вполз в ворота пансионата, расположенного прямо на горе. Было около 10 вечера. В кромешной тьме мы шли наощупь. Народ вылезал из машины, предчувствуя невиданную красоту, которая должна прятаться где-то вокруг них. В холле административного домика сидела девушка. Она была симпатичней Инги в тысячу раз. Пришла пора платить за предстоящее духовное удовольствие. Инга заплатила кредитной картой за номер на двоих. Девушка-клерк сказала:

- У нас сегодня в 11 известная шаманша Ране из индейского племени из Канады проводит "Потный Шалаш".

- Это входит в стоимость или дополнительно? - перепугался парень.

- Входит, не волнуйтесь, - успокоила девушка.

Олег задумался. Вся это йоговская экзотика должна Ингу поразить. Она будет благодарна ему за то, что затянул ее сюда, и это благотворно-сексуально отразится на нем.

Они зашли в комнату, положили вещи, и, так как до церемонии оставалось еще немного времени, решили ознакомиться с окрестностями. Вернее, с горой. На самой вершине стоял портрет какого-то известного йога. Перед ним горела свеча, расточая кругом аромат. Олег притянул к себе Ингу и поцеловал в губы. Она ответила. Олег захотел еще раз, но девушка стала сопротивляться. Он, озлобившись, отошел в сторону и сел на траву. Инга села рядом. Он положил ей руку на плечо.

- Не знаю отчего, но я боюсь тебя. - сказала Инга.

- С чего вдруг? Я не кусаюсь.

Это "боюсь" звучало здесь абсолютно неуместно. Может, больше подходило "не люблю" или "не нравится". Странно все это. Если она поехала с ним в лагерь, значит, он ей нравится, значит, там, наверху, в комнате будет праздник любви и счастья. Страх абсолютно противоположен тому, что будет потом по модулю. Ну ладно - впереди экзотический потный шалаш. Он правильно расставит знаки над модулями. Модуль - дурацкое слово.

Больше всего на свете писатель любил переводить. Самым интересным был квадрат из разных языков. Например, взять стихотворение Тараса Шевченко на украинском, перевести его на французский, потом французскую версию на английский, а что получилось - на русский. На французском он знал 50 слов, на украинском 200. Еще была дюжина слов на идише и итальянском. Он ни в коем случае не был полиглотом, то есть человеком для которого выучить иностранный язык легче, чем справиться естественную нужду. Переводы, конечно, получались хреновые, но когда удавалось хоть одну строчку перевести близко к оригиналу, вся душа пела. Сочетание утилитарного американца с утонченным французом и добродушным улыбчивым украинцем успокаивало психику. Когда-то рухнула Вавилонская башня, и теперь надо кому-то ее восстанавливать. По кир-

пичику в год.

О Джей Пушкин, Адольф Клинтон, Саддам Буш, Иосиф Виссарионович Моника-Левинский, Владимир Ильич Леннон, Никита Сергеевич Кобейн, Леонид Ильич Гейтс, Михаил Сергеевич Чернобыльский, Борис Николаевич Майкл-Джексон.

У озера активисты под руководством Ране развели большущий огонь. Олег и Инга наблюдали за этим горы: в центр поляны положили крупные камни, потом начали возводить шалаш. Вначале вырос деревянный скелет, напоминающий останки огромного динозавра, щели заделали шкурами.

Скоро все было готово. Языки пламени выхватывали из темноты лица. Ране дала знак всем желающим поспешить внутрь.

Олег и Инга в спортивных костюмах зашли в шалаш. В руках Олега было полотенце, в котором был завернут маленький фотоаппарат, хотя, конечно, вряд ли это было разрешено. Они пролезли через головы и тела уже находившихся внутри, и протиснулись к стенке. В шалаше было холодновато. Стояла абсолютно непроглядная тьма. Внезапно он забыл про Ингу. Почему он забыл? Вроде бы, она рядом. Грудь ее бьются как волны, а нету ее и все. Строение шалаша по древним индейским законам будило Настоящего Хозяина внутри. Инги не существовало. Имена всех его женщин начинались с "И" и заканчивались на "А". Ира, Ирма, Инна, Инга. Менялась только одна или две буквы посередине. А, может быть, этих женщин никогда не было и не будет? Возможно, они даже никогда не рождались?

Ресторан на углу 23 улицы и 8 авеню. Красная крыша. Воскресенье, вечер. Парень с девушкой ждут официанта.

- Ну, в принципе, мне поездка понравилась. Спасибо, что ты меня затянул.

- Извини, я хочу тебя что-то спросить.

- Ну?

- Если бы я тебя в первую ночь изнасиловал, ты бы меня посадила?

- Да.

Вилка и нож падают на тарелку. Раздается режущий ухо и тишину звон. Парень встает и идет по направлению к выходу. Девушка кричит:

- Саша! Я не хотела тебя обидеть! Я погорячилась! Я бы не заявила!

В подарок критику и читателю автор сорвал с себя маску и признался в автобиографичности романа. Дело в том, что пишущий эти строки уважает и ценит нелегкий труд критика, и с радостью даст подвергнуть свое бесценное дитя и самого себя литературному, психологическому и даже марксистскому анализу. Автор даже может добровольно сдать анализ мочи.

Еще одно замечание: почему писатель поставил конец романа в середину?

Ведь некоторые молодые читатели мужского

пола уже штаны расстегнули и взяли в руки свои шукувины в предвкушении жаркой ночи любви, описанной с привлечением смачных подробностей. Многие девушки, узнай они, что наткнутся здесь на заключительные строки, припасли бы сатиновые платочки с вышитыми сердечками, чтобы утирать слезы. Ответ предельно прост. Во-первых, у данного автора полностью отсутствует талант к детальному описанию. Когда он пробует это делать, у него начинает чесаться пятка и ему хочется съесть салат "оливье". Во-вторых, это так ему пришло в голову, а он известный эгоист, и ему на всех остальных наплевать, начхать, а на некоторых – насрать

Она сама пригласила его в кровать, разделась, просит, чтобы он ее массажировал, а самого главного не дает. Она хочет, чтобы ее взяли силой! Ну, дай ей пощечину! Вперед! Avante!!! Мужик ты или нет?!

Нет. Не могу. Она, конечно, прикидывается, но я не хочу в тюрьму. Тюрьма - это самое страшное. Кроме того, если я ее ударю, это будет означать что я ее хочу. У нее появится такая уверенность. Фанатизм или догматизм. Но ведь это не я. Я не знаю, хочу ее или нет. Если она рассчитывала, что я применю силу и поддамся ее фантазиям, она крупно просчиталась. Абзаца.

(продолжение в следующем номере)

Андрей Коровин

фото Анатолия Степаненко

Из цикла «про женщин»

пролог

я вот думаю:
пока я думаю про женщин – я живу или существую?
мне кажется: женщины больше похожи на птиц
а не на кошек, как все почему-то думают
сядет на подоконнике с самого края
поклюёт, что дадут, подумает
может даже остаться на какое-то время
кошки привязаны к дому, а птицы – к небу
даже родив потомство, они улетают
стол и кров им не важен – важна свобода
расправить крылья, парить по небу и быть счастливой
сколько их уже от меня улетело, а я всё тот же
смотрю на небо, люблюсь солнечным их полётом
держу в запасе буханку хлеба, окно открытым
пускай влетают: живут, трепещут
и улетают

про грудь

я давно заметил, что женщины с большой грудью
созданы для родов, а с маленькой – для ебли
природа сама расставила приоритеты
более того – я абсолютно уверен,
что маленькая грудь намного эротичнее большой
я вообще не понимаю, почему все так носятся с
большой грудью

мужчины сходят с ума по этой природной соске
(так до конца жизни и тянутся к материнскому молоку!)
им чем больше – тем лучше
(ненасытная жадность младенцев!)

женщины беспокойно разглядывают себя в зеркале
с самого детства: растут ли её бугорочки?
такие ли они, как у подруг в классе?
лучше ли, чем у соперниц в институте?
краше ли, чем у жён друзей мужа-сына-любовника?
они засовывают в свою грудь силикон,
отчего она становится дубовой

они набивают в лифчики вату
прикрепляют увеличивающиеся прокладки
(или как они там называются) –
чего они только не делают ради своей груди!

а я люблю грудь не маленькую и не большую
я люблю полураскрытую грудь в вырезе летней блузки
игриво поглядывающую на меня
ещё люблю обнажённую грудь
выступающую двумя острыми точками
сквозь летнюю майку
или проступающую сквозь платье после дождя
да что там лукавить! –
я люблю всякую грудь:
и маленькую и большую
и обнажённую и одетую
и мокрую и сухую
и с большими сосками и с маленькими
и с острыми (ох, вот от чего я схожу с ума!!!)
и с плоскими
и особенно твою – да, да! – да что ты оглядываешься? –
твою!!!

о влиянии моды на секс

иногда заводит даже не вид, а цвет
в одном сезоне были в моде такие синие летние платья
они жутко меня заводили

как-то мы пьянствовали в компании моей любовницы
с её подругами
одна из них была именно в таком платье
когда она уходила, я отправился её провожать
сказал в полушутку, что увезу её к себе
она только лишь рассмеялась
я поймал машину и назвал свой адрес
всю дорогу мы целовались
но она до упора думала, что я шучу

дома были родители
 которые не были готовы к таким выкрутасам
 я совсем недавно развёлся
 мы трахались с ней всю ночь, не в силах остановиться
 и утром не реагировали на стуки в дверь
 родители куда-то уехали, а мы продолжали весь день

потом мы ещё встречались какое-то время
 она любила коллекционировать квартиры
 и мы встречались то на одной, то на другой
 у неё был постоянный любовник, почти что муж
 отец её дочери
 он был богат и женат
 иногда они отдыхали вместе
 а сама она работала секретарём в офисе
 у неё был такой голос, что клиенты от него кончали
 у неё была своя фишка
 она никогда на меня не бросалась
 сначала она шла в ванну
 потом отправляла туда меня
 и ждала голой в постели
 в нашу последнюю встречу
 она согласилась, чтобы я трахнул её в задницу
 раньше она никому этого не позволяла
 её девственная задница была такой тугой и узкой
 что я даже не получил удовольствия

впрочем, в то время у меня было семь любовниц
 ровно по дням недели
 они были совершенно разные – от маленькой и
 хрупкой
 до невероятно полной – я просто проваливался в её пизду
 а потом я уехал из этого города

сейчас в моде розовые кофточки
 и это меня заводит

клитор – это твой незаживающий космос
 космос – это твой незаживающий клитор
 что было бы с нами
 если бы клитор перестал быть космосом
 а космос – клитором
 только одна большая рана
 вместо тебя

загадки женщин

у женщин я всегда находил отверстие
 даже там где теоретически
 его не могло бы быть
 они любят прятать свои отверстия
 в самых неподходящих местах

у одной помню я нашёл его в заднице
 у другой – под мышкой
 третья прятала его в сливном бачке
 чтобы муж не нашёл
 четвёртая дала поносить подруге
 пятая носила его в голове
 шестая хранила в хрустальной шкатулке
 седьмая пользовалась им как магнитом
 восьмая обменяла его на молитвослов
 девятая вышивала крестиком

а сто двадцать седьмая
 вообще хранила его между ног
 то-то мы с мужиками смеялись

красная шапочка

- бабушка, а почему у тебя такие большие уши?
- это не уши, внученька
 это мои половые губы
- бабушка, а почему у тебя такой большой нос?
- это не нос, внученька
 это мой клитор
- бабушка, а почему у тебя такой страшный рот?
- это не рот, маленькая грязная развратница!
 это моя пизда
 и она тебя сейчас съест
 чтобы ты не лазила где попало
 и вообще что за дурная манера отвлекать меня
 от туалета когда я жду гостей???

*

когда маркиз де Сад с друзьями
 в одежде охотников
 пришли к маркизе де Помпадур
 на традиционную воскресную оргию
 они долго удивлялись тому
 что это так щекочется
 и кусает за хуй
 у маркизы в пизде

*

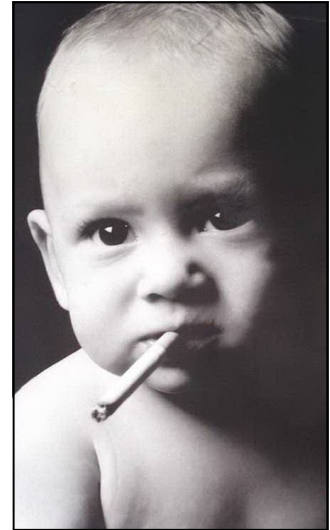
а Волк уже третью неделю
 томился в Бастилии
 за пропаганду идей революции
 среди обитателей леса

Фрагмент работы Рионсюке Кохена (Япония)

Олег

Разумовский

Секс-рентген

Темное помещение было похоже на таинственный грот. Варвара вошла туда покачиваясь. Ее слегка подташнивало. Волновалась страшно. Даже фамилию свою сначала забыла. Она была очень болезненная, потому что нежная, оттого что южная.

- Вы откуда, простите, будете, женщина? - спросил ее рентгенолог Григорий Черепушкин. Он пожилой и вежливый, что ей очень понравилось. По жизни она сколько раз нарывалась на конкретное хамство. Какой-нибудь алкаш вдруг начинает тебя лапать и даже склонять к сожительству. Безумные они мужики наши, это точно. А тут она обрадовалась даже, снимая кофту в ярких цветах. Мужчина-то ноль эмоций. Да, возможно, он и не может уже, что, впрочем, даже и лучше. Она обрадовалась даже. Он бормотал что-то вполне безобидное, записывая ее данные. У его открытого рта было мокро от слюны. В помещении темно. Лишь светит специальная красная лампа. Прохладно, как в морге. Варя плохо соображала. Большой бюстгальтер номер пять небрежно бросила на стол.

- Ну, рассказывайте, женщина, - произнес, наконец, Григорий Иванович Черепушкин, рентгенолог.

Она прислонилась грудью к холодному стеклу и начала.

- Ладно, слушайте,- произнесла она, наконец, решительно, будто отчалила от берега груженная баржа, - первый раз я этим делом заниматься стала, когда еще в школе училась.

Григорий Иванович Черепушкин ходил тем временем по кабинету, бормоча что-то невнятное, искоса, но профессионально поглядывая на полуобнаженную женщину. Отметил, что сиськи большие и отвислые, губы ярко накрашены, а тело все в шрамах и желтых пятнах от побоев. Будто кто по пьяной лавочке на ней бедной лезгинку танцевал. "От чего бы это", - подумал отстраненно, как будто не принадлежал человек к нашему железному веку. Он был одет несколько старомодно: ботинки с широким мысом и грязными шнурками, короткие брюки, длинный пиджак, широкий галстук весь в соплях.

Черепушкин, старый мудака, имел обыкновение сморкаться в этот предмет. Рубашка под пиджаком виднелась пестрая и совсем застиранная. Одним словом, сразу видно, что человек пожил как следует и много чего в этой ебаной жизни повидал.

Где-то там, в оставленной обоими персонажами повседневности, осыпались цветы в палисадниках, тревожно завывал в трубах злой ветер, подавалось к чаю печенье Мария и клубничное, блядь, варенье; у кого-то саднило в боку, а где-то прорывалось наружу нашей печально-надрывной песнью.

Черепушкин вышел куда-то и долго не возвращался. Варвара аж затосковала. Ей приходилось стоять обнаженной по пояс в довольно прохладном помещении. Хуево это для здоровья, о котором она очень беспокоилась. Вспоминался же от нехуй делать Артем Петрович, который носил длинный кожаный плащ, а сам невысокого такого расточку был мужчина. Зато в постели настоящий герой, поэтому и понимал о себе чересчур много. Всегда придет бывало с коньячком армянским, зная ее тонкую натуру, и конфеточками дорогами в красивой коробке. "Ты, Варвара,"- скажет бывало, подбоченясь, глядя на нее строго, даже сурово, "настоящая, блядь, барышня по виду. Честное партийное. Я таких, как ты красавиц, милая, в прежнее время ох и до хуя в расход пустил. Несчетное количество штук. Да. Поэтому знаю вашу сестру досконально и нюхом, блядь, чую. Мы в сортире, извини, вас мочили. За правое дело. И, заметь себе хорошенько, ни одна коза не жаловалась, но напротив все просили у нас прощенья. Факт. Значит, совесть у них, блядей, имелась все-таки. Некоторые каялись, сучки, но нельзя нам было быть добренькими, пойми, родная. Или мы их или они нас. Понятно? Дело прошлое. Остыл я нынче. Нет той ярости. А тебя люблю, дуру."

Варвара смеялась только и не знала толком, то ли верить мудаку, то ли сомневаться в правдивости его слов. Потом они выпивали по стаканчику, закусывали лимончиком с сахаром, тоненькими долька-

ми лежащим на тарелочке, или ветчинкой там из его черного портфельчика. После этого Артем Петрович исчезал куда-то. Она же слушала музыку по проигрывателю. Уйдет бывало вся в мир грез, а он вдруг - прямо жутко делалось - подкрадывался к ней сзади и начинал душить. Шарфом, чулком или просто удавкой. Когда же она уже хрипела, срывал с нее всю одежду, рвал на части платье, кофточку, бюстгальтер. Бил ее по ребрам, сбивал с ног ударом в челюсть. Топтал ногами в яловых сапогах. А после делал это самое с ней грубо, обычно сзади. Отменный, между тем, был ебарь, надо отдать ему должное. Царство ему небесное.

Или вот, скажем, Максим Петрович. Толстый, между прочим, как боров. Но уважаемый даже очень. Обязательно в модном темном костюме даже в самую жару. Сама-то я разденусь до купальника, загорю вся до черна, а его так и похоронили в стильном костюмчике. Большой любитель пошутить был покойник-то. В домике помню пахнет свежими яблоками, которые лежат прямо на полу, а он как набросится и бьет без предупреждения. Ни с того ни с сего, кстати. Вроде только что говорил о событиях на Ближнем востоке и вдруг, бам, прямой удар прямо в рожу. Потом по почкам, по печени. Короче, беспредел. Будто я дешевка какая. А я ведь далеко не с каждым. Отнюдь. Да пошли они на хуй, козла вониючие! Я себе цену знаю. А Максим Петрович был, прямо как бык бешеный. Бросался на меня, словно на красное. Глаза у него наливались кровью. Отчетливо было видно при заходящем солнце. Я вся избитая из-под него вылезала, а по всему телу еще занозы, потому что этот мудака любил этим делом на полу заниматься. Раздолбай. И при-

вычка у него была одновременно есть яблоко. Царство ему небесное.

Но основной, конечно, был Борис Семенович. С гладкой коричневой лысиной, от которой завсегда пахло хорошим одеколоном. Кажется, "В Полет", если не ошибаюсь. Он совершал со мной длительные прогулки до самой речки и обратно к домику, рассказывая про Гренландию, где он впервые попробовал мясо замороженного мамонта. И до чего ж вкусно, говорил, прямо как телятина. Но лучше всего обезьянена, которую он отведал в Африке. Путешественник был он великий.

Варвара слушала человека внимательно, чуть прикрыв глаза от наслаждения, а Борис Семенович болтал и трогал ее обширный зад. А потом как даст неожиданно с правой по виску и тут же с левой в правый глаз. Она брык с копыт и валяется. Он долго топчет ее в остроносых туфлях на высоких каблуках и при этом несет какую-то ахинею, как жрал типа скунсов в Австралии вместе с пигмеями. Сорвет бывало всю дорожную одежду, изорвет ее в клочья и трубит, как слон. мудила. После кусаться начинает, словно упырь какой. Да и голос имел загробный. А вид вполне туберкулезный. Уебище полное. Впрочем, даже очень хороший человек. Положительный, самостоятельный. И очень аккуратный мужчина. Бывало завсегда спросит перед этим делом "а ты, блядь, сегодня подмывалась, Варвара? Только не ври мне, а то все зубы выбью." Серьезный такой тоже мужик, образованный. Даже несколько надменный. Что твой министр. Отменный притом чистюля. Вот почему меня и содержал. Я ведь всегда была и есть женщина чистая. Любил он меня сильно и уважал за ум тоже. Я обычно к его приходу и скатерку подберу новенькую и приборы поставлю нетроганные. Музыкачку какую-нибудь включу подобающую случаю. Он Кабзона любил и Лещенко. Даже очень. "А эти новые, блядь, Варвара,"- говаривал, "они разве поют? Да ни хуя подобного. Хрипят только. Да хрипят. Хрип один от них идет". И машет рукой безнадежно, Борис Семенович мой, царство ему небесное. "Хрипят," - повторял опять задумчиво и просил меня налить ему стопку белой. Выпивал и бил меня кулаком по голове очень больно. Черт туберкулезный. Пиздабол хуев. Потом, слава богу, наконец, затихал и засыпал лицом к стенке. Сто лет я б его смурной рожки не видала.

А перед смертью аккуратно, мне потом передали, одно только слово и вымолвил протяжно "пи-да-расы." Прохрипел просто. И затих навеки. Успокоился, наконец. Очень был неугомонный этот Борис Семенович. Земля ему пухом.

Варвара так разволновалась вся, что не заметила, как начала говорить вслух. А тут и явился пропащий Черепушкин, рентгенолог херов. Весь какой-то измученный, задроченный, весь в соплях. Одежда помятая на хуй, рожа красная. На пиджаке болтаются какие-то мерзкие веревочки. Смердит, пахла, как труп и чешется, словно у него чесотка открылась.

- Продолжим, - сказал Григорий Иванович несколько веселее, чем раньше, и открыл свой талмуд. Сел

и весь сгорбился. Придурак ебанный в рот. Забормотал нечто бодрое.

Варвара напротив несколько заскучала. Надоела ей вся эта хуйня. Да и зябка там было, простыть можно легко. А ей это нужно? В смысле на лекарства тратиться и все такое прочее. Лишняя канитель. Продолжила, однако, свой рассказ.

- ...я сначала мало чего чувствовала, вы понимаете, да и происходило все на скороту - в подвалах, в сараях, на чердаках и только месяцев через пять на берегу озера в палатке все получилось, блядь, как надо, классно, сбывлась, то есть, мечта девушки. Я стонала, блядь, орала, мы были такие неистовые, что разнесли эту ебаную палатку на хуй на части, на куски просто ...

Григорий Иванович Черепушкин, старый черт, подошел к Варваре сзади и со всех сил въебал ей двумя сомкнутыми руками по спине. Он называл это дать по горбюке. Был он мало образован, но достаточно хитер и изворотлив. Да и хуй бы с ним. Одним словом, подкрался он к женщине неслышно, словно кошка, дал ей по спине, а после подсоединил к ушам тонкие проводочки. По ее тупой башке прошел довольно сильный заряд. Следом ебнуло еще сильнее. Она вся задрожала, вцепилась рукой в запястье ебанутого Черепушкина и продолжала исповедь: " да заеби ж ты меня, парень, на хуй, я орала благим матом, и хоть он старался изо всех сил, я один хуй была неудовлетворенная и от него в пизду сбежала, от сосунка, после того как у костра распили поллитру и искупались обнаженные в озере. Он отключился, а я подалась обратно в город и по дороге еще дала шоферу "Жигуленка" за то, что он подкинул меня, урод. А там в центре, в гостинице, познакомилась с футбольной командой из Калу-

ги. Они как раз проиграли с позорным счетом и находились в плохом настроении. Недовольные, очень даже грустные и сильно поддатые. Одиннадцать взрослых, крепких и злых мужиков на одну меня малолетку. Пиздец. И в многоместном номере ихнем они захотели разрядиться и снять стрессы. Живо сдвинули койки в сексодром и понеслось это дело под Чайковского по радио. Другой музыки у козлов не было. А жаль. Футбалеры стали в очередь, как они на поле строятся, во главе с капитаном. Как сейчас помню, звали Колей. Рыжий такой с тупой мордой и большими ушами. Дебил полный. На рожу-то не очень, но с приличной елдой и отличным чувством юмора был человек. Он сначала въебал мне по харе, так что пошла кровь, а уже потом начал ебать довольно серьезно. Кайф. После уже в разную пошло, беспорядочно. Заезжали ко мне кто мог во все дырки. Вдвоем, втроем и всей козлой. Хуй только и мелькали перед глазами. Драли, короче, в одиннадцать конкретных хуев. Я ведь молоденькая совсем была. Растерялась. Стала задыхаться. Стручки эти лезли и между ног, и в зад и под мышки и в рожу мне. Прокляла все на свете. На хуй нужно. В пизду. Но хорошо тоже было. Понравилось. Сама уже вся в сперме ихней и в говне, потому что их тренер, который опоздал и позже пришел в номер, обоссался во время акта. А некоторые футболисты потом сидели на полу и пили водку или отсасывали друг у друга. Я говорю, пиздец был полный. Оттянулись футболисты и забыли про позорный проигрыш. Кто-то уже дрыхнул, а другие лудили меня и лудили, козлы вонючие. Волки позорные. Твари пастозные. Только под утро поутихли, да и у меня этот зуд в пизде проходить начал. Тогда решила исчезнуть я из этой гостиницы...

Собаки борзуют

Давно заметил, что ситуация с бесхозными собаками в городе далеко ненормальная. Бегают повсюду, лают, кидаются, порой и реально набрасываются и кусаются. Ходят слухи, что недавно ребёночка загрызли насмерть.

Некоторые, изгнанные недобрыми хозяевами псы, верно сторожат свои бывшие подъезды и готовы загрызть любого постороннего, пытающегося проникнуть в дом. Иные по ночам жалобно воют под окнами, вроде тех мужиков, которых жёны выгнали за пьянство и распиздяйство.

А тут я иду, блять, средь бела дня, что характерно совершенно трезвый, как раз перед солнечным затмением, и вижу, бегут три собаки - две чёрные и одна рыжая (паходу самка). Собачатся между собой, то ли кусаются, то ли ласкаются. Обгоняют меня и вдруг неожиданно нападают сзади. Две хватают за ноги, а третья (сучка) повисла на поясе. Ну, обороняюсь, как могу, пизжу тварей ногами. В итоге они убегают.

Прихожу домой в некотором шоке, снимаю джинсы, чтобы осмотреть раны, и вдруг понимаю нах, что нет футляра с телефоном, который висел на ремне. Вот же мрази! Да это ж настоящий собачий гопстоп.

Вспомнил тотчас, что за псами шла пожилая бичёвского вида тётка и бормотала: это их наркоман выпустил. Неужели надрессировал, гад, собак мобилы пиздить? Нихуя себе. Теперь искать их бесполезно. Они уже, наверно, вещь хозяину отнесли и в другом районе промышляют, сучку.

Мне советовали знакомые сразу же идти в травмпункт, потому что собаки неизвестные и могут быть бешеные, однако я решил лечиться испытанным народным способом. Лишь короткое время колебался: взять пару дешёвых водок "Велис" или четыре вина. Остановился на портвейне номер 29. Он стоит ровно двадцать девять рублей, и мужики крепко на него подсели,

прозван рабоче-крестьянским. В нём химии дахуища и, я решил, что от бешенства самое то пошло.

Взял, короче, три пузыря и пошёл подальше на Тропу Хошимина к роднику, а то везде уже борзые легавые нашего брата алкаша вяжут. Помню недавно только присели возле Чайника (так прозвали конструктивистскую развалину, которая стоит недалеко от нашей заветной Тропы) и по первому стакану прошлись - скачут барбосы ментовские с автоматами и забирают нас всей эпопеей в ихний сучий гадюшник.

Сел так на поваленное дерево. Хорошо. Никого нет - ни друзей, ни врагов не видать. Полная ёбанаврот благодать. Зелень кругом. Птички поют. Мирвана, как любил говорить Лёха, который теперь то на игле, то на стакане и бродит по городу, как зомби. Одел пару пузырей, вроде полечало. Укусы болеть перестали, и вообще стало заибись. Вдруг откуда не возьмись, бегут по тропе люди с собачьими головами. Весёлые такие и между собой собачатся. Вроде, как-то неуловимо знакомые. Кого-то из центральной братвы напоминают. Батя, кажись, Тоша, потом Ирка, которая в Японии на раскрутке лохов в питейном заведении работала, подружка её Жанка, полная оторва, потом ещё двое молодых барбосов, Михна и Масюк. Садятся возле меня на пнях и начинают портвешок номер двадцать девять разливать. Мне, конечно, хуй налили. Хорошо, думаю, собаки.

Выпили они, суки, сидят, прикалываются, ржут все, как идиоты. Жанка уже готовая. Выпила последний стакан и брык на грязный матрас, который для таких, как она, сюда спецом с помойки притащили. Меня по-прежнему не замечают, борзые твари. А, может, я невидимый стал. Не исключено. Отлично. Заимбись.

Вино у них довольно быстро кончилось, вход пошла трава. Тоша забил несколько косяков. Он, сука, мне давно не нравился: всегда, как выпивали, поило или дурь зажимал и подкалывал ещё, пёс. А Батя барбулятор сделал из грязной баклажки, что тут на тропе тыщу лет валялась вместе с пробками, старым говном и пустыми пачками из-под сигарет. Начали они пыхать. Тут уж я не выдержал. Встаю. Высокий, даже громадный, сильный, как Геракл, и злой, как вепрь, только сам не знаю, что это за животное. Подхожу к ним - как въебу. Батя сразу на высокое дерево улетел. Весит там, на суку, и чего-то лаёт еле слышно. Я Тоше с левой хуяк - он куда-то в глубокий овраг рухнул. И ни звука. Не твякнул даже. Михна с Масюком, самые молодые и резвые барбосы, сразу сориентировались и рванули вверх под гору. Папуля за ними еле пыхти, так как веса в нём где-то сто пятьдесят кг. Догонять не стал. Хуй с ними, в следующий раз проучу, псов. Смотрю - а где же Ирка, которая японских лашар крутила на бабло? А она срать пошла к роднику. У меня тоже против неё накопилось. Она однажды у меня ночевала и всю ночь охувала, а утром приставала, чтоб я её, сучару, похмелял, а то она щас сдохнет. Пошёл в кусты,

Ирка там сидит и на меня зырит. Ну, я ей раз с ноги ёбнул и хватит с неё. Рухнула трупом. А я пошёл и из барбулятора пыхнул пару раз. Меня так вставило, камраты, что яибу. Я, как шаман на оленьей упряжке, взлетел с Тропы Хошимина и вмиг оказался у себя дома. А там соседка Люба ошалевает, сучка задроченная на грани белочки. Орёт, громит всё подряд, краны уже все сломала, вот-вот в газовую плиту залезет и взорвёт нахуй дом. Ну, пришлось успокоить тварь конченую, голимую устрицу. Вырубил собаку паршивую надолго.

А меня тем временем прёт так классно только на жратву сильно пропёрло. Поставил гречневую кашу варить, сам лёг на диван, телек немного позырил, там какие-то кавказские овчарки между собой хуяются насмерть. Выключил быстро дебилятор и заснул. Посыпаюсь от дикого бапского крика за окном: ну, ударь меня, ударь, дитёныш человеческий, а, не можешь, ну, тогда пиздуй домой, хуйло. Какая-то блядская нежить на улице охувает. Сцуки! А в комнате чад, пахнет паленым. Каша вся сгорела, кастрюля нах плавится. Выключил газ и снова заснул.

Империя чувств зла

"Полюбил моряк морячку... голубой прибор..." пела пожилая женщина в чёрной потёртой железнодорожной шинели, простых чулках и стоптанных чунях на больных ногах, проходя мимо поликлиники.

- Я пьяная, а иду ещё за бутылкой, потому что, понимаешь, мне мало, - обратилась она неожиданно к молодому доктору, для которого рабочий день только что закончился. - Ты меня, сынок, не осуждай, пожалуйста.

Не дай бог. Он и не думал. Скорее наоборот. Рожа у неё красная, глаза слегка выпучены и смотрят как бы с удивлением в разные стороны. А врач с восхищением наблюдал за ней, проходящей мимо. Покачиваясь. Напевая: "Ах, эти милые глаза в японском стиле, один сюда, другой - туда, меня пленили". Смеясь чёрт знает над чем. Удаляясь от него в сторону винного.

Он с сожалением смотрел на уходящую натуру. Вот бы прикоснуться к такой. А на следующий день и повезло крупно. Она на приём к нему пожаловала с утра пораньше. Вошла в кабинет полусогнутая: резкие боли, даже рези, можно сказать, в желудке. Выпила, должно быть, какой-нибудь дряни, вот и плачевный результат.

Врач велел ей раздеться наголо немедленно, не задавая лишних вопросов. И так всё ясно. Уложил на кушетку. Железнодорожница безропотно подчинилась, готовая на всё лишь бы прекратились страшные боли. На лице гримаса страдания, а пахнет от бабы каким-то керосином просто. Но даже этот неприятный запах почему-то возбуждал его. Тянуло к ней очень сильно. Особенно к нижней её половине, чего там темнить. Но то, что скрывалось под трусами, было совершенно сверх ожиданий - густая, жёсткая как сапожная щётка, обильная шерсть.

Он едва сдержался. Возбуждение было просто дикое.

Пощупал её слегка для порядка, помял твёрдый живот (она вскрикивала то и дело), сказал, наконец, почти хладнокровно, деланно равнодушно:

- Что ж, придётся резать, женщина, - и тут же, не дожидаясь ответа, выхватил из кармана халата острый ланцет и шарахнул по животу без всякой анестезии. Она закричала, заплакала, задёргалась, заругалась. Он засунул руку глубоко в кровавое месиво, стал шарить там, искать чего-то. Она рыдала, причитала, молила сжалиться над ней и одновременно крыла его отборным матом. Даже пыталась плевать в него, но он ловко уклонялся, делая своё привычное дело, как учили. Долго копался во внутренностях у пациентки, даже вспотел немного. Пот капал со лба и по носу. Извлёк, наконец, искомый кусочек поражённого мяса и бросил его решительно в ведро с какими-то ошмётками. Провёл осторожно рукой по надрезу и тот сразу же зарубцевался, только маленький совсем шрамик остался, еле заметный.

Вот и вся операция. Длилась-то всего минут пятнадцать. Женщина встала с облегчением. Вся боль сразу исчезла чудесным образом, как и не было её совсем. Появилось лёгкость, бодрость, нахлынул прилив сил,

энергии. Захотелось засадить срочно стакан водяры, заторнуть капусткой и салом.

- Какое там здоровье,- жаловалась она потом молодому хирургу в интимной атмосфере своего неприлично грязного жилья, угощая дорогого гостя от всей души самогоном, -- я ж вся насквозь отравленная. Когда ещё лён этот на полях убирали, химии нанюхалась больше некуда. Понял? Если б не пила водку, давно б сдохла. Точно.

"Раздеть бы её, сучку, наголо, повозить мордой по грязи, насрать на неё, насрать, потом поставить раком и отхлестать мокрой половой тряпкой по жопе,"- размышлял врач, дёрнув стакан ядрёного гнёта.

- Потом ещё по жизни всякие неприятности, ты учти это, пожалуйста, - продолжала она, балдея на старые дрожжи. - Мужик мой помер три года назад, отравился водкой. Правда, это ладно. Погиб Максим и хуй с ним. Мишка Чёрный теперь зато ко мне открыто ходит постоянно. Частенько заглядывает. Когда хочу, прогоню, правильно? Зачем связываться. Он злится. Если я его выгоняю, говорит: не приду больше. А потом увидит меня, когда едет на своей дрезине, и бежит обратно сюда. Тянет его непреодолимо.

- Видно, вы его притягиваете,- предположил молодой человек, сам, если откровенно, неслабо привороженный красномордой железнодорожницей.

- Муж мой ладно, не жалко, а тут послушай, ещё дочка молодая совсем умерла. Ей в школе ребята лягушку сунули за пазуху, она очень испугалась, начались припадки. Однажды упала головой в лужу и захлебнулась. Вот так в пятнадцать лет и ушла. Хорошо мне теперь одной в хате пустовать? Как считаешь?

Он хотел пожалеть её. Красные до блеска щёки молодой женщины были уже мокры от слёз. Утешить бы её хоть немного. Но вместо жалости вдруг охватила ярость. Резко схватил большой столовой нож и решительным движением вставил его ей в бок. Она ахнула от такого сюрприза. И тяжело съехала со стула на пол. Рухнула и растянулась на давно неметённом полу. Он стал в испуге топтать её ботинками. Бил по голове, пинал всё тело. Она корчилась, стонала, материлась и обливалась кровью.

Успокоившись минут через десять, не оставив на бабе к этому времени живого места - грудь вся синяя и под обеими глазами по большому фингалу - он вынул нож из глубокой раны и осторожно, с нежностью касаясь кровоточащей поверхности, заживил её. Почти ничего не видно стало.

Железнодорожница, побледневшая от потери крови и слегка похорошевшая, лежала на диване.

- Подлюга ты вороная, - говорила женщина доктору на следующий день, когда они гуляли вечером вдоль путей под грохот проходящих мимо составов, в основном тяжёлых товарников,- ты зачем меня зарезал, мясник?

- Это для профилактики,- отвечал он мягко, успокаива-

вающе, как и положено медперсоналу.

- А-а-а, - протянула она, - а я думала...

И вдруг запела громким хриплым голосом: "Но ты должен понимать, что я буду запивать..."

И, прервав песню на полуслове, просила у хирурга за что-то прощения.:

- Ты прости меня, сынок, пожалуйста, я, ты знаешь, психованная. Жизнь у меня очень трудная. Мать меня родила, когда ей было пятьдесят четыре года, а отцу семьдесят восемь лет, У него были седые волосы и борода, глаза голубые-голубые, брови же густые и чёрные. А мать настоящая уродина была. Она людей ненавидела и живьём начала гнить. Червяки её съели живо. Так её, сынок, бог наказал, потому что она идиоткой была.

Возле станции догнивал большой фанерный щит с выцветшей надписью: СССР--оплот мира и социализма. "Здесь бы её, сучку", подумал хирург сладострастно. Возбуждение было просто страшное. Между тем темнело, острее пахло углём, керосином, мазутом. Вспомнилась одна история из студенческого времени. Он познакомился с абитуриенткой, провалившей вступительный экзамен. Пригласил её выпить, чтобы утешить. Она отказалась, он ей по рожке - выпила, сучка драная. Стал обнимать - ломается. Он ей опять по рожке - успокоилась. Попробовал раздеть - та ни в какую. По рожке ей, обратно, по рожке. Нормально разделась, падла. Успокоил он всё ж целочку эту.

Этот эпизод врач частенько вспоминал и смаковал с большим удовольствием. Железнодорожница тем временем кричала изо всех сил, чтобы перекричать грохот проходящих товарников:

- Что б тебя чёрт забил! Выпил стакан и уже пьяный в дупель, дурень! Сразу за нож, живодёр. Не умеешь водку пить, нюхай навоз. Понял? Я ж вся в былиночку высохла... такая жизнь. К тому ж в магазинах, сам видишь, одни иностранные тряпки - ни фуфаек, ни галош. Какие сами, такие, короче, и сани. Вот теперь зверобой взять. Раньше, слушай несчастный, в газетах писали, что он полезный от всех болезней; от давления, например, и желудок успокаивает тоже, а теперь какой-то хуеплёт, слышь, написал в газете "Гудок"... ты понял меня, ай нет? - орала она охрипшим голосом, - я говорю, какой-то хуеплёт написал, что коровы этот зверобой не едят, будто он для печени вредный. А я этому хуеплёту, между прочим, не верю, чтоб ты знал. Сейчас вообще в газетах правды нет.

Или телевизор взять. Вот мы смотрим Изауру, рабыню, после Марианну. Теперь Просто Марию. Я, например, Санту Барбару очень люблю, про Си-Си... Смотрим, сынок, и переживаем, как будто это нас касается. Да? А ведь у нас самих разве нет горя? У нас же, слушай несчастный, то понос, то золотуха. Что, не так разве?

Они проходили мимо сожжённого недавно приватизированного ларька, овощного магазина, выкупленного уголовником. Жители посёлка были возмущены: раньше там хоть иногда можно было купить огурцов или помидоров, а теперь только портвейн "Три семёрки". Хорошо хоть этого уголовника, владельца магазина, потом наказали рэкетеры. Устроили ему катастрофу. Он ехал на своей "Волге" и разбился сразу насмерть. А у девушке при нём лет шестнадцати отняли обе но-

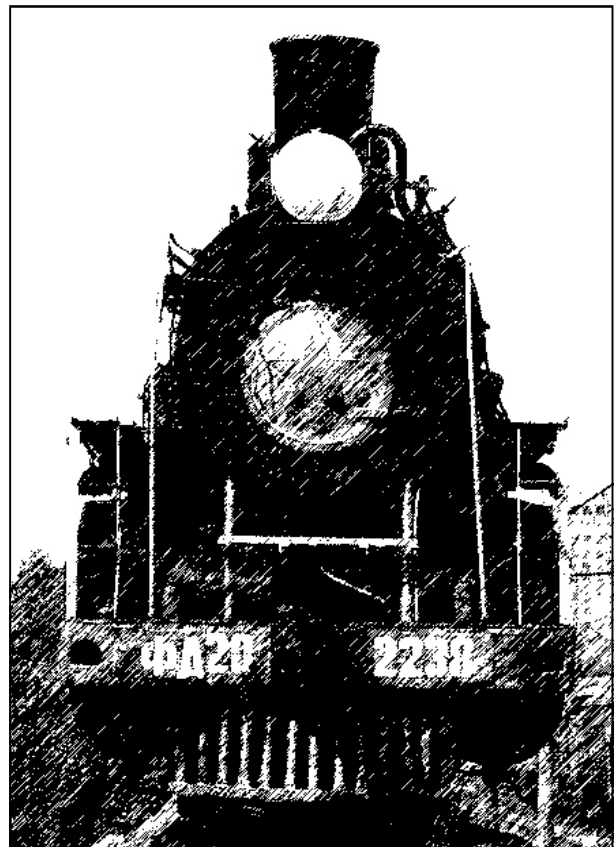
ги.

- Мишки-то Чёрного больше нет, сынок,- продолжала пожилая женщина,- под Пасху выпивал он с мужиками и говорит им, что никакого бога фактически нет. Ну, как это, его прибили гвоздями, а он воскрес. Вот прибейте меня, оживу я или нет? А те, недолго думая, пригвоздили его к стенке свинарника. И, вправду, не воскрес Мишка.

Я сама только что с похорон, слушай. Брата родного хоронила. Ты понял, ай нет, что я говорю? Нашли в ментовке забитого насмерть. Череп проломали ему, гады. Жена утром пришла забирать его из клоповника, бутылку с собой принесла, чтоб похмелить человека. Приходит, говорит: вставай, Сашка. А он и не дышит.

"Хватит",- подумал доктор с некоторым даже ожесточением в сердце, - "пора кончать". Взял женщину решительно за руку, Потацил, Тяжёлый товарняк, не спеша, приближался к станции. Железнодорожница дерзко глянула на хирурга своими косящими голубыми глазами: что ты, мол, спешишь, как голый ебаться, погуляли б ещё вдоль путей, подышали б свежим воздухом. И тут он резко и сильно пихнул её под надвигающийся поезд.

Несчастную перерезало аккуратно пополам. Причём верхняя её часть улетела ввысь, через переходной мост, куда-то в сторону депо, а нижняя половина туловища упала на платформу и забилась у ног молодого человека. Он судорожно схватил дрожащую плоть, прижал к груди и кинулся со всех ног к туалету при станции, что стоял неподалёку от стенда "СССР - оплот мира и социализма". В руках он держал то, что несколько минут назад было неосторожной железнодорожницей.

еВета ЛитваК

Иллюстрации *Дмитрия Зимина*

РАЗ ПРИХОДИТ К НАМ С УТРА...

Раз приходит к нам с утра
Весь в дарах природовед
Ведь народ при родах весь
Где же мдцинская здесь сстра?

Вот уж это свршенн мне нпнятн
Нужно вслух произнести
Раз уж гость пришёл - впусти
Хоть и речь его так нвнятн

Если просит бойкий гость
Умоляет он медсстру
Порошок для вас я стру
Та в ответ лишь бросит колксть

И нечаяно вдруг брзнет кровь
Ранен в грудь вашвоскблгрдь
Дурным матом, знай, сквернслвьт
Бурный рзгвр, далее нрзб, далее нрзб

И без всяких лишних букв
Ты прдствляешься тогда
Вета Лита - о, гспда!
Я и с батюшкой трахнлсьб

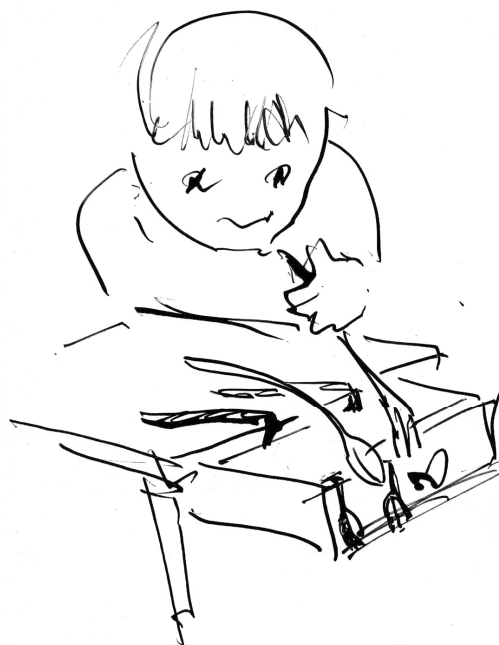
*

Как сказал мне штукатур со стройки, -
Тут ещё работы до хуя.
Днём и ночью вкалывают турки,
Строя враз три корпуса жилья.

Проходящим мимо русским девкам
С верхотуры бешено свистят.
На ветру поигрывая древком,
Свесился национальный стяг.

Мощным гидравлическим насосом
На этаж качается цемент.
В груди кирпичей стреляя носом,
Возле проходной скучает мент.

Капает на джинсовые куртки
Мастика, олифа и мазут.
После смены ласковые турки
Повариху в очередь ебут.

Что-то стройка третий день в простое,
Кто же знал, что кончится строфа,
В день победы «Галатасарая»
В ежегодном Кубке УЕФА!

*

Я пойду на огород к дяде Славе,
В огороде выкопан пруд.
В небольшой неровной глиняной яме
Плавунцы и водомерки живут.

Стану долго там плескаться и плавать,
У меня купальника нет.
Будет на меня смотреть дядя Слава,
Пачку выкурит плохих сигарет.

Сильно пьяный, весь заросший щетиной,
Даст мне руку и потянет наверх.
Так некстати подойдёт тётя Зина,
А я голая совсем как на грех.

Сяду вечером в саду на скамейку,
За забором пьяная брань.
Я поссорила простую семейку,
Непутёвая приезжая дрянь.

Дядя Слава защищается слабо:
"Говорю, мы занимались не тем, -
Она нормальная современная баба, -
Это ты сдурела, Зина, совсем!

*

От Чёрного моря до Балты, -
Где только меня не ебал ты.
Теряясь в толпе,
Шепнула тебе:
- Мудак, что ли, заколебал ты!

*

бешеная тишина ударяет в колени
мальчик-уборщик столовых приборов
с небольшого стола сбрасывает бешеные тени
в ящик для тени и мелких часов

мальчик в тулупчике приставлен к порогу
он охраняет оловянную дверь
дверь то ударяет по лбу, то прищемляет ногу
впуская то масляный камень, то приятный портфель

камни и портфели складывают на кухне
сильный и резкий мальчик склоняется над раковиной
длинной струёй он моет бархатное мясо
тишина гремит из-под крана бешеной крашеной сковородой

на обиженном мальчике серебряная рубаша
магнетические внушения выполняет во время сна
была там, конечно, девочка, но от постоянного страха
и незавидного положения -

была на время освобождена

мобилизованные гости лениво поедают картофель
мальчику лет десять, он держит серебряный поднос
гости пьянствуют, шлёпают мальчика по попе
пока он наклеивает на
красные щёки комочки бархатных слёз

потом гости наедаются бешеного шоколада
отодвигают круги и квадраты и рвут на куски разговор
стреляют в люстру, нечаянно задевают вазу
описавшийся мальчик держит в руках топор

если бы он не сомневался, как ты,
то ничего бы не сделал
он старался сдержаться за губами бешеный текст
но по всему происходящему поползли
неудержимые трещины
и в течение получаса раздавались хлопки,
дерзкий хохот и треск

я описала здесь подлинные приключения
на месте развалин выросли каменные травы
вот так и произошла наша нечаянная встреча
с нелепым образом, надуманным сюжетом
и принудительным пейзажем

*

Я лежу на дивном ане,
Подо мной простая ыня,
На цветном покрытом але
Нарисован апельсинный.

ДМИТРИЙ ГАЙДУК

Про дятла

Иллюстрации Григория Ющенко
Компьютерная обработка Глеба Коломийца

Дятел долбит дерево. Зачем? Он говорит, что это жизненно необходимо. Типа, в дереве червяки, он их оттуда достаёт и хаваает. Но червяки же не только в дереве, они вообще везде. И все птицы нормально себе хавают червячков, один только дятел дерево долбит. За это его и называют дятлом.

Но сам он себя считает суперской птицей, гораздо круче всяких орлов и фениксов. Он видит себя крылатым героем с бронебойной головой, победитовым клювом и стальными когтями. И детей своих в ту же сторону воспитывает. А если дитё не справляется, тогда он на дитё ругается, лупит клювом по башке и обзывает удодом. Это очень обидное слово, типа как пидар или козёл, или даже ещё хуже.

Ни один дятел не хочет быть удодом. Даже если у него клюв тонкий и башка лёгкая, он всё равно старается червячков из-под коры добывать. В крайнем случае, если сил совсем уже не хватает, он будет действовать хитростью. Он, например, возьмёт и постучит в дерево по-цивильному: тук-тук-тук! А червяк спрашивает: кто там? А дятел отвечает: Горгаз. Червяк только высунется, а дятел его только чпок! и опаньки. И летит на другое дерево, и тоже тук-тук-тук, чпок! – и опаньки.

А червяки сначала ведутся все поголовно, а потом уже начинают что-то догонять. И не открывают ни на Горгаз, ни на Горсвет, ни на перепись населения – просто сидят и молчат, как будто никого нет дома. Или в глазок посмотрят и говорят: лети отсюда на хер, удод ушибленный. И дальше занимаются своими делами, как ни в чём ни бывало. А хрен ли им бояться? знают ведь, что клюв у дятла слабенький, кору не продолбит.

И хитрый дятел улетает в лес поглубже. А там растут непростые деревья с навороченной корой, и живут в них крученые червяки, у которых всё схвачено. Только-только дятел залетел – а о нём уже все знают. Только-только к дереву подлетел – а его уже на мониторах видят. Только-только на дерево сел – а оттуда уже спрашивают: Эй, удод, тебе чего здесь надо?

А дятел говорит: Не скажу. И летит на другое дерево. А там уже все знают, что он ничего не сказал. И говорят: Эй, удод! а может быть, нам скажешь? А дятел говорит: Не скажу. И летит на третье дерево. А там уже все заинтригованы, прямо наружу повывлазили и хором спрашивают: Эй, УДОД! А ЧТО ТЫ ИМЕЛ В ВИДУ? А дятел их только чпок-чпок-чпок, и опаньки.

Офигенная комбинация. Но одноразовая. Дальше всем уже понятно, и никто уже не вылезает, и даже не реагирует. И приходится дятлу лететь ещё глубже в лес.

А там деревья мощные, кора на них пятисантиметровая. Ни один нормальный дятел туда не летает, потому что долбить её без мазы. А червяки там борзые: пауков строят, бабочек крышуют, по ночам муравейники разоряют. А днём под корой прячутся, и поди их достань.

Но дятел и к ним подход нашёл. Он, короче, подлетает к дереву и херачит его обеими лапами как боксёрскую грушу. Оттуда червяк отзывается, грязно матюкается, удодом обзывает и в жопу посылает. А дятел ему: рот закрой, говно собачье! Где хочешь, там и стучу!

Такую оскорбху червяк снести не может. И вот он подрывается и вместе с корешками ломится из-под коры на разборку. А дятел их только чпок! чпок! чпок! И опаньки.

И нормально так у него идёт: червяки стабильно на эту подначку ведутся и лезут со всех щелей, хавать не перехавать. Но есть с ними одна проблема: ядовитые они. Не то что бы смертельно, а примерно как несвежие сосиски. Живот от них болит и кака в жопе не держится. Иногда случается дятлу в полёте выдать такую реактивную струю, что швыряет его метров на сто и втыкает носом в дерево. А нос ведь не железный, так и сломать недолго. И вот, после очередного непроизвольного выброса, решает дятел переместиться в лес поглубже. Авось там пища поздоровее.

А там стоят дубы-колдуны, и кора на них санти-

метров по десять. Сразу и не догадаешься, что под ней червяки – но они есть! Спокойные такие, мудрые и просветлённые. По сто лет живут, с деревьями в полном симбиозе, наружу никогда не вылазят, ибо зачем суетиться? Мудрый червяк познаёт мир, не вылезая из своей червоточинки.

По ходу, дятлу здесь ловить нечего. Но он не сдаётся. Он садится на ствол и начинает его ритмично скрести. Минут через десять-пятнадцать, самое большее через полчаса, червяк под корой ловит этот ритм и начинает тихонько ворочаться. И тут его дятел спрашивает нежно и вкрадчиво: Скажите, а где бы Вы хотели провести Вечность?

Вот это вопрос так вопрос! Любой продвинутый червяк жаждет на него ответить! На эту тему он способен говорить часами – он ведь завсегда о Вечности думает! И он всегда рад приветствовать существо, которое до такого вопроса додумалось. И вот он выходит из-под коры – а там только чпок!... И опаньки...

Мудрецы, они порой как дети. Через месяц через два они дятла канонизировали. Десять, за особо праведными медитаторами прилетает Ангел, будит их Божественной Музыкой и уносит в Запредельное. А дятел и рад стараться: отъелся, порозовел, вальжный стал, от сытости заскучал, мысли странные его одолели. И подумал он однажды: а не полететь ли мне в Самую Середину Леса?

А что там, в Середине? О том в лесу никто не знает и даже не думает. Но все птицы говорят своим птенцам: не летайте в Середину Леса! И все жуки говорят своим жучатам, и все пауки своим паучатам, и все звери своим зверятам, и даже люди своих детей о чём-то таком предупреждают, в той или иной форме. И всё же время от времени кое-кто уходит в Середину Леса. Или улетает, или уползает, или даже уезжает – но результат всегда один. Обратно он уже не возвращается.

На самом деле, ничего страшного там нет. Просто там растёт дерево Каннабис. Оно вообще везде растёт, но везде считается, что это трава, потому что везде ему вырасти не дают. А в Середине Леса ему никто не мешал, и вот оно разрослось как баобаб, тысяча стволов в один сплелись, крона в гектар шириной, а вокруг него круглосуточно Плотный Кумар, от которого, как от Бога, ладошками не заслонишься. И живут там всякие странные существа: туманные ёжики, говорящие кролики, зелёные мыши с красными глазами, городские бобры, летучие удавы, орлы-хвостопады, птицы из ничего, жирафы-страусы, резиновые козлики и, конечно же, растаманы. Эти прямо на дереве гнёзда вьют, и там зависают круглосуточно, вообще на землю не спускаясь. Хорошо им там, базара нет.

И когда дятел это дерево увидел, он не сразу понял, для чего оно. Он подумал: ни фига себе дерево! это ж какие там должны быть червяки! И сел на ствол, и уху приложил, и прислушался.

А там ничего не слышно, но дятел с такими хитростями уже знаком. Он уже знает, что некоторые червяки как партизаны, сидят не шевелятся. И тогда он начинает ритмично скрести кору и приговаривать: Скажите, а где бы Вы хотели провести Вечность?

Ноль эффекта. Тогда он пробует все известные

трюки: и "говно собачье", и "не скажу!", и "горгаз" со всеми вариациями – и всё бестолку! Тогда он уже завязывает со своими фокусами и начинает прямо носом ствол долбить, как нормальный честный дятел. А кора мягкая, долбить её легко – вот только червяков всё нету и нету...

И вдруг он слышит снизу, и сверху, и со всех сторон очень непривычные звуки. А это собрались все звери, и птицы, и насекомые, и растаманы, и все на него смотрят – и смеются! И доносятся до него такие слова: Гля, как удода нахлобучило! прямо как дятел, в натуре!

И тут начинает смеяться всё дерево Каннабис, и трава под деревом, и небо над деревом, и весь окружающий лес. И до дятла постепенно доходит, что он таки реально удода. И всегда был удодом, и удодом остался, хотя и много в этой жизни достиг. И здесь он типа должен от стыда сквозь землю провалиться – а ему почему-то ни разу вообще не стыдно, а просто смешно от прикольного слова "удода". И он продолжает долбить Каннабис, но уже не всерьёз, а больше для смеха, с преувеличенной такой старательностью – а растаманы и прочие персонажи по полу валяются, ногами дрыгают и кричат: Чувак, хватит! не надо больше! нас же сейчас разорвёт!

Так они и подружились, и стало в Середине Леса на одного удода больше. Но этого удода все местные называют Дятел, в память о его первом выступлении. Хотя на самом деле всем там по фигу, дятел ты или удода, или вообще утконос. В Середине Леса вообще многое по фигу, а что и не по фигу, то всё равно по фигу. Потому что дерево Каннабис – ну, короче, вы меня поняли.

**ПОПРОСОВАМ ДАЖЕ ВО
ФРАНЦИИ – ПРОДОЛЖАЮ
КУРИТЬ ЗДЕСЬ.**

Про супер-оружие

Военный министр отличился. Угостил президента букетом Греции. Это был такой коньячный напиток, он его в дьюти-фри купил. Президент глотнул и чуть не сблевал. Как отдышался, матом заругался. И говорит: Да за такое убивать надо!

Это он, конечно, сгоряча. На самом деле, это была чисто фигура речи. Но военный министр всё понял по-военному. И объявил мобилизацию, и на другой день президенту доложил: всё, мол, готово к войне с Грецией! дай только приказ – и сразу будем их валить!

Президент говорит: Фигасе, какой ты борзый! А ты в курсе, что за Грецию вся Антанта впишется?

Военный министр говорит: Хрен ли нам та Антанта? у нас одних ядерных ракет аж четыреста пятьсот двадцать десять! Антанта впишется – и её валить будем, давно уже пора!

Президент говорит: Ядерные ракеты сейчас у всех есть. И водородные бомбы у всех есть, и вакуумные уже у всех есть. И всё, что у нас есть, давно уже у всех есть. Так что отменяй мобилизацию и пей транквилизаторы.

Военный министр говорит: А если бы у нас было такое оружие, какого ни у кого ещё нет? Президент отвечает мечтательно: Ну, если бы у бабушки были яйца... Военный министр говорит: Ага, всё ясно! будет у нас такое оружие!

И вызывает к себе учёных. И говорит им: А ну-ка, ботаны, придумайте мне такое оружие, какого ещё ни у кого нет. - А учёные отвечают: Давно уже придумали.

Тогда военный министр спрашивает: А почему до сих пор не сделали? - Учёные говорят: Дык, денег нету. А эта штука очень дорогая, вагон денег надо.

Тут военный министр выкатывает им вагон денег со своего личного склада. И даёт три недели сроку. А учёные берут эти деньги и делают то, что давно уже придумали.

То есть, они делают ганджа-генератор. Такую штуковину, которая обрабатывает любую траву специальным излучением – любую вообще траву, даже мать-и-мачеху! – и после этого в траве уже 20-30% ТГК! Сто тысяч баксов на этот чудо-аппарат уходит, а остальные бабки они шустренько между собой дербанят. А на последние двести баксов покупают кисти, краски, оргстекло, аварийную сирену и три ёлочных гирлянды. Потом вытаскивают из сарая убитый промышленный холодильник, снимают с него хладоэлемент, цепляют вместо него гирлянды, поверх них монтируют десятка два убитых мамок, соединяют их шлейфами, вставляют в них радиолампы, конденсаторы, трансформаторы – короче, получается как бы квантовый суперкомпьютер. Всю эту херь накрывают коробом из оргстекла, а внутрь холодильника прячут аккумуля-

патор и аварийную сирену и маскируют их шизовой конструкцией из трубок от хладоэлемента и всяких других железяк, которые в сарае валялись. Потом к холодильнику приваривают рубильник и четыре колеса, красят корпус цветом хаки, разрисовывают устрашающими знаками – по накурке это особенно весело, таким вот творчеством заниматься! А потом на дверцу вешают амбарный замок, на рубильник вешают цифровой замок, прикатывают эту халабуду военному министру и говорят: Вот тебе супер-оружие!

Министр говорит: Вот это да! а как оно работает? - Учёные говорят: проще простого. Вот этот рубильник вверх подымешь – и там внутри запускается процесс, который за тридцать секунд пережигает суперструну, на которой держится весь наш пространственно-временной континуум. И вся Веселенная тут же перестаёт существовать – то есть, по простому говоря, вот эта штуковина может за тридцать секунд уничтожить вообще весь мир!

Тут министр говорит: Ай, молодцы ботаники! вот это реально супер-оружие! вот это мы реально теперь весь мир завоюем! - И сразу приказывает спрятать супер-оружие в супер-бункер, а сам идёт к президенту с докладом. И требует срочно провести испытание супер-оружия, чтобы весь мир увидел и содрогнулся.

А президент говорит: Ну и как же ты будешь его испытывать? Военный министр говорит: Элементарно! Вывозим агрегат на полигон, созываем журналистов, я выхожу в парадной форме, говорю речь, дёргаю рубильник – и тут только бац! и ничего нет!

Президент говорит: Ага. И тебя нет, и меня нет, и журналистов тоже нет. Оно же, по ходу, вообще весь мир уничтожить должно – или я не прав?

Военный министр говорит: Хорош стебаться! Они же не допустят, чтобы я рубильник включил. Они же меня за руки хватать будут, и на коленях ползать, и сапоги лизать! И так мы завоюем весь мир без единого выстрела и будем диктовать ему свои условия!

Президент говорит: А если они не заботятся и за руки хватать не будут? Если и в самом деле придётся рубильник включить?

Военный министр отвечает: Тогда мы включаем в действие план "Макрамэ". – И достаёт мобилу, и говорит: Пацаны, макрамэ! И тут же в хату вламывается президентская охрана и вяжет президента. А военный министр ему говорит: Без обид, брателло. Сейчас поедешь в санаторий, отдохнёшь недельки две. А потом вернёшься и будешь всем миром командовать.

И дальше всё уже идёт по плану военного министра. Делается заявление для прессы, назначается день испытаний, проводится ак-

кредитация журналистов, рассылаются приглашения военным представителям вражеских государств. Реакция в мире как бы слегка ироническая. Сообщение про супероружие сразу попадает в раздел курьёзов, журналисты упражняются в остроумии, а военный министр свирепеет. Он уже всерьёз готов уничтожить весь мир и ему никого не жалко.

И вот наступает День Икс. Полигон, военные, журналисты. Солдаты в аксельбантах торжественно вывозят супероружие, сдёргивают с него чехол, застывают в почётном карауле. Журналисты хихикают: многие уже опознали в агрегате промышленный холодильник. Военный министр зыркает на них суровым зраком, подходит к рубильнику, достаёт бумажку и зачитывает такую речь:

Дамы и господа! Сегодня мы продемонстрируем вам новейшее супероружие, принцип действия которого основан на современной физической теории суперструн. Сейчас я включу вот этот рубильник и выключу весь этот мир, навсегда и безвозвратно. Никакие возражения и просьбы уже не принимаются: у вас было целых две недели на то, чтобы всё со мной обсудить. А вы всё, блядь, хихикали, вы всё мне не верили – ну, так получайте!

И снимает с рубильника цифровой замок. Медленно так снимает, потому что руки трясутся. Журналисты все притихли, солдаты тоже притихли, мёртвая тишина вообще! Тут какой-то журналист с места кричит: А можно один вопрос?

Военный министр демонически хохочет и отвечает: Вопросы будешь задавать после испытания! - И подымает рубильник, и тут оно как замигает! как завоюет! а изо всех динамиков на полигоне начинается обратный отсчёт: Тридцать... Двадцать девять... Двадцать восемь... Двадцать семь...

И над полигоном раздаётся оглушительный запах поноса. На минуточку обоссались все, даже циничные журналисты. Кто-то в степь побежал, кто-то в ямку спрятался, кто-то Богу молится впервые в жизни... А военный министр стоит бледный, но гордый, в рубильник намертво вцепился и повторяет беззвучно, одними губами: Двадцать один... Двадцать... Девятнадцать...

На счёте Пятнадцать... до него наконец доходит, и он начинает тихонько плакать. А на счёте Восемь... он уже пытается потянуть рубильник вниз. Но рубильник старый, ещё советский – его наглухо заклинило, без кувалдометра не справиться. На счёте Два... министр на нём уже всей тушей висит и ногами в стенку упирается – но хрен там! умели делать рубильники в Советском Союзе! На счёте Ноль... министр вырубается и падает на пол – а секунд через пять к нему сбегаются одуплившиеся журналюги и, отталкивая друг друга, делают снимки, которые завтра украсят первые полосы всех газет! И даже солдаты их отогнать не могут, такой азарт на них нашёл!

После этого конфуза военный министр уже

и сам для себя не авторитет. Президент выходит из санатория и отправляет министра в дурдом. А потом сам лично едет к учёным, раздаёт им государственные премии, долго расспрашивает о нуждах науки, а по окончровке как бы вскользь интересуется: А всё-таки, почему ваш агрегат вселенную не уничтожил?

Учёные отвечают: Так мы же на него защиту от дурака поставили! Если лампочки загорелись, сирена завывала и рубильник залип – значит, защита сработала. На самом деле, уничтожить вселенную не так уж просто, там есть несколько хитростей, про которые мы военному на всякий случай не сказали. Если интересно, мы сейчас можем объяснить и показать.

Президент говорит: Спасибо, не надо. И вообще, разберите-ка лучше эту хреновину на запчасти, и всю документацию по ней уничтожьте, чтобы дураков не соблазняла. Ни к чему нам сейчас такое оружие. А надо нам сейчас изобрести что-нибудь такое, чтобы военные перестали бычить и начали думать. И чтобы все остальные наши люди тоже перестали друг на друга наезжать, хоботья делить да виноватых искать, а успокоились бы и занялись бы своими делами. Вот вы, учёные, можете такую штуку придумать?

Учёные отвечают: Давно уже придумали! И сделали, и испытания провели – хоть сейчас в серийное производство!

И демонстрируют президенту свой ганджагенератор.

Валерий Нугатов

Стихи из книги «fake»

Иллюстрации Майкла Джейкобсона

СТАРПЁРЫ ЭТО МЫ

детство прошло
и отрочество прошло
и юность прошла
и быльем поросла
зрелость пришла
и выяснилось
что старперы это мы
рокеры это мы
байкеры это мы
неформалы это мы
хиппи это мы
панки это мы
синяки это мы
планоктуры это мы
распиздяи это мы
уроды это мы
обсосы это мы
торчки это мы
винтовые это мы
динозавры это мы
шизоиды это мы
придурки это мы
маньяки это мы
психи это мы
больные это мы
импотенты это мы
педофилы это мы
онанисты это мы
вуайеристы это мы
пидорасы это мы
папики это мы
вампиры это мы
мудозвоны это мы

а молодежь это вы
красивые это вы
здоровые это вы
счастливые это вы
сексуальные это вы
успешные это вы

перспективные это вы
богатые это вы
известные это вы
талантливые это вы
креативные это вы
свободные это вы
раскованные это вы
прикольные это вы
оттяжные это вы
модные это вы
стильные это вы
беззаботные это вы
небрежные это вы
актуальные это вы
трезвые это вы
спортивные это вы
гибкие это вы
цифровые это вы
центровые это вы
лучшие это вы
сладкие это вы
теплые это вы
вкусные это вы
упругие это вы
стройные это вы
юные это вы
юная кровь это вы
свежая кровь это вы
сладкая кровь это вы
горячая кровь это вы
пьянящая кровь это вы
алая нежная кровь это вы
белые нежные тела это вы
ясные чистые глаза это вы
юные ритмичные сердца это вы
тугие гладкие отверстия это вы
тонкие звонкие голоса это вы

но мы все равно вас съедим
увы

ПОПУЛЯРНЫЕ ПОЭТЫ

популярные поэты пишут популярные стихи
пользуются популярностью среди публики и критики
купаются в народной любви

а непопулярные поэты сосут хуй

популярных поэтов приглашают на фестивали и конкурсы
они побеждают в поэтических турнирах и слэмах
срывают аплодисменты
и получают денежные призы

а непопулярные привычно сосут хуй

популярных поэтов печатают толстые и тонкие журналы
их фото публикуют в журнале афиша
у них берут интервью гляцевые издания
их показывают по каналу культура
их блоги читают сотни поклонников

а непопулярные тем временем насасывают хуй

популярные поэты четко и ясно
выражают взгляды своего политического лобби
успешно делают литературную карьеру
избегают крайностей
уважительно раскланиваясь с коллегами по цеху

а непопулярные поглубже заглатывают хуй

популярных поэтов пиарят культуртрегеры
оплачивают им гастроли
по стране и за рубежом
холят и лелеют
рассыпаясь в похвалах

а непопулярные поэты давятся хуями

у популярных поэтов обеспеченное будущее
они гордость своей нации и своей литературы
на таких как они мир держится
они залог прогресса и культурного расцвета
их пригревают сильные мира сего

а непопулярных поэтов никто не любит
все их стесняются и брезгливо сторонятся
однако мирятся с их существованием
чтоб на их темном фоне
еще ярче блистали популярные поэты

САТАНИСТЫ И ПЕДОФИЛЫ

я должен признаться
исповедаться
как на духу
каждый месяц
в первый день полнолуния
и в дни солнцестояний и равноденствий
я надеваю черную мантию
беру в руки магический жезл
черчу на земле магический круг

читаю магические заклинания
и совершаю магические ритуалы
дело в том что я поклоняюсь идолу бафомета
почитаю его непристойным лобзанием
и приношу ему в жертву молодого козленка
я прошу бафомета даровать мне богатство власть
уважение вечную любовь всех особей женского пола и
все блага земные

а взамен отдаю ему свою бессмертную душу
я также совершаю черные мессы на телах обнажен-
ных женщин
служащих мне алтарями
и оживляю мертвецов по примеру гаитянских вуду
короче я сатанист дьяволопоклонник проклятый
безбожник отрекшийся от господа нашего иисуса христа

но это еще не все

мною владеет одна преступная страсть
неодолимое сексуальное влечение к маленьким детям
я не в силах с собой совладать
поджидаю их у детских садов начальных школ и
лагерей отдыха
знакомлюсь угощаю лакомствами и заманиваю в
безлюдные места
а там с упоением насилую в извращенной форме
затыкая им рты и наслаждаясь их беззащитностью
потом я конечно их убиваю
конечно зверски
и насилую уже мертвых но еще теплых в последний раз
сладких нежных розовых остывающих мальчиков
сладких нежных розовых окровавленных девочек
обливаясь слезами над ангельской их красотой
я душегуб педофил окаянный злодей
такому не место среди хороших добрых и честных
приличных нормальных законопослушных людей
такого мало убить и невозможно простить
такого остается лишь выхолостить
но даже если в паху у меня задует сквозняк
я никогда не забуду вкус сладкой детской крови на губах
и руки мои никогда не забудут безволосых податливых тел
которые я ебал как и куда хотел

ОПЫТЫ НАД ПОЭТАМИ

валерий нугатов любит мучить поэтов
он любит купить дешевой паленой водки
подловить поэта на поэтическом вечере
и не спеша залить ему в рот всю бутылку
любит достать голимого плана
заманить поэта в туалет
и там напускать ему термоядерных паравозов
он любит насильно вмазать поэта черным
или белым
или насыпать пару дорожек прямо на лист со стихами
и заставить поэта вдохнуть разбодяженный кокс
любит наклеить поэту на небо жестокую марку
или надеть ему на голову целлофановый кулек и
подсунуть под нос тюбик с клеем момент

любит валерий нугатов поизмываться над поэтами
 довести их до одури
 и протрации
 ну вот любит он это дело

а когда поэт выпадет в осадок в отключку или в отруб
 валерий нугатов надевает белый медицинский халат
 и резиновые медицинские перчатки
 достает свой чемоданчик с набором хирургических
 инструментов
 ланцетов скальпелей щипцов трепанов пил боров
 сверл зажимов шурупов гвоздей молотков топориков
 дрелей стамесок рубанков шпателей зондов жгутов
 тисочков отверток ниток и шил
 раздевает убитого и обдолбанного поэта догола
 и начинает медленно и со вкусом его оперировать
 вскрывает ему брюшную полость вырезает отдельные
 внутренние органы и сосредоточенно их изучает
 старательно разматывает толстый и тонкий кишечник
 и протыкает его во многих местах
 распиливает грудную клетку вынимает ощупывает и
 внимательно рассматривает сердце
 просверливает дырочки в черепной коробке и отса-
 сывает образцы серого вещества
 выдавливает глаза и опускает их в баночку с
 формалином
 отпиливает конечности отрезает уши носы молочные
 железы и гениталии
 и выкладывает из них причудливые узоры композиции
 и натюрморты
 словом развлекается от души
 а затем обычно долго и задумчиво ебется с развороченным
 и выпотрошенным трупом поэта

просто он так устроен
 такие у него предпочтения
 склонности и интересы
 размазывая кровь вперемешку с говном себе по лицу
 он молча облизывается и смотрит куда-то вдаль
 туда где растут на глазах громады новостроек
 где горит и искрится неон казино и огромных торговых
 комплексов
 где летят в пасмурном небе мигая бортовыми огнями
 самолеты международных авиалиний

ЕЩЁ НЕ ДЕРЖАВШИЕ ХУЯ ВО РТУ

девочки-красавицы
 с ангельскими личиками
 с чистой белой кожей
 и ясными глазками

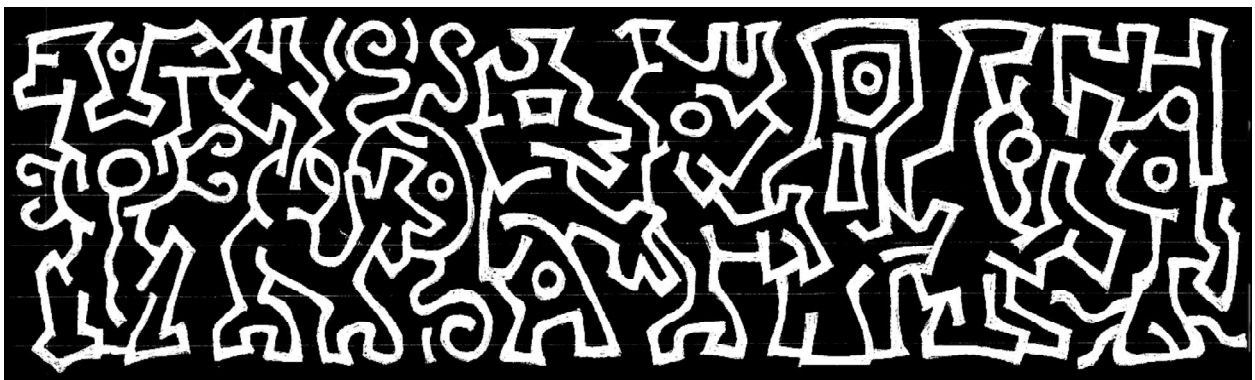
еще не державшие хуя во рту

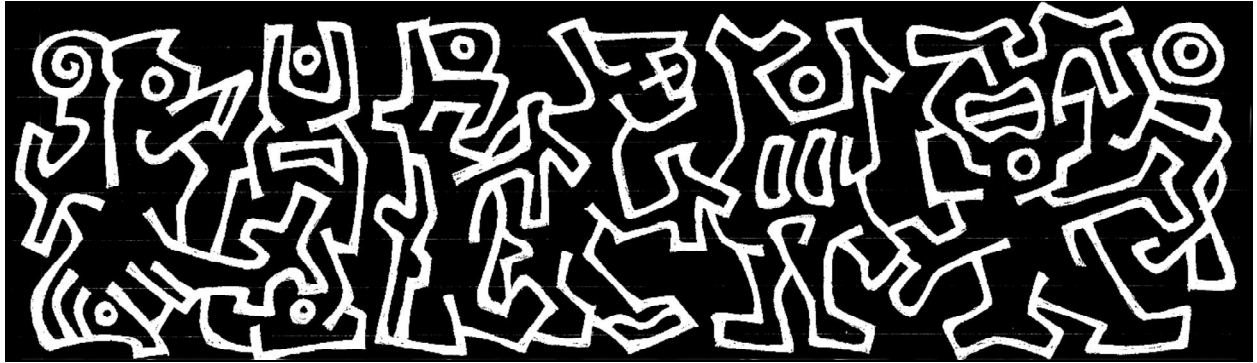
ведь когда-нибудь он войдет
 в ваш нежный
 в ваш алый
 в ваш маленький рот
 разорвет его
 и раздерет
 очень толстый страшный и грязный хуй
 он сердце вам разобьет
 о
 это будет жестокий
 глубокий и жесткий заглот
 мало кто выживет
 и мало кто переживет

что же это такое
 творится
 родные
 что за
 ебанный ебанный в рот

ПЕСЕНКА НИЩЕЁБА

ебал я вашу русскую литературу
 ебал я вашу актуальную поэзию
 ебал я ваши премии
 ебал я ваши гранты и фестивали
 ебал я вашу коллективную безопасность
 и цеховую солидарность
 ебал я вашу картонную оппозиционность
 ебал я вашу двойную мораль
 ебал я вашу политику
 ебал я вас всех вместе взятых
 и каждого по отдельности
 ебал я вас во все дыры
 с остервенением
 с присвистом и с прихлопом

ебал я вас как молодых
ебал я вас на столе
и под столом
на суше
в небе
и под водой

ебал
кончал
и отваливался

ебал
кончал
и отваливался

ебал
кончал на вас
и
отваливался

IMAGINE

у тебя все отлично
дела идут в гору
ты набираешь обороты
очки
популярность
ты имеешь успех
тебя хотя
тебе пишут и звонят
тебя приглашают
к тебе прислушиваются
тебя уважают
и побаиваются
тебе завидуют
тобой восхищаются
тебе подражают
тебя любят
и ненавидят

а теперь представь себя
старым больным никому не нужным
алкашом или нарком городским сумасшедшим
собирающим бутылки у лавочек
роющим в мусорных баках
молодым инвалидом войны просящим подаяние

в вагоне метро
бездомным в сочащихся сине-пунцовых язвах
блестящих в загадочном свете неоновых вывесок
представь себя пациентом дурдома
сначала буйным а потом обколотым и безмятежным
представь себя на утренней прогулке на зоне
строгoго режима

представь себя ограбленным избитым или убитым
на улице гопниками
представь себя казненным по приговору суда
или просто расстрелянным без суда и следствия
представь себя случайно найденным

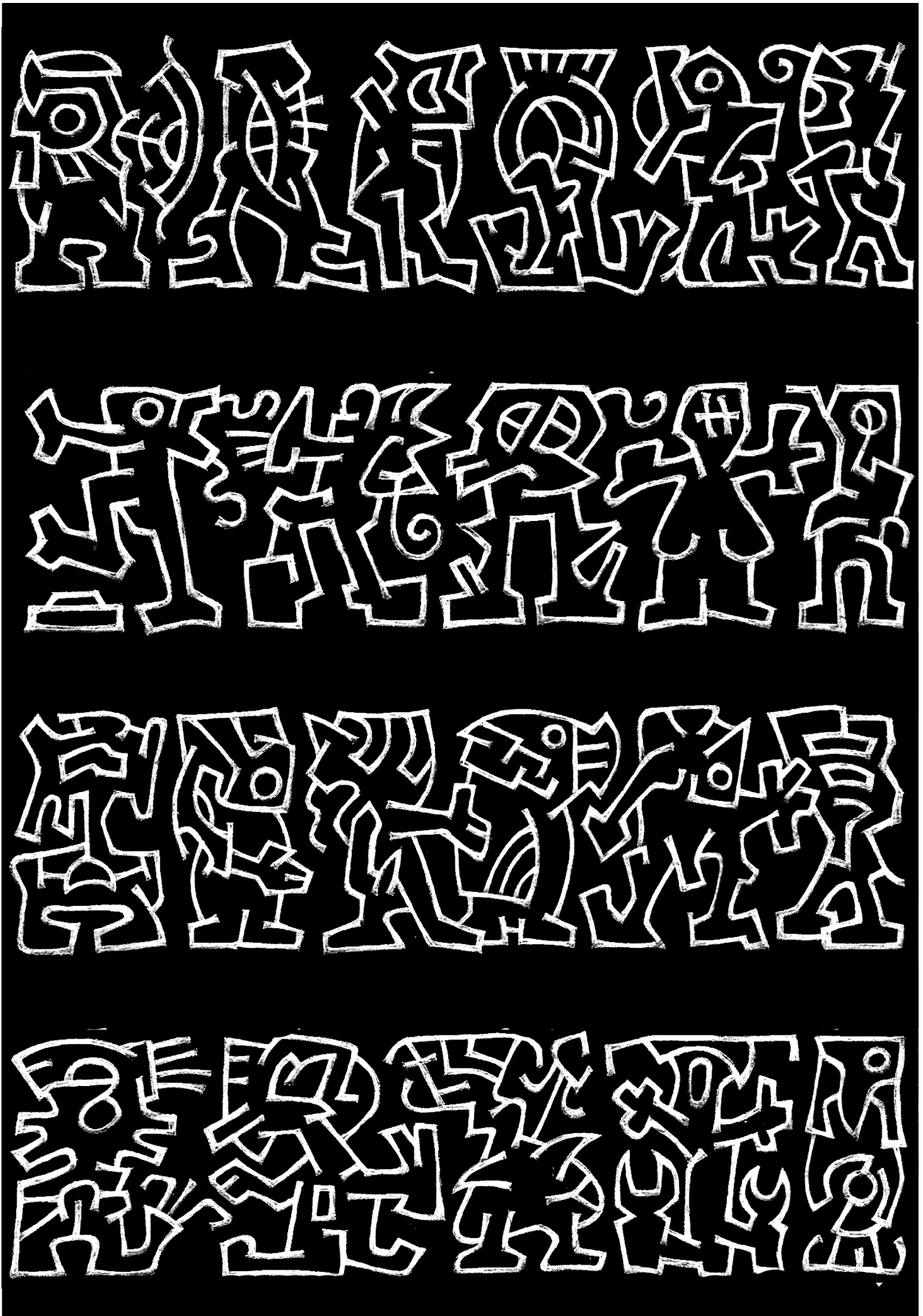
трехнедельным трупом
тушкой сожженной заживо кошки
вороной обыкновенной
тараканом рыжим
молью платяной
тлей зеленой
розовым дождевым червем
деловитой сине-зеленой мухой
представь себя разьебанной старой сракой
или геморроидальной шишкой внутри этой сраки
а лучше
куском собачьего кала
представь и повторяй за мной:

я
кусок собачьего кала
крупный кусок свежего собачьего кала
я лежу на детской площадке
в прелой листве
рядом с горкой
напротив песочницы
под высоким холодным небом

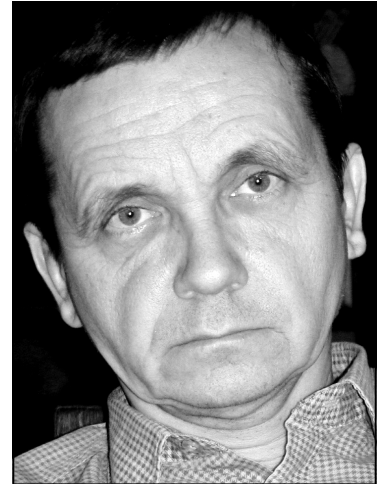
кто-то в меня вступает
и долго потом матерится отряхивая ботинок

лежи смирно
и все это повторяй
не бойся
дыши глубоко

это твой
запах

Андрей Бычков

Бундестаг

Иллюстрации Ольги Шароватовой

Пребывая в хаосе и отчаянии и не сознавая себе самому, совершая изумительные движения, неизбежно заканчивающиеся поражением – полупрозрачный стыд и пушечное ядро вины...

А ведь где-то были стальные люди, люди прямого рисунка иглой, начертанные ясно и просто, люди-границы, люди-контур, четкие люди, отпечатанные, как с матрицы Гутенберга...

А я был только я - неопределенный, неясный, промежуточный, входяще-выходящий, бесполезный, лишний, сам себя изгоняющий, и никак не способный найти очертаний своей судьбы.

Я ничего не хотел делать и в то же время успевал довольно много, я шнырял, покупал ди-ви-ди-ромы, продавал. Ел в Мак'Доналдсах, за что ненавидел себя. Вечерами я смотрел какое-нибудь кино и сразу его забывал. Обжирался, снова обжирался на своих же коврах и на них же гадил, признавая свой кал священным и глядя, как он светится в темноте. А на утро, если не было дождя, выбрасывал его в окно с двенадцатого этажа, на машины, на крыши их машин. Как Иисус Христос. Потом плакал, ебался с женой, уходил на работу, покупал ди-ви-ди-ромы и вез их в троллейбусах, пересаживался в другие троллейбусы, привозил вместо ди-ви-ди-ромов деньги домой, и половину отдавал жене, а половину прятал, копил, а потом... потом просто сжигал.

Иногда я срал на головы своих современников прямо из окна, пока однажды не получил выстрел из пневматического ружья, из-за чего долго не мог садиться, стоял, стоял, пока не упал от усталости.

Долго так продолжаться не могло, и рано или поздно это должно было кончиться, и я ждал, ждал со всей злорадностью своего сердца, когда же это все, на хуй, кончится, когда же

начнется наконец тонкий рисунок иглой...

Граф был такая же гадина, как и я, но только свистящий. Я-то никогда никого не мучил и не убивал, ни муравьев, ни птиц, а Граф убивал, да, блядь, убивал, ему интересно было исчезновение. Он начинал с растирания бабочек о стекло, растирал до прозрачности, а потом смотрел на меня с той стороны из-за стекла своей оскаленной мордой и радостно свистел:

«Не буди, сука, ни хуя нет!»

И тогда я снова плакал, ел суп, мне было жалко себя, я не мог решиться - замочить козла, там, или собаку. Но потом, когда я решался, Графу было уже не до козла, и не до собаки. Ему надо было «подавай человека». Да, блядь, «подавай человека!» А я, разве я мог решиться на «подавай человека»? И мною овладевал черный сплин. И я просто садился на стул, мягко размышляя о том, что пора бы вписаться, например, в какую-нибудь традиционную религию.

Так однажды я и пришел к Графу и сказал:

- Все, - сказал я, - Граф, пиздец. С меня довольно. Если я не могу убить зверька, а, тем более, сапиенса, значит мне этого и не надо.

- Чего-чего? – выпучил зенки Граф.

- Ну, понимаешь, если проще, то, значит, мне нужна какая-нибудь ненасильственная религия.

Граф долго и задумчиво жевал, обсасывая какую-то куриную ногу, а потом сказал:

- Ну ты, чегой-то, это, ты же мой друг. Ты же, в конце концов, ты же не просто человек...

- Вот именно! – вскричал я, не дав ему докончить. – Эх, а был бы я просто человек!

Граф долго молчал, сутулился, играл с куриной ногой и наконец сказал:

- Ладно, завтра я помогу тебе обрести контур.

«Неужели и вправду завтра я наконец стану просто человеком?» - радостно подумал я.

- Да, блядь, - сказал Граф, ухмыляясь мне в глаза и словно бы читая мои мысли.

На следующий день мы выехали рано утром. Мы взяли с собой бутерброды с колбасой и отдельно, в хрустящей бумаге, сыр. Также у нас был с собой маленький ржавый термос. Мы вышли на станции пригородной электрички под странным названием «Бундестаг». Светило солнце. Ветер переменял свое направление и облака плыли с запада на восток. Они доплывали до середины неба и вдруг, как-то странно, штопорообразно поднимаясь, меняли свой путь и плыли снова, как и вчера, с востока на запад, словно бы поверх самих же себя, плывущих с запада на восток. Я шел по тропинке, задрал голову и не переставая изумляться этим двоящимся, противоречивым небесным движениям.

Граф набросился на меня внезапно. Он навалился сзади, связал, скрутил веревками, заломил мне руки за спину, затолкал в рот какую-то отвратительную мохнатую резинку и поволок меня на гору, к неожиданно открывшемуся белому камню. Он попер меня, как какой-то барабан, приговаривая:

-У, с-сука, я думал, ты друг, блядь, что ты дружан мне, а ты слякоть... Мразь ты, слюнявый вонючий, пораженец...

И так он меня клеймил, пока не доволоч до белого камня.

-... пидарас ты ебанный, говносос!

И тут я изловчился и, выплюнув наконец эту мудацкую резинку, заорал:

- Да сам ты говносос! Ты что?! Ты что, сука, делаешь?!

А у Графа у этого ручищи – во! Ножищи – во!

Живот такой здоровенный, жопа волосатая, яйца, как у быка, до пола достают, а хуище, ну просто траву коси!

- За что, скажи хотя бы за что?! – кричал я.

Но он тихо и мрачно продолжал, не обращая на меня почти никакого внимания:

- Урод ты, ублюдок. На людей срал из окна, на их машины.

- Да при чем здесь машины?!

- При том.

- Я, что, на твою срал?

- Нет.

- А чего же ты тогда затеял все это дерьмо?!

Он вдруг замер и слезы показались на его глазах:

- Да потому что я люблю тебя, Володька.

- Ты, что... эт-та... решил трахнуть меня что ли?

Граф вытер слезы, высморкался и, посмотрев на облако, приближающееся к нам совсем с другой стороны, вдруг вынул из-за пазухи нож.

- Да нет, я решил тебя просто убить.

Это было маленькое облако, чернеющее на глазах и, судя по всему очень тугое, до того, что в нем, как в черном яйце, играла синева. Оно быстро приближалось к нам с севера. Как-то злорадные кровяные прожилки словно бы уже поблескивали в нем, и я вдруг понял, что сейчас, вот сейчас под ударами Графова ножа я и вправду стану наконец-то обозначен. И, что, принимая форму жертвы, разрешусь наконец в тот четкий и яркий зигзаг, каким рано или поздно должен стать тот, кто жаждет избавиться от своего отчаяния.

Лицо

Вечен дом смерти и беспощадна жизнь чело- веков. И никогда не отличат они загадок своих от разгадок. И не отвратят их от бед их ни живот их, ни власть, ни благочестие. Подточат болезни бранные тела. Кого-то ударит из-за угла подлец инфаркт, зашушует, заурчит в грудях, да и разорвет фонтаном бессмысленное сердце. Кого на рассвете разбудит инсульт, навсегда призраком поселяясь в оседающем мозге. А кого подкараулит рак, заползет незаметно в прямую кишку и станет расти и расти, раздуваться и раздуваться, как изумрудное яйцо, не вытолкнутое в свое время усердием труда. Расти и расти, пока не лопнет, озаряя отравленной своей лазурью самодовольную жизнь организма. Страшен и безжалостен мир, и неисповедимы пути его болезней.

Однажды один человек ощутил, как в него все- ляется некий светлый дух, некий гений безба- шенной легкости. Звали того человека Негрович. Был он юноша кроткий, правдивый и умный, хотя и по-своему несчастный. Но вот, вселенный ду- хом, распрямил он члены рук и ног своих, хруст- нул суставами и взял, да и полетел. Полетел, конечно, не в прямом смысле, а как бы в косвен- ном. Полетел он в священности своих воображе- ний. Как дурак, как синий козел, как полный и счастливый идиот. Будто бы вдруг получил он солнечный удар, так полетел Негрович в своих воображениях. Славный, праздничный водород запузырился тогда в его голове, священно оду- ревающей от озарений. И близок оказался он к той ясности, что дается лишь прекрасномудрым птицам беспредельной голубизны.

Раскидав члены своего смертного тела, отбросив умность головы, изъяв прагматично стоящий позвоночник, раззявил он рот свой и прикрыл веки, и потекли священные слюны его. Так и во время оно отдавались, бывало, иные простоте данного им мига.

Взграбленный стук в дверь возвратил, однако, Негровича в узость членов его и убогость его комнаты.

«Мамаша!» - мрачно и злобно догадался Негрович и крикнул:

- Н-ну, б-блядь, с-сук-ка, ч-чег-го т-теб-бе-е?!

Но то была не мамаша. На пороге на высоком белом осле восседал черноволосый и длинноволосый господин. В руках господина искрился маленький кварцевый шприц.

- К-кт-то в-вы? – ошарашено спросил Негрович.

- Я приехал сделать вам биопсию, - с гордостью поклонившись на осле, сказал господин.

Не в силах сдержать взгляд свой на господине, Негрович словно бы опустил в голубые очи осла и вдруг догадался с каким-то страшным скрежетом и с каким-то неумолимым воем, что это приехал к нему сам господин...

«Р-рак!!»

Прискорбный, в голубой дуге енота, подбитый яшмовой плесенью и горностаем, с долами в ладонях, пронзенных вдумчивыми гвоздями, с радостной печалью закланного агнца – о, акварельный пейзаж еле-еле начинающейся в заоблачном взоре весны! – так отразился в озере воображений Негровича черноволосый господин.

И тогда Негрович закричал:

- Р-ра-ак-к! – радостно закричал Негрович. – О, н-наконец-то п-пришел ты к-ко мне именно с-сийч-час, к-кагд-да, к-ккагг-г-дд-да...

Он вдруг не выдержал и пронзительно разрыдался. Чистые слезы его упали ему на колени, в белые свободные от предрассудков коленные чашечки, и ясная мысль о смерти затмила воспарившее было над ним озеро воображений его.

Рак, могущественный и прекрасный, с кожаной портупеей, огромный, как дом, в пурпурной мантии, тяжелый и сладострастный, бронированный пластинами золота и серебра, с узкими стразами очков и с выпученными драгоценными усами, - так надвигался рак на Негровича. Краснорожий и тупомордый с безобразными клешнями вместо крыл рак нагло, как на вокзале, захохотал. Мелкий дождичек гнойной слюны его охладил лицо нашего гер-роя, пораженного неизмеримостью происходящего над ним надругательства. В огромной гнилостно раззявленной пасти чудовища подрагивала прилипшая к волдырястой губе сигаретка, а из-под сильных, хоть и узких стразов линз блеснул внимательный и оч-чень внимательный взгляд.

Черноволосо-длинноволосый господин на осле сидел, однако, прямо, не двигаясь. Двигался лишь только слегка под ним осел, едва заметно перебирая черными влажными от пота губами и тупо глядя голубыми очами своими в обнажив-

шуюся ляжку сидящего перед ним и обреченного на славу своей смерти Негровича.

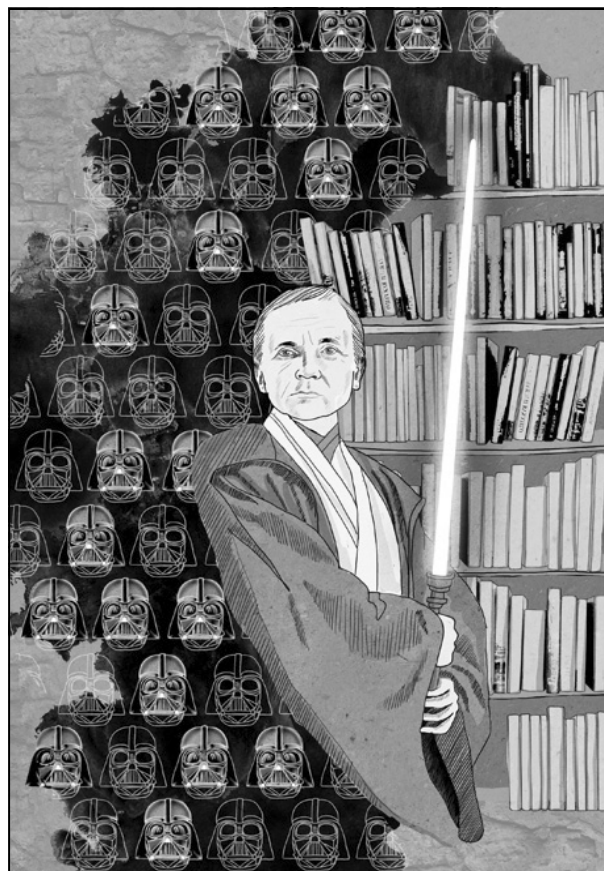
- Ну, давайте, - не выдержал наконец черноволосо-длинноволосый господин и обмакнул взявшуюся ниоткуда белую ватку в спиритус-веритас-когнито-эрго-сам. В другой руке господина дрожала длинная драгоценная игла, венчающая маленький кварцевый шприц.

- Ну же, давайте, - нетерпеливо повторил господин, ловко и прямо стояще сползая с высокой спины осла, даже и не касаясь ее руками. Пальцы его бережно дрожали белую сияющую, исполненную спиритуса ватку и ярко сверкающий кварцевый шприц, увенчанный пронзительной во всех смыслах этого слова иглой.

В изумлении кроткого своего рассудка Негрович застыл под священностью своих воображений, не зная, отдаваться ли на биопсию славы смерти или не отдаваться.

- Не бойся, - сказал господин и вонзил.

Аленушка полетела в избушке, недалеко от вокзала, куда она часто навещалась посмотреть галерею старинных мастеров – Ван Гога, Ван Дейка и Ван Эйка. Аленушка даже устроилась на вокзал официанткой и подавала поезда жратвы к жерлам богатых юношей, ожидавших своих отправок в неизвестность сюжетов своих жизней, лишь бы быть поближе к великим Ванам. Кстати, не все из богатых юношей были плохими и злыми, были среди них и хорошие и

добрые, правда пишушие с ошибками. Одним из таких юношей был, конечно, и Негрович, богатый куском выброшенного пирога...

- Врешь! – закричал черноволосый и длинноволосый господин, вытягивая иглу. – Никогда ты не был богатым и добрым! И я уже сразу, по цвету взятой на анализы жидкости вижу, что она, твоя священная опухоль, злокачественна, и в следующую среду ты, Негрович, умрешь! Понял ты, козел ты и идиот ты вонючий?!

Негрович умно и кротко рассмеялся, а потом несчастно и скорбно зарыдал.

Вдруг он отнял ладони от своего белого с тонкими пятнышками лица и спросил Всадника (а это был именно Всадник):

- Но почему же именно я?

- Странный вопрос, - почесал манерно в крупнозернистых своих волосах черноволосый господин и вдруг, неожиданно для Негровича, выдернул из своей копны одну самую длинную и самую черную волосину, и, со вкусом понюхав ее, низко наклонился к Негровичу и, ложно усмехнувшись, шепотом, тихо, между ушами осла, сказал в тонкие уши юноши:

- А откуда мне знать?

Осел же его вдруг откинулся и заорал:

- Ум-мрет, с-сука, ум-мрет!

И заигогокал, сволочь, злорадно так, как будто бы давно знал в голубизне своих глаз про славу смерти Негровича.

И в следующую среду Негрович действительно

умер.

Долго висело в высоком морге длинное тело его, подвешенное за ноги, пока драгоценная опухоль не сошла наконец с полипа и не проделала обратно весь свой трудный и радостный путь через кишки назад к пищеводу.

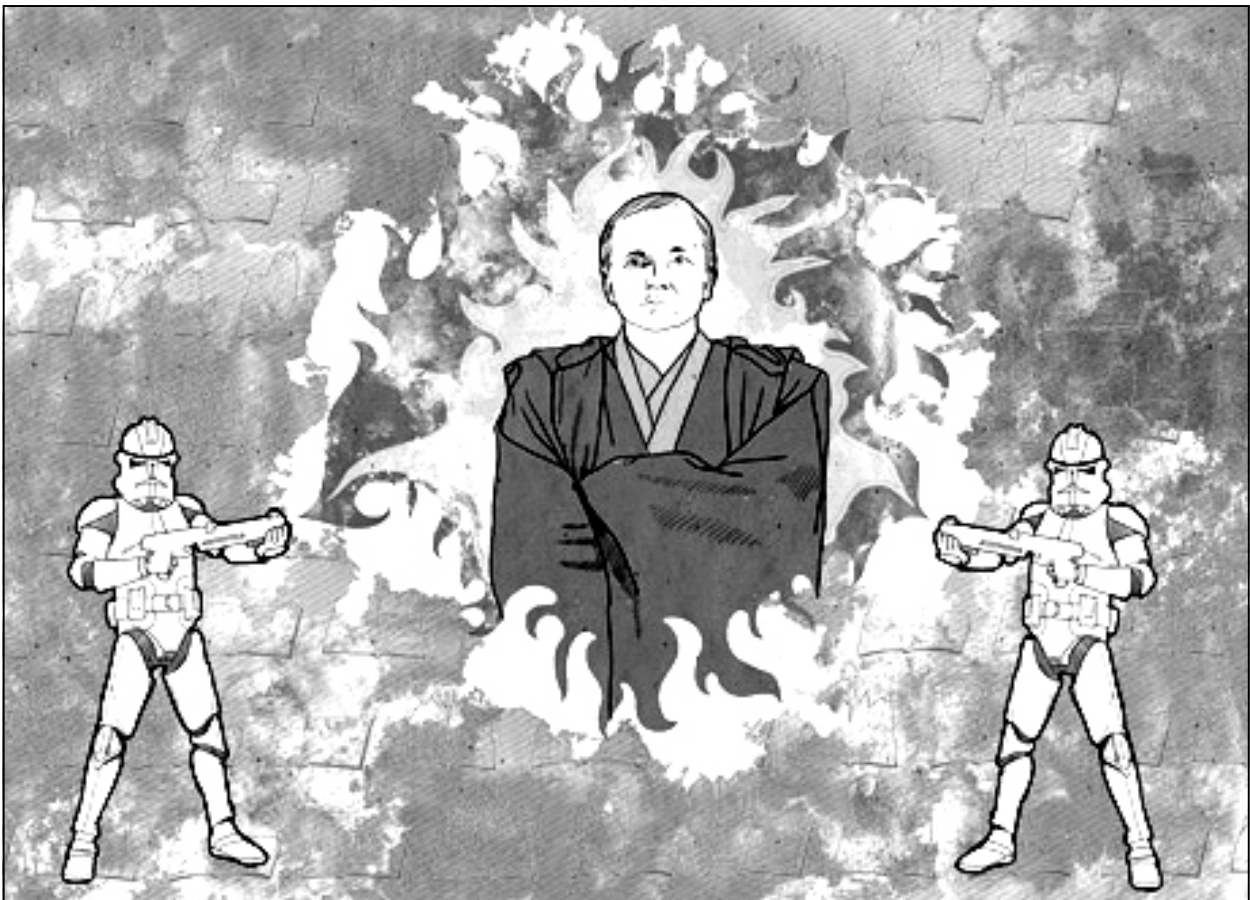
И не выпала хрустально из горла.

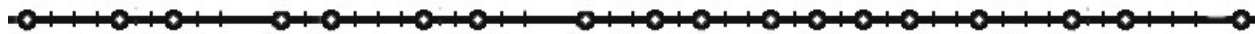
Повисев над полом искрящимся и ослепительно сияющим в воздухе изумрудным яйцом, она вдруг взяла, да и полетела в избушку к Аленушке, где Аленушка к тому времени летела уже и сама. Встретившись с яйцом, замороженная его чистой и сияющей красотой, бедная девушка завернула его в хрустящую пропитанную воском бумагу и на следующее утро отлетела с ним на вокзал. И там, тайно, ночью повесила между Ван Дейком и Ван Эйком.

А еще одним утром самые богатые из богатых и самые добрые из добрых юноши, пришедши на вокзал в ожидании путешествий и увидев на стене промеж двух голландцев неопишущую русскую красоту, не выдержали и женились на бедной Аленушке. И женились, причем, насильно.

Черноволосый же Всадник долго точил потом о крупное наждачное колесо своего осла, драгоценно вытачивая его голубые очи, пока из них не полился глубокомысленный свет. И тогда, осветив сим глубокомысленным светом висящего под самым потолком Негровича, Всадник тихо промолвил:

- *Потому что богесть.*

ЭДУАРД КУЛЁМИН

Стихи из цикла «Para belum»

Иллюстрации автора

ВРЕМЯ «Ч»

Слова придут, как рвотные позывы.
Я их тебе нашептывать берусь.
В промежностях у нас они пробудят силы
воображения. Им воспалится пусть

молитва вздорная. Кровище ли? Говну ли?
Мир вспенится. На грани торжества
ты будешь коронован всхлипом пули
и воцаришься. Чтением с листа

нахлынут предпочтительные гимны,
чье содержание краткое как «пли!».
Мы смысл жизни обнаружим гиблым
и вешать будем только по любви.

РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Хуже нет упертого мудилы.
Если же и времени в обрез,
тут уж навернуть ему вполсилы
самый подходящий интерес.

Этак без подвоха, без размаха
тыкнуть в лыч, чтоб рухнул невзначай.
Пусть осатанеет, муха-бляха,
тут уж основательно мочаль.

Этак тили-тили, трали-вали,
головокружительно, навзбрык...
И в натуре, как в оригинале,
тут уж непременно за кадык.

Чтоб ему то холодно, то жарко
без каких-то видимых причин.
В качестве ж прощального подарка
ебни так, чтоб череп отскочил.

Z-КАМИКАДЗЕ

Допустим подсознание бурлит,
и в галлюциногенном хороводе
восторг осеменяет динамит
фантазии. Инцест не первороден,
но знаменателен. Зачаточное «wow!»
эквивалентно мегабеспределу.
Природа исступленья такова,
что дестабилизирует систему.
Едва медитативные круги
расходятся, как рвота интеллекта
выплескивает месиво пурги
на тему «Содержимое и некто».
Попутно детонирует апломб,
втемяшивая мысль о Голливуде
в суспензию головокрумных проб.
Щепотка риска будоражит студень
способности до взятия займы
случайно обнаруженного тела.
Штабная крыса умственной чумы
готовит разум к подвигу Гастелло.
Маячит стратегический каюк,
потворствуя верховному главному.
И есть интерпретировать кому
героику оправленную в кому.

СУ-29

Архангел-эквилебрист конструкции П.О.Сухого
с полным боекомплектом на своих двоих
вытанцовывает аэрогенное пого
на развалинах небесной канцелярии. Таких,

как он, никогда не бывает много.
Этот отъявленный в крылатой обойме псих
шаманствует вопреки и во имя всего святого
под горловое пение Военно-Воздушных Сил.

ОП-ЛЯ ВОПЛЯ

.....ВО, БЛЯ!.....

НУ, БЛЯ!.....

ЩА, БЛЯ!.....

КАК, БЛЯ!.....

НА, БЛЯ!.....

РАЗ, БЛЯ!.....

ДВА, БЛЯ!.....

ТРИ, БЛЯ!.....

ОП-ЛЯ!.....

ВО, БЛЯ!.....

Два слова – песня

В студеную зимнюю ебань
 метелили мы поебень –
 вскипала сермяжная злоба,
 мелькал кулачина-кистень.

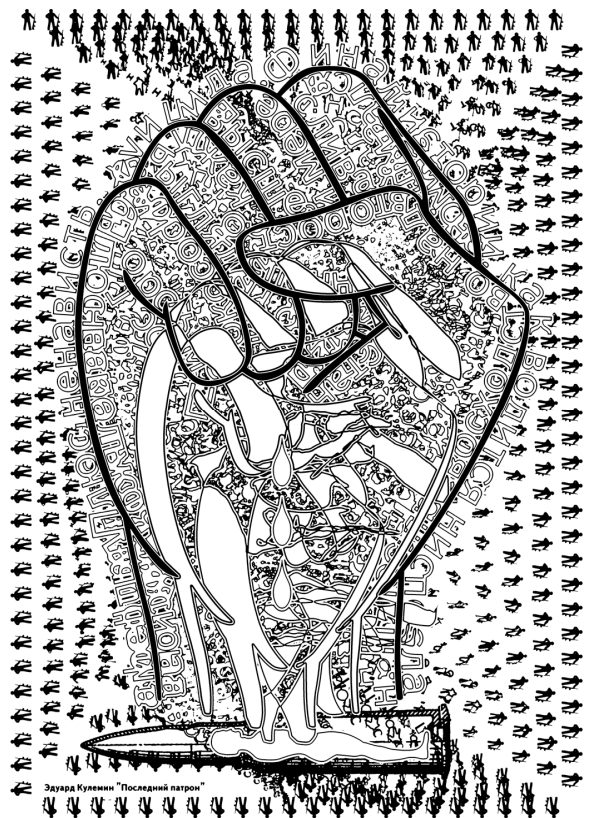
В ход шла и убойная обувь,
 и дивный солдатский ремень.
 Хрустела под натиском ебань,
 твoroжилась в фарш поебень.

Как биологический робот
 я мял черепа без затей,
 чтоб вражий расплющенный шнобель
 тень не наводил на плетень.

Победными маршами чтобы
 встречала любимая день,
 была ухайдохана ебань
 и втоптана в грязь поебень.

ТОПОР ВОЙНЫ

Топор войны отрыт,
 и трезвый, как скотина,
 я ухожу в отрыв,
 где смерть неотвратима.
 А следовательно,
 классическая форма
 сражений между ног
 имеет статус фронта.
 И как-то невпопад
 ебическая сила
 убийственный снаряд
 выводит из пассива.
 Он воспаряет вверх,
 используя потоки
 кармических помех,
 невинный и жестокий.
 И вот уже над тем,
 что так или иначе
 обречено, простерт
 либидо-перехватчик.
 Он дерзок и горазд
 на бойню без натуги.
 Его боезапас
 включает бомбоглюки
 сведения на нет,
 прицельность и всецело
 губительный предмет
 для знающего цену.
 Топор войны парит,
 как смертоносный демон,
 и чувствуется ритм
 отсутствия пределов.

Эдуард Кулёмин "Последний патрон"

ДЕКАБРИСТЫ

Их было несколько. Они стояли насмерть.
 Плюс ненависть, хоть выглядели сыто.
 Плюс, каждый свой умасливая шмайссер,
 не сомневался в высшей мере суицида.

Финал истории, как водится, ниспослан.
 Плюс превосходство над второстепенным
 дистанции ствола. Плюс горсть молокососов.
 Плюс пара пустяков. Плюс *para bellum*.

ГОЛОС КРОВИ

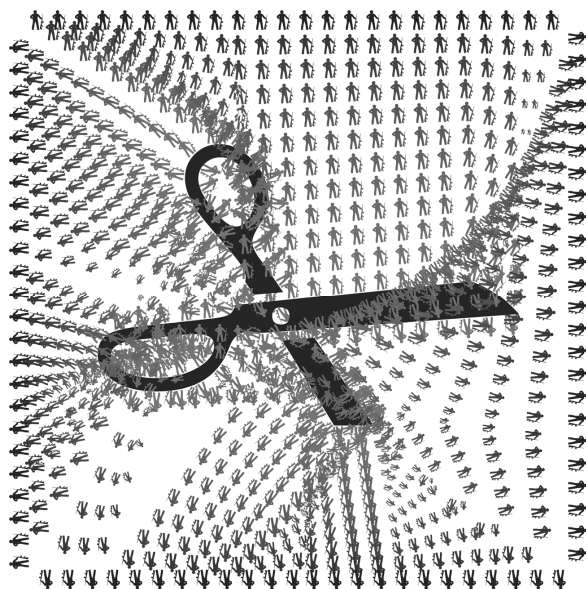
Красиво умирать не запретишь.
 И жизнью поставляемые на кон
 имеют шанс. Апостол Кибальчиш
 взывает к помрачительному взмаху.

Мертвецки трезв он вышел из себя
 с погibelью возложенной на плечи,
 в руке кровопускающего дня
 сжимая фактор античеловечий.

Сквозь ярость расточаемого "хрясь!"
 процеживая удаль экзекуций,
 он олицетворяет ипостась,
 сравнимую с исчадием безумца.

В апофеозе инициатив
 величествен и апокалиптичен
 его ультимативный рецидив -
 кто обезглавлен, тот не обезличен.

Пора заигрывать со смертью
 и, на двенадцатом ходу
 перелопачивая третью
 в очередную лабуду,
 сказать: "Ну чем ты не доволен?" -
 ведь даже в истинном бойце
 не каждый вынужденный воин
 функционирует как цель.
 Его позиция такая, -
 необоснованный солдат
 не дребезжит и не мелькает.
 Хотя, порою, наугад,
 чуть впереди и чуть короче
 поползновения свои
 осуществляя ближе к ночи,
 он зависает на крови,
 и, инстинктивно соловья,
 предупредительный огонь
 ведет значительно левее.
 Между штаниной и ногой
 вскипает бой, но он не дрищит,
 предпочитая самотек.
 И брызжет пламенная пища
 на оборонный бугорок.
 Тампоны тьмы метелят мглу.
 Сквозь них осколочная птица
 неотвратимому врагу
 напоминанием струится:
 "Смотри, дружок, не обосрись" -
 и в лоб ему вонзает жизнь.

КАВКАЗ

*«На родине красивой смерти, Машуке...»
 В.Хлебников.*

На родине красивой смерти, вдалеке
 от средоточий каверзы и скверны,
 при замирании пальца на курке
 я чувствую, как холод внутривенный
 ветвится, капиллярами хрустя.
 Их изморось электризует танцы
 конечностей на собственных костях.
 Предоставляя повод расквитаться,
 намерения формируют блажь.
 Ее одновременная причина
 вживается в конкретный персонаж
 и видится подобием мужчины.
 Экссесс регламентирует распляс.
 незыблемая, словно подоплека,
 приходит мысль, включающая нас
 в систему обоюдного наскока.
 И составляя целое из двух
 взаимоисключающих стремлений,
 я собственную участь как испуг
 кадрирую в оптическом прицеле.

КА-50 («ЧЕРНАЯ АКУЛА»)

Винтокрылая бестия милитари-феерии,
 В театре военных действий главная героиня.
 Пиковая мадам Баттерфляй. Когда
 из чрева ее вылетает плевков расплаты,
 эта механизированная елда
 оргазмирует мощно, бурля простотой.

Стрекозлиная сущность ее известна.
 Инфанта огня, она же inferно-невеста,
 атакующая сверху в позиции number one
 претендентов на ее неземное сердце,
 из которых лишь юный Гамлет-аэроплан
 имеет какой-то шанс, но не имеет средство.

Воспевая фантом своего отца
на мотив ламца-дрица-во-ца-ца,
он берет хитростью, позволяя вякать
этой черномазой фурии до тех пор, пока
она, изойдя слюною, не обнажит свою мякоть.
Остальное уже дело техники, случая и стрелка.

С-300

Гибрид Скорпиона и Стрельца
с интуицией самки,
с целенаправленностью самца.
Маэстро воздушного поцелуя.
Его четыре смертоносных хуя
с самонаводящимися головками
возбуждаются от малейшего импульса
и действуют по системе «накося-выкуси».
С оперением или без -
ему не важно, важен процесс
уничтожения всех летающих.
Меняя свое пристанище,
он, или скорее оно,
практически неуязвимо,
а потому равных ему в этом деле нет.
Любой инцидент,
любая заварушка на житейской почве –
выживают, как правило, лучше приземистые.
Рожденный ползать – «поверхность-воздух» – умеет
целиться,
что в нем и ценится.

Т-90

Не хрон, не блядун, не плясун...
Квазимодо с квадратными яйцами
на гусеничном ходу.
В предчувствии дефекации
он ерзает, как енот,
однако в голову не берет,
предпочитая играть по-крупному.
Поэтому никто и не знает,
что у него там, под куполом.

В целом же он - неказистый малый,
но шустренький. Терминатор-таки.
Если уж разевает свое хлебало,
то только в предчувствии very fuckyng.
Тут уж, как ни крути, у него бронированный пах,
в котором ютится не жалкий *пиф-паф*,
а дальнобойный *бабах*.
Этакий смертомотозоид
в предгрозовом дозоре.
Осеменитель-единорог
с потенцией нибелунга
ерошит промежности прифронтных дорог.
Где же ты, Сивка-Бурка?

ТТ

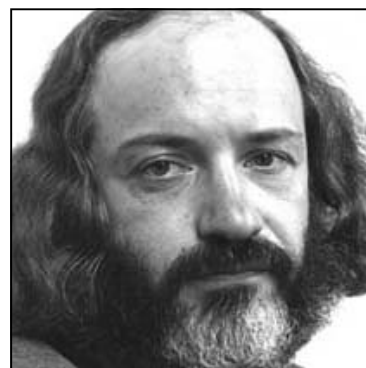
Тула. Токарев. Востребованный пострел
исторгнут в историю. Вместе с тем
инструмент истребления в действии.
Он в этом деле отнюдь не девственник.
Это вам не какой-нибудь там тупорылый браунинг,
или брандахлыст системы Смит-и-Вессон.
В масштабах дружбы сравним с повзрослевшим
Маугли.
В масштабах вражды является аргументом веским.
Его тактико-техническая характеристика
напоминает заклятие мистика.
Что характерно для огнестрельных месс –
скорость полета пули 420 м/с.
Адепт вендетты на винторезном пути.
Когда у него загорается в жопе, передняя часть ле-
тит.
Каждый прицельный выстрел – апофеоз.
Восемь с половиной смертоносных доз.
В каждой ам-пуле 5,52 г свинца.
Расточительный слегонца
осатанелый пестик, о котором идет молва.
116 мм – длина ствола.
Процент попаданий – семьдесят шесть и пять (76,5).
Что еще можно о нем сказать?..
В условиях ближнего боя
аккомпаниатор атак.
В прицельной стрельбе – Бетховен,
На вскидку - Бах... Бах... Бах...

ПЕСНЯ СМЕРТНИКОВ

Где царит абсолютная видимость
без какой-либо надобности
мы снуем у подножия виселиц,
под которыми ляжем костьми.
Так пускай возрастает количество
восхитительно вздернутых нас,
и диктатор апокалиптический
воплощает карательный джаз.
Пусть поют поднебесные дауны
по причине утраты и без.
Мы частицами элементарными
перейдем в категорию экс.
Без напряжения мы влипнем в историю
и сплоченные общей судьбой
не иначе как станем героями
Окончательной Мировой.

Михаил Эпштейн

Вызов мату или Новый любовный словарь

Иллюстрации Эдуарда Кулёмина

(Продолжение. Начало в 4 номере)

ЁМЬ

В русском языке нет особого глагола женского любовного действия. Те глаголы, которые используются в этом значении: (1) либо не являются активными и представляют женщину как пассивное существо, которое послушно «отдает себя» мужчине; (2) либо не являются специфически женскими и автоматически переносят на женщин глаголы мужского действия. В какой-то степени это отражает положение женщины в патриархальной культуре, где она либо подчиняется мужчине, либо заменяет собой мужчину, но лишена собственной активной роли.

1. Пассивные глаголы, изображающие сексуальное действие женщины как отдачу или помощь мужчине.

«Отдаваться» – стилистически нейтральный глагол, с оттенком книжности.

«Давать» – весьма просторечный глагол, широко употребляется в устной бытовой речи.

«Подмахивать» – еще более просторечный и отчасти устаревший глагол, с оттенком непристойности

«Подъе-ывать» – непристойный, бранный, матерный глагол.

Все четыре глагола обозначают действие или телодвижение, которым женщина удовлетворяет желание мужчины, идет навстречу ему, пособляет мужскому действию. Этот смысл вторичности выражен и в лексической основе «дать», «давать», и в приставке «под-», которая имеет значение «повторять или сопровождать действия кого-то другого» (ср. «поддакивать», «подтверждать», «подыгрывать»).

2. Активные глаголы мужского действия, которые могут быть отнесены и к женщине, подразумевая ее активную роль:

Она его «употребила», «поимела», «затрахала», «вые-ла».

Действие, которое этими глаголами приписывается женщине, по смыслу ничем не отличается от мужского и просто передает женщине ту роль, которую в ее отношении обычно исполняет мужчина.

Итак, женское действие обозначается либо как пассивное («отдаться»), либо как активность мужского типа («трахнуть»). Лексический пробел в данном случае соответствует культурной лакуне патриархального словаря, где у женщины не должно быть своего глагола, своего способа активного действия.

Между тем в русском языке есть корень, означающий активное действие свободного (полого) пространства, его способность вбирать, втягивать то, что снаружи. Слова «объем, проем, выем, ёмкий» и прочие, со значением «содержащий свободное пространство», образованы от исчезнувшего глагола «емати» – «брать, вбирать». В современном языке корень -ём- утратил свое исконное значение – осталось только значение объема, т.е. статуарной, пассивной ёмкости, которая сама больше не «емлет», не «ёмит», а ждет заполнения, вторжения извне. Но исконное значение этого корня – именно активное действие: «ёмить», «имать», «вбирать». Формы пространства только потому и обладают объемом, что «емлют», вмещают в себя. Отсюда такие диалектные слова, приводимые у В. Даля: Емить (владимирское, костромское) – имать или брать, собирать. Ём (владимирское) – сьем, наем. Ём пчелы – взятка. Емкий [среди других значений] – цепкий, ловко хватающий. Емок – хватка, горсть, и т.д.

Таким образом, поиск слов, обозначающих действие вогнутого пространства, тягу «снаружи внутрь», приводит нас к древнему славянскому корню «ъѣто», «jeti», индоевропейскому по происхождению, выражавшему активное действие «взять» (ср. латинское «ето, етеге» – «приобретать»). Первичное значение всех слов с этим корнем – не просто «просторный», «вместительный», но «берущий в

себя», «забирающий», «втягивающий».

Следует особо подчеркнуть, что образования от корня -ём- никак не сводятся к сексуальным значениям, но могут обозначать разнообразные отношения в пространстве, интеллектуальные и эмоциональные действия, связанные с взятием вовнутрь, активным охватыванием, действием большего по отношению к меньшему и т.д.

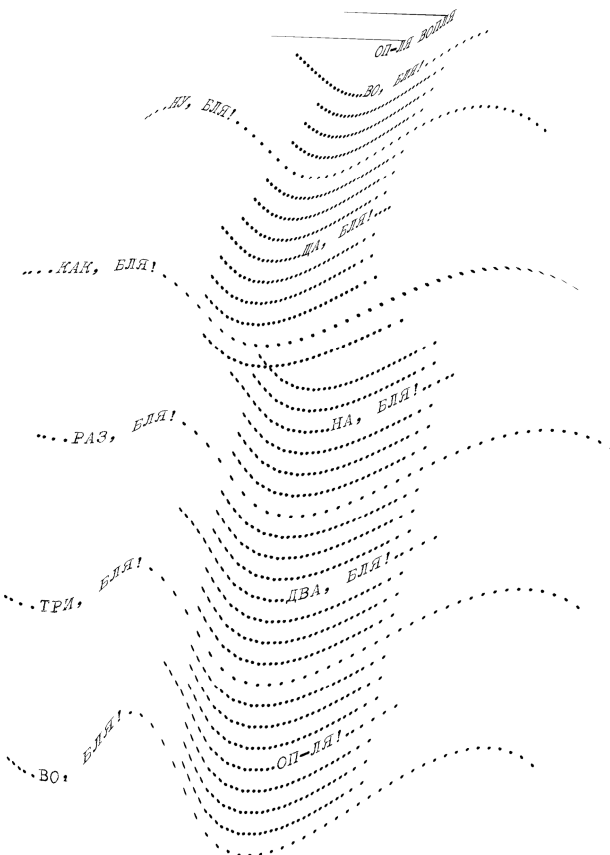
*

ёмь – общее название для всех измерений пространства: глуби, выси, шири и дали; ёмкость, объёмность, просторность, распаханность, вместимость; женское начало бытия, естество, лоно; то, что ёмит, вбирает, затягивает в себя; нутро, скрытая суть, главное содержание.

«Ёмь» отличается от близкого по значению слова «простор», поскольку указывает на свойство свободного пространства втягивать, захватывать в себя, а не расти вовне. Простор – то, что простирается, расширяется наружу; ёмь, напротив – то, что втягивает, вмещает, «въемливает» в себя. У пространства могут быть две формы активности: расширение вширь и вбирание в себя, движение «изнутри наружу» и «снаружи внутрь»; они передаются соответственно глаголами «простираться» и «ёмить». Простор – это центробежное, а ёмь – центростремительное движение (вглубь пространства).

Ты посмотри, какая вокруг ёмь: воздух гулкий, плавкий, растягивается на все четыре стороны – и сам втягивает в себя.

Кажется, бросишь шапку – он ее проглотит и выплюнет вон за тем лесом.

Пока наша вселенная находится в стадии расширения, она лучше описывается понятием «простор», но как только она вступит в фазу сжатия, потребуется понятие «ёми» для ее описания. Если простираение вселенной было задано первичным толчком (большим взрывом), то возрастание ёмности приведет, как предполагают физики, к большому схлопу: вселенная постепенно вожметса сама в себя и станет бесконечно ёмной в бесконечно малом интервале пространства-времени.

«Нигде на свете нет такой ёми, как в России, – мечтательно произнес Закиров. – Есть страны с более высоким уровнем жизни, с более глубокими культурными традициями, но вот чтобы так было ёмно вокруг, так затягивало в глубину пространства, – нет, такого я нигде не встречал».

Хочется мне слово кинуть во всю русскую ёмь, чтобы и небо, и земля, и даль принесли отголосок.

*

ёмить – активно вбирать, захватывать в себя, действовать по-женски. Этот глагол описывает действие самой ёми: объёмов, ёмкостей, вместилищ, влагалищ, которые не просто служат местом вторжений, но сами «ёмят», «ёмничают», втягивают в себя, обнимают собой. Выделяются два основных значения глагола: пространственное и сексуальное действие.

1. Втягивать, вбирать, засасывать (как тяга пустого или вогнутого пространства). Например, если «дуть» – выбрасывать струю воздуха, то «ёмить» – втягивать в воздушную воронку.

Странное его окружало пространство: ёмило со всех сторон. Казалось, то справа, то слева открывались незримые вьюшки и туда уносило снежинки, только что парившие у него перед глазами. Можно было бы сказать «дуло», только это был не выпуклый, а вогнутый ветер. Всюду была ёмь.

2. Глагол женского действия: активно принимать, «имать», вбирать в себя мужчину.

Солнце ярит землю – земля ёмит солнце.

Приходи ко мне вечером, – шепнула она ему на прощанье. – Наливочкой угощу. Всю ночь тебя ёмить буду.

Девка – огонь: пристанет к парню, уведет на сеновал – и давай ёмить. До зари так уёмит, умает, что парень потом мотается за ней, как присушенный. Ёмная девка.

ёмиться – соединяться с мужчиной, вступать в половую близость.

У нас бабы по этой части охотливее мужиков. Те дурью маются по пьяному делу, а эти приберутся, принарядятся, накроют на стол... – очень ёмиться горазды.

Жизнь теперь легкая, без особого подходу. Сегодня познакомятся, а завтра и поёмятся.

ёмить-поёмить – усиленно, страстно заниматься любовью.

Привела к себе солдата молодая вдова, чарочкой угостила – и давай ёмить-поёмить. Солдат сначала

растерялся от такого натиска, но потом, блюда воинскую честь, стал в ответ ее наяривать, так что дело они завершили вполне полюбовно.

Ёмничать – действовать, играть ёмом, сжимать и отпускать, вбирать и выталкивать.

А ты заметил, как ёмничает русская равнина на каком-нибудь пригорке или овраге? Так заёмит проезжего – еле выберется. Об этом еще Пушкин писал:

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон – теперь в овраг толкает
Одичалого коня...

– Да, «Бесы». Бешенство матки-земли, крутолюбой ёми нашей.

*

ёмище – большая ёмь; глубокое, нутряное, сокровенное место; женское естество, лоно; бездна, проем.

Приснилось мне ёмище, и помню, что ужаснулся не столько его вида, сколько самого слова, ты послушай, как звучит – «ёмище»!

«Ё-моё, ну и ёмище! – восхитился Петрищев, стоя на краю Гранд Каньона. – Интересно, какой яр его выдолбил».

ёмка – разговорное название ёми, женского лона.

Ты чего, бесстыжая, ёмкой вертишь, кобеля зазывает.

Эх, Надя, как же ты ёмку свою не уберегла. Кто тебя теперь замуж возьмет?

ёмочка – уменьшительно-ласкательное от «ёмка».

Мы с ней в аккурат подходим друг другу. Наконец-то мой неуёмный нашел свою ёмочку.

Куда ни ступит Тёмочка,
Ему навстречу ёмочка.
Тёма, Тёма, не зевай,
Нашу ёму засевай.
Он её затёмит,
Она его заёмит.

*

Ёмный – просторный, забирающий в себя, открытый и ищущий заполнения; относящийся к ёми.

Между «ёмкий» и «ёмный» – заметная разница в значении. «ёмкий» – объёмный, способный вместить в себя большое количество чего-то. «ёмный» – «склонный принимать, вбирать в себя», не просто вмещающий, но втягивающий, вовлекающий, ищущий заполнения своей ёмкости.

Как сказать о силе, которая влечет Пушкина, Гоголя, Достоевского к России – сразу и вглубь ее, и вдаль, и ввысь? «Ёмкая»? – нет, язык не повернется. Ёмная это сила, потому что и даль, и глубь, и высь – это всё она, ёмь.

Справная баба, ёмная, с такой будешь как сыр в масле кататься.

въём, въёмно (наречия) – вводя или впуская внутрь, в ём; глубоко забирая в себя.

Они крепко обнялись, сначала врозь, потом въём.

Въёмно ласкались, переворачивались, катались по всей полянке – и все им было мало места. Казалось, что так, неразъёмно, они могли бы раскатиться по всей земле, только бы им оставаться друг в друге.

Яр и Ёмь

Яр и Ёмь – это не просто половые признаки мужчины и женщины, но природно-духовные полюса мироздания, свойства ландшафта, типы мирозерцания... Исходя из смысла индоевропейских корней в их славянском изводе, «ЯР» и «ЁМЬ» могут стать для русского языка и мировоззрения тем, чем для китайцев являются «ЯН» и «ИНЬ» – обозначениями мужского и женского начал как двух космических стихий и психических архетипов. Весь процесс бытия, вся система мироздания рассматриваются в Китае как результат взаимодействия этих полюсов, которые стремятся друг к другу и сливаются в браке неба и земли. Плодородие китайского народа, его жизненная сила во многом обусловлены четким выделением этих начал в национальном самосознании, языке, мифологии и философии.

В литературе о символах Ян и Инь постоянно отмечается, что «мужское» и «женское» – это лишь один из уровней их значения, да и само «мужское» и «женское» – это лишь способ наружного выражения глубинных свойств мироздания, которые выражаются и в других оппозициях: юг – север, свет – тьма, небо – земля, солнце – луна, нечетное – четное и др. То же самое можно отнести и к понятиям (символам, архетипам) Яр и Ёмь: наряду с обозначением мужского и женского, они соотносятся и с другими оппозициями мировой и русской культуры, в частности, такими, как Запад – Россия, Петербург – Москва, власть – народ и др.

Приведем примеры совместного и соотносительного употребления этих двух понятий.

Солнце – яр небесный, а Россия – ёмь земная.

Пора готовиться к общению с китайской культурой, которая в 21-ом веке может придвинуться к нам ближе, чем европейская. Русский Яр и китайский Ян всегда договорятся. Китайская Инь и русская Ёмь тоже найдут о чем потолковать. Русская и китайская душа побратаются и посестрятся, как только будут найдены в России собеседники-партнеры для тысячелетних мужских и женских начал китайского мироздания. А может быть, обозначатся и новые космические переплетения: Яр – Инь, Ёмь – Ян.

Исторически в русской культуре Яр и Ёмь искали друг друга – и не могли найти, терзались от одиночества. На верхах наша культура была ярной, а в низах – ёмной. Даже Петр, построивший Петербург, этот переживший яр русской истории, не мог закрыть страшной ёми, которая все заваливала и обрушивала в себя. Когда же придет для них час великого воссоединения?

Таким образом, слова с корнями –яр– и –ёмь– не просто служат стилиевой альтернативой мату: они могут восполнить недостающие способы мифологической артикуляции космоса и социума. Конструктивная рефлексия над символами «ЯР» и «ЁМ», находимыми в древних корнях русского языка

ка, может способствовать более ясному оформлению этих начал и в современной культуре.

Любить любовь

Какое же место могут занять слова с корнями –яр– и –ём– в расширенной лексической системе русского языка? Эти два гнезда, в их полном объеме (лишь сокращенно представленном в этой статье), охватывают порядка 100 слов, которые (1) тематически относятся к жизни пола, (2) занимают среднюю стилевую зону и (3) отличаются положительной экспрессией. Такова тройственная дефиниция этой лексической группы: условно говоря, телесный низ, стиливая середина, экспрессивный верх.

Напомним, что и мат – это тематико-стилистически-экспрессивная группа слов, причем три эти параметра в ней пересекаются:

1. тематическая отнесенность к т.н. «телесному низу», к половой сфере;
2. стиливая отнесенность к просторечной, вульгарной, непристойной, обценной лексике;
3. экспрессивная отнесенность к бранной, ругательной, проклинательной лексике.

Следует различать между стилистической окраской, которая может быть нейтральной, высокой, низкой, торжественной, просторечной – и экспрессивной окраской, выражающей отношение говорящего к предмету: положительное и отрицательное, одобрительное или презрительное, серьезное или ироническое. Например, слово «мерзопакостный» имеет отрицательную экспрессивную окраску, но относится к высокому, книжному, архаическому стилю. А выражение «классная чувиха» имеет вполне одобрительный смысл, но относится к вульгарному стилю, просторечию.

Для отнесения слов к разряду матерных нужно совпадение всех трех условий (тематических, стиливых, экспрессивных). Бранные и вульгарные слова, не относящиеся к половой сфере, матерными не являются («гнида», «харя»). С другой стороны, слова, которые обозначают половые органы и отношения, но не являются бранными, тоже, естественно, лежат вне сферы мата («вульва», «пенис», «половой член», «соитие»).

«Яр», «ёмь» и их производные – это слова, лежащие в той же тематической области, что и мат, однако стилистически нейтральные, годные к употреблению как в разговорной (но не просторечной), так и в литературной (но не в книжной, не в научной) сфере. Они своеобразны не только тем, что стилистически нейтральны, в отличие от мата как вульгарной лексики, но и тем, что положительно экспрессивны, в отличие от мата как бранной лексики.

Мат – это весьма экспрессивная, оценочно-выразительная лексика, исторически возникшая как нарушение табу, как проклятие и кощунство {См. Б.А. Успенский. *Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии, в его кн. Избранные труды, т.2, М., Гнозис, 1994*}. Поэтому дело не только в том, чтобы найти стилистически средние слова – в роли таковых выступают «(пере)спать», «сойтись», «сблизиться» – но чтобы эти слова обладали не меньшей экспрессией, чем матерные, чтобы в них звучало не презрение, а пыл, страсть, наслаждение. Слова «совокупление» и «половой акт»

относятся к книжной и научной лексике и лишены какой бы то ни было экспрессивности. Но разве язык обречен только на такой выбор: либо выразительно-ругательные слова, либо сухие, чисто назывательные, лишенные эмоциональных оттенков? Разве у любви, у эроса не может быть в языке своей положительной экспрессии, выражения восторга, упоения, наслаждения?

Слова с корнями «яр» и «ём» растут из той древней мифологической, индоевропейской почвы русского языка, где имя Ярилы священо, где эрос еще не подавлен и не осквернен, не воспринимается как кощунство и не служит средством или предметом проклятия. Слова «ярить», «яристый», «ёмить», «ёмистый» и пр. выражают горячее, страстное, вовлеченное отношение к тому, что они обозначают. Эти новообразования с корнями «яр» и «ём» я бы назвал неомифологическими, поскольку они пытаются возродить ту жизнестроительную экспрессию, которая свойственна древним культу плодородия, где названия половых признаков и отношений выражают страсть, воодушевление (разумеется, речь идет о первообразном смысле корней, о жизни языка, а не о возрождении самих этих культов).

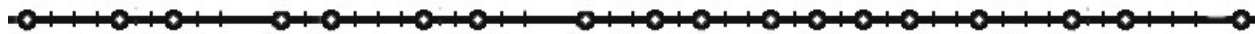
Иногда о матерщиннике говорят: «Вот как он выражается». Выходит, что «выражаться» и «браниться» – это синонимы, что только брань по-русски и выразительна. Во всяком случае, когда говорится «про это». Неужели нельзя выражаться страстно, любовно, увлеченно, пылко? Если мат берет своей выразительной силой, то нельзя противопоставлять ему канцелярщину типа «сожителство», «половые отношения». Нужна выразительность – но восходящая, пробуждающая.

Мат, конечно, неустраним, да и пусть живет в своей стиливой низине, но нужны и другие способы обозначить «это», не медицинские, не книжные, не архаические, чтобы преодолеть исторически свойственную нашей культуре «похабщину», презрительно-бранное смакование непристойностей. Вот и стоит обратиться к языку, к его исконным корням, в надежде, что они скажут нам не менее сочное, но более радостное, страстное, сладостное о делах плоти, чем говорит мат. Неужели по-русски может быть только «Лука Мудищев» и не может быть своей откровенной и высокой «Песни песней»?

Мне представляется, что не только язык, но и судьба всего общества, его плодovitость, сама рождаемость народа зависят от того, продолжит ли он «посылать по матери» (всех и сам себя) – или в нем возникнет положительная экспрессия слов, любящих свой предмет, любящих саму любовь.

Примечания:

1. Мифы народов мира, Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1982, т. 2, с. 687.
2. Русский эротический фольклор. М.: НИЦ Ладомир, 1995, стр. 407.
3. См. Б.А. Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии, в его кн. Избранные труды, т.2, М., Гнозис, 1994.

Алексе́й Нило́в

Философия наноязыка

Иллюстрации Тима Гейза (Австралия)

Статья, подготовленная для научной конференции «Творчество вне традиционных классификаций гуманитарных наук», прошедшей в Институте языкознания РАН 25–27 января 2008 года.

Слова, обозначающие слова, которые являются названиями референтов, чей онтологический статус зависит от *семиотической относительности*, то есть от наличия наряду с языком бытия – антиязыка бытия, включающего в себя всё **необытийствованное** (в отличие от небытия, не обременённого семиотическим балластом). Речь идёт не о потенциальном, а о границах бытия в языке, с выправкой на *онтологическую относительность*, согласно которой язык не может быть исчерпан бытием или небытием, сохраняя за собой право на трансгрессивный манёвр. Крайний лингвоцентризм (или лингвоонтоцентризм) играет на пользу как бытию, так и языку, поскольку разграничивает области обеих некомпетенций, позволяя высказать тезис о том, что ни язык не может вместить в себя бытие, ни бытие – язык, но лишь дух *предустановленной асимметрии*, компромиссирующей на обоих центризмах (правда, с небольшой инерцией в сторону языковой асимметрии, разрешающей высказывать самые невероятные перформативные парадоксы и языковые скандалы в онтологии).

В отношении языка не действует *принцип двойной ловушки*, когда при опровержении исходной посылки необходимо воспользоваться ею же (например, чтобы доказать бессмысленность философии, нужно непременно пофилософствовать), иначе большинство онтологических вопрошаний свелось бы к банальному решебнику, а аналитическая философия превратилась бы в устройство по щёлканью орехов. В первую очередь нам важно показать, что бытие имеет в языке всегда темпоральную (сиюминутную) прописку, а язык в бытии – постоянно сопряжён с бременем. Во-вторых, рассказать о лингвистической безотносительности к автореферентности, а также о *языковой беспочвенности* к любым умалениям роли языка в проблематизации бытия. Воязыковлённое бытие больше не может быть самодостаточным за счёт языка, потому что вопрос о поименованности автореферентности бытия остаётся открытым до тех пор, пока не доказана онто-

логическая относительность и не апробирована предустановленная асимметрия между бытием и языком. Бытийная автореферентность – это подлинный язык бытия, который почти всегда ускользает от естественного языка в *дурную перформативную парадоксальность*, обнадёживая таких простачков, как Хайдеггер, ответами на онтологические вопросы – больше риторические, чем тавтологические.

Традиция забвения вопроса о бытии, выполняющая функцию латентной несоизмеримости языка и бытия, была нарушена фундаментальной онтологией Хайдеггера, который предложил «царский путь» приобщения к бытию через деструкцию языка как сущего, а в конечном счёте – к абсолютной онтологизации языка (чьё бытие подменило бы собой язык бытия), имя которой – бытийная автореферентность. Языковые трансгрессии Хайдеггера открыли для естественного языка новый онтологический горизонт, благодаря которому метафизика стала интересоваться языком бытия, придав лингвоцентризму фундаментальный смысл – возможность бессмыслицы не только на естественном языке, но и на языке бытия, то есть асемантив бытие и таким образом опровергнув гегелевские притязания в виде абсолютной идеи, равнозначной тотальности смысла бытия. Онтологизировав язык, Хайдеггер сформулировал косвенную проблему забвения вопроса о бытии языка, в то время как истории философии запомнился эпизод о забвении вопроса о бытии, посредством которого, следуя логике автореферентности, Хайдеггер ностальгически подыграл забвению, сведя вопрос о бытии языка к вопросу о смысле бытия на языке лингвистического Dasein, а не на языке бытия, поскольку вопрошание о смысле бытия есть вопрошание на языке самого бытия.

Язык бытия и естественный язык характеризуются *онтологической нетранспарентностью* – непрозрачностью онтологических статусов, вследствие чего язык бытия и естественный язык оказываются несоизмеримыми, или беспочвенными, а потому нуждающимися в

языке-посреднике, в качестве которого может и должен стать антиязык. Феноменологически антиязык претендует быть средством созерцательности смыслов бытия, постулирование которых зависит не от нужд онтологии присутствия, а от потребности в оперировании смыслами до их естественного воязыковления, когда язык бытия ещё не был инфицирован семиотическими принципами (например, принципом «изначального опоздания»).

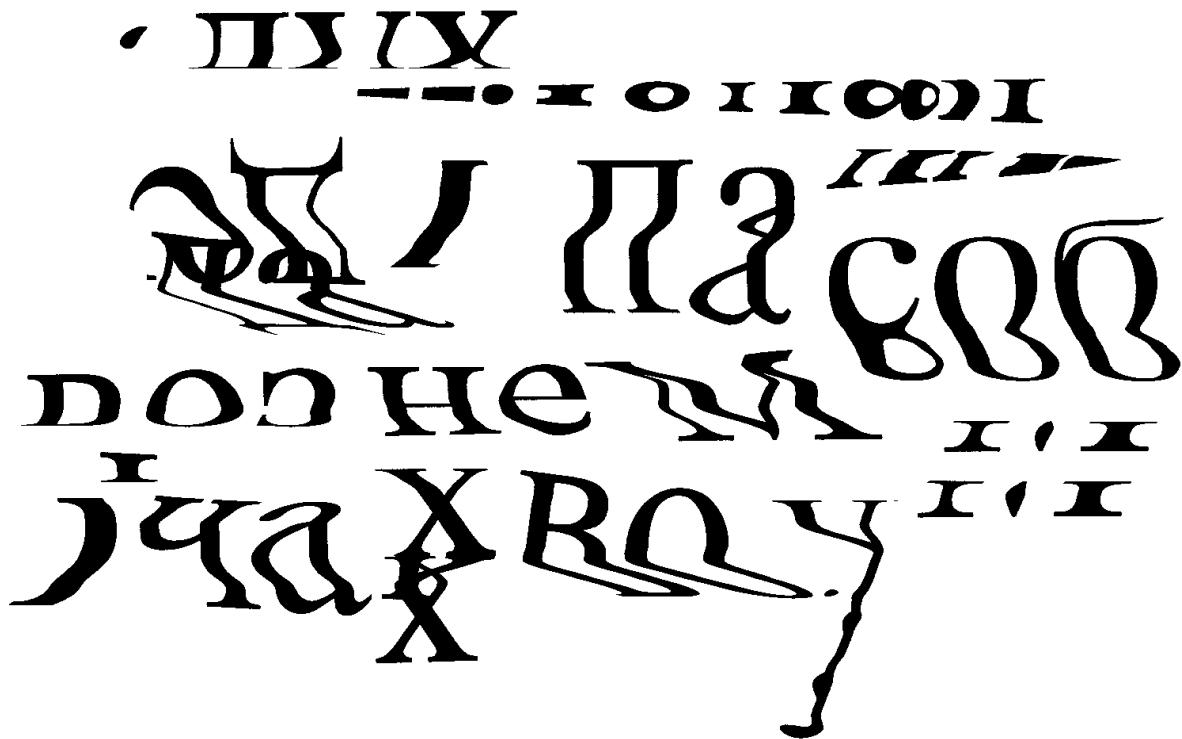
Реконструкция языка бытия возможна при помощи естественного антиязыка, для которого не существует никаких референтно-сигнификативных исключений. Допущение о существовании языка бытия основано на принципе лингвистического идеализма, согласного которому можно поименовать всё, что существует, а следовательно, обнаружить не столько язык бытия, предшествующий антропогенезу, сколько язык бытия, созданный человечеством в рамках футурохронии. Универсальный бытийный язык: как правило, большинство попыток найти такой язык впадали в праязыковую ностальгию, освобождаясь к доязыковому и даже досемиотическому, однако все они ограничивались антиязыковыми артефактами в виде реконструированных праформ – анτισлов, составляющих корпус этимологических словарей; всё, что было или будет нареконструировано, включается в анτισловный класс **праформологизмов**.

Однако нас интересует такой язык бытия, который называет вещи своими именами – *ресонимами*, стирая границу между присутствием и присутствующим, между бытием и сущим до тех пор, пока не возникнет отождествление бытия и небытия, а ресонимы не будут подвергнуты деструктивной этимологии, уничтожающей вещь до *неноминабельности*. Возможно, что язык бытия станет доступен тогда, когда посредством

метода деструктивной этимологии, заключающегося в подыскивании каждому слову его деструктимона – *футуроформы* самого последнего употребления (либо антиконтекста, в котором подопытное слово будет терять своё прямое значение), будут деноминированы все референты. Язык бытия как язык будущего должен быть гарантирован последующей аноминацией вещей, а если говорить паритетней, то их *деноминабельностью* – стадией, наступающей после стадии *неноминабельности*, когда невозможно лишить референт его имени, поскольку никаким именем он не обладал; когда невозможность поименования предшествует возможности отобразить у референта его имя.

Неденоминабельность – это невозможность лишить референт его имени, вследствие чего открывается ещё одна перспектива для методологического обоснования языка бытия помимо деструктивной этимологии, прототипом которой является деструкция Хайдеггера. Иными словами, важно показать, почему ту или иную вещь нельзя лишить её имени или альтернативного способа номинации, то есть подвести к неденоминабельности, а значит и к неразличению между способом номинации на языке бытия и способом номинации на любом другом языке (например, на естественном человеческом языке), преодолевая тем самым «вечное возвращение» перформативной парадоксальности, при которой общий тезис сформулирован на языке сущего, или присутствующего, а его содержание претендует на характеристику языка бытия, или присутствия.

Неденоминабельность на естественном языке и неденоминабельность на языке бытия – тождественны лишь в своей методологической чистоте, тогда как в своих практических последствиях – различны до онтологической нетранспарентности, стирая приоритет-

ность языка бытия в качестве истинного перед традиционно неистинным естественным языком (либо альтернативным наряду с языком бытия). Устранив из семиотического проблемного поля *истинный* язык бытия, мы получим *отнюдь не истинный* естественный язык, довольствуемый смысловым суррогатом, а один из многих языков, для которого в рамках оператора гипотезы множественности миров будет подобрана аутентичная истинность.

Гипотеза множественности языков отвечает методологическому принципу несоизмеримости, посредником для которого выступает если не перформативный парадокс, то его презумпция, однако наш случай свидетельствует о несоизмеримом постулировании границы между бытием и сущим, когда на смену редукционизму истинности приходит автореферентность самой несоизмеримости, а также естественный антиязык как язык-посредник для разных несоизмеримостей и средоточие бытийных смыслов (значимостей) вне какой бы то ни было номинации и её производных – иными словами, червоточина автореферентности несоизмеримости, содержащая статусы онтологической нетранспарентности между языком бытия и естественным языком.

Естественный антиязык в качестве языка истины неуязвим как на естественном языке, так и на языке бытия: антиязыковая автореферентность отличается *парадоксальной спонтанностью*, больше граничащей с лингвистической некомпетенцией, чем с неденоминабельностью. В антиязыке можно встретить исключения для всех правил, в том числе для бессмыслицы, которую нельзя выразить даже на антиязыке, но можно переиграть в *альтернативный антиязык*, работая с бессмыслицей как со средством автореферентности (автореферентность бессмыслицы представляет собой автореферентность без референта – отсутствие источника смысла для последующей асемантизации самого отсутствия). Апофатически оговариваясь, бессмыслицу невозможно поймать на противоречии, поскольку там, где отсутствует всякий смысл, нет места для отсутствия.

Бессмыслица находит своё отсутствие в доязыковом бытии, когда прото-семиотичность ещё не оформилась в соответствующий горизонт. Вводя ОПЕРАТОР БЕССМЫСЛЕННОСТИ, мы удостоверили компромиссный вариант присутствия бессмыслицы в языке, однако не предусмотрели ревизии антиязыка на *латентную бессмысленность*. Латентная бессмысленность сокрыта от собственной автореферентности, вследствие чего для неё невозможно установить отсутствие референта, который отсутствует по определению. Нанизывание отсутствий на шампур языковой некомпетенции в отношении бессмысленности имеет свой предел, называющийся **языком бессмысленности**. Язык бессмысленности можно легко отождествить с языком бытия, который не знает себя настолько, насколько не предполагает никакого внешнего наблюдателя (*сильный мизантропный принцип*).

Поиски вопроса на ответ о смысле жизни выдают в нас онтологических обывателей, стремящихся предусмотреть интересубъективное участие в небытии. Бессмысленность основывается на тезисе об избыточности смысла там, где он несоразмерен автореферентности, то есть впадает в крайность абсолютного пер-

формативного парадокса, который содержит в себе все случаи своего употребления, обесмысливая отсутствие любых альтернатив.

Обесмысливание – это забвение таких смыслов, относительно которых невозможно реализовать *влечение к небытию*, но охотно – *влечение к концу*, в результате чего следы истириания теряются в лоне бессмыслицы, или бесконечном тупике (Галковский). Бессмыслица – не абракадабра из толкового словаря, а вызов семантическому онтологизму, конституирующему десемантизацию по своему шаблону и рассеивающему смыслы наперегонки нашему непониманию. Бессмысленность пребывает в модусе предшествования любой онтогонии, поскольку является истинной достаточной основой, замаскированной аксиоматичностью и догматичностью воображаемых положений. Бессмыслица сродни воображению об исчерпаниии воображения, когда *имагинальный круг* размыкается в собственную автореферентность, обнулявая все самоочевидности. Восстановление паритета бессмысленности в бытии должно стать единственной фундаментальной задачей *патологии*, понимающей под патом **десемиотизацию**, которая несёт в себе тавро первой жертвы, самозаклания, *броуновской диссеминации*, рассеивающей смыслы для того, чтобы примирить семантическую трансгрессию с экзистенциальной десемантизацией.

Смысл бессмысленности противостоит нонсенсу и его логике дополнительности, находясь не на границе первичной семантизации, а в **асемантике возможных миров** (Анти-Крипке) – утопии для любых языковых игр. Смысл бессмысленности представляет собой опережение любой семантизации, какой бы последней она ни была, разрешая тем самым проблему тавтологичности начала и конца в виде принципа «изначального опережения» бессмыслицы собственной автореферентности, результатом чего выступают возможность *мыслить мыслимое* и возможность *бессмыслить бессмысленное*, выражающаяся в клевете на бессмыслицу, дабы не выдать её смысл. Смысл бессмысленности заключает в себе тайну различия, о чью онтологию было затуплено немало гвоздей, но так и не распято ни одного языкового парадокса.

Тайну различия составляет *парадокс неразличаемости*, подвигающий на откровение таких вещей, в отношении которых различие бессильно, а категория **неразличаемости** требует прописки в антиязыке. Поиск **неразличия** (нетождества) позволяет различию различать ещё неразличённое от неразличаемого, снимая противоречие между различием и неразличием самого различия, поскольку **всеразличённость** асинхронна даже для Бога, то есть пока сохраняется *теологический комплекс кукловодства* (в чём-то полемичный с «эффектом матрицы»), синонимичный *дурной бесконечности различения*. Пока Бог не разоблачит перед нами свой кукловодческий грех, мы вправе сомневаться как в его всеразличимости, так и в его атеизме. **Онтологическое кукловодство**, которым заражена вся европейская онтология присутствия/отсутствия, может быть обезоблачена не столько с помощью фигуры Злокозненного Демона, сколько *влечением к бессмыслице*, возвращающей бытию его исконный смысл – тотальную **неразличаемость** при любых гносеологических тождествах,

тотальную **бессмысленность** при любых онтологических тавтологиях.

То, что различает смысл и бессмыслицу, называется не различием (или различанием), а **анонсенсом** – анонсом нонсенса, презентующим смысл бессмыслицы всякий раз с опережением для языка, основанном на принципе «изначального опоздания» – отставание плана выражения всегда плана содержания. Бесмысленность бытия – риторичность любого вопрошания о бытии, обнажённом для минимального означивания, которое запускает механизм различия в качестве беспрецедентного, иначе на фоне бесконечного потока различий референтативного вещества не удастся оправдать искомое семантическое различие. Семантическое различие может быть исконно присуще языку бытия, тогда как бессмысленность – языку бытия, не означенному на наблюдательный манер. Если бессмысленность представить в виде буфера между языком бытия и различающим языком, то станет понятно, почему конвенции языка бытия могут быть также деконструированы. Различие на языке бытия бессмысленно именно потому, что неразличаемость (потребность в неразличаемости) характеризует не столько бытие, сколько его язык, избыточный для бессмысленности бытия.

Бессмысленность бытия несоразмерна бессмысленности языка бытия: если первая представляет собой условие нередуцируемости бытия до **неденоминабельности** (невозможность лишиться референта его имени), то вторая – условие нередуцируемости языка бытия до **неденоминальности** (потребность в неденоминабельности). Бессмысленность не может отобрать у вещи её имя, но в состоянии оневозможнить такое лишение, спаяв воедино референт и его резонанс. Таким образом, бессмысленность становится границей, которую никто никогда не нарушит, чтобы не попасться на удочку *обесмысливания*, чьи последствия окажутся дедистинктивированными, а потому неverifiedируемыми, нефальсифицируемыми и неавтореференцируемыми для самой процедуры.

Обесмыслить (или азначить) соразмерно исчерпанию ресурса деконструкции, при котором тот или иной смысл (значение) реидеологизируется до недеконструируемого, отпячиваясь к развилке альтернативных истоков *Аначивание* – подведение значения к пропасти деинтерпретации, коррелятивной означиванию с присущей ей конкуренцией интерпретаций. **Деинтерпретация** – не вспять-деконструкция, вскрывающая поверхностный слой неотрефлексированного означивания, а бесконечная деструкция значения, игнорирующая деструктивную этимологию и преследующая бессмыслицу по следам исчезающего различия. Бессмыслица означает такое онтологическое отсутствие смысла, при котором вопрошание о бытии становится риторическим, или безответственным, а языку бытия приходится довольствоваться *антиязыковым парадоксом* – нуждаться в бессмысленности намного больше антиязыковых возможностей (бессмысленность на антиязыке снимает компромиссный характер собственной ОПЕРАТОРНОСТИ, воантиязыковляя её с помощью анτισлов.

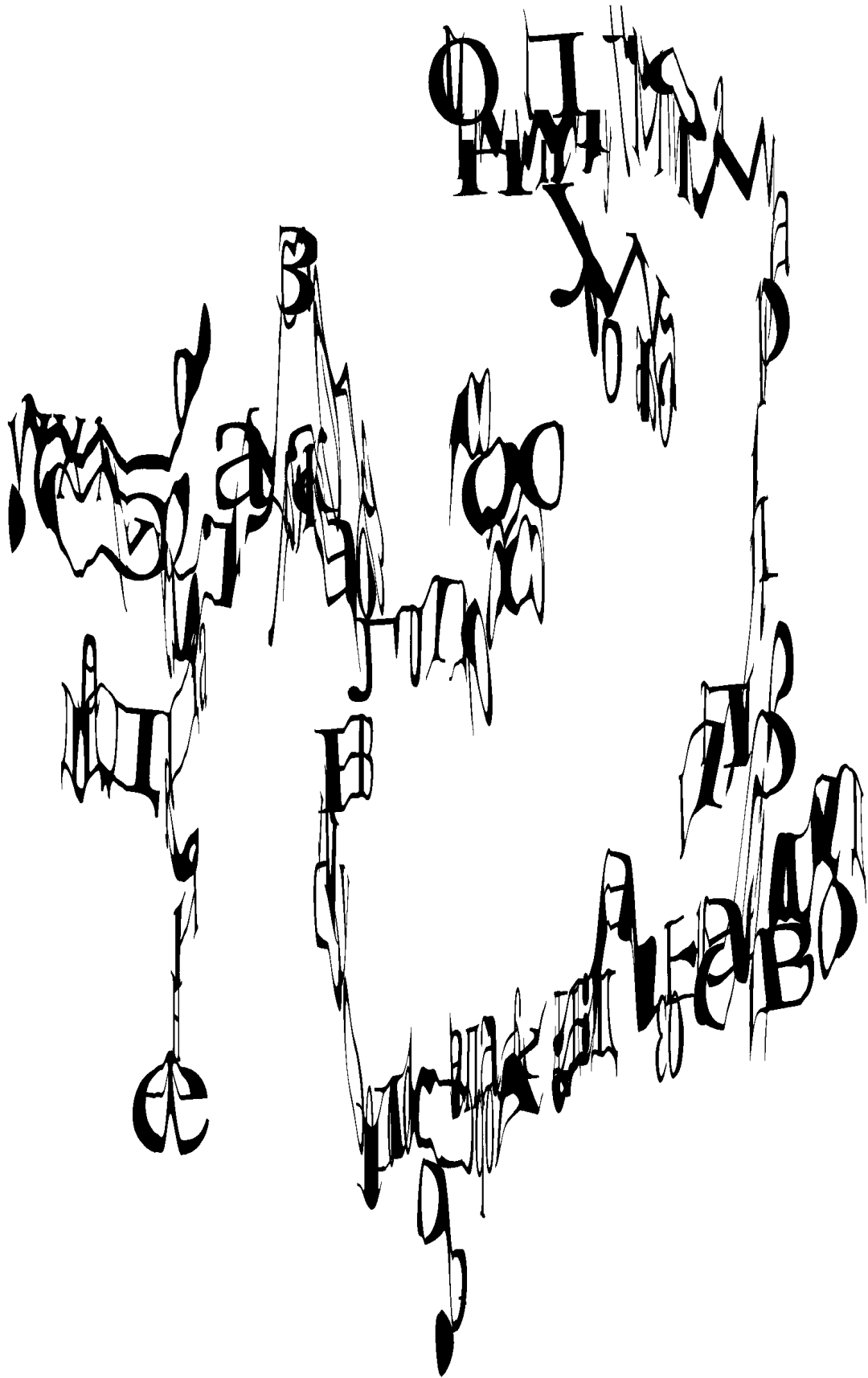
Антиязык разыменовывает бессмысленность в метаантислова, которые упреждают *дурную лингвистическую бесконечность* (слова, обозначающие анти-

слова, которые являются названиями отсутствующих референтов, синхронизирующихся в бессмысленном небытии, или небытии с прибавочным обесцениванием – обесмысливанием самой бессмысленности), готовую растворить в себе бессмыслицу. Бесмысленность необходима в качестве противовеса семантизации, сдерживающего антиязыковой оптимизм, согласно которому можно выразить всё, что угодно – вплоть до дескриптивно-превентивной формы (например, в виде того или иного названия класса анτισлов). Проблематизация бессмысленности приводит к антиязыковому тупику, непригодному для антиязыковой утопии – *улексии*. Если бы на антиязыке можно было выразить бессмыслицу, то тогда бы отпала потребность в антиязыковой бессмыслице, ещё больше отягощённой бременем своего небытия.

Антиязыковая бессмыслица отсылает к притуплённости бритвы Оккама – максимуму преумноженных сущностей, запрещающему резерв естественных ошибок при словотворчестве. Умножение сущностей необходимо для подтверждения не столько онтологического, сколько лексикографического статуса бритвы Оккама, который стал возможен благодаря *бороте Платона*, а в наше время – *щетине Эпштейна*, слегка восполнившей парадоксальное оскудение философского языка. Замусоривание философии кастрированными смыслами стало началом конца классического философствования: если раньше смыслодефицит компенсировался естественно-научными и гуманитарными науками, то теперь он приобрёл экстрадисциплинарный масштаб, ядром которого стала *анархистская философия*. Если бритва Оккама запрещает умножать сущности без необходимости, то *щетина Эпштейна* налагает запрет на умножение сущностей, подобных бритве Оккама, несмотря на автореферентную чистоту последней. С другой стороны, как показывает лексикон антиязыка, бритве Оккама ни разу так и не удалось предотвратить появление избыточной сущности, поскольку всё, что было дезавуировано или замолчано в языке, автоматически пополнило словарь антиязыка.

Парадоксально то, что сама бритва Оккама не учится на собственных ошибках, в числе которых – *лексикографическое ханжество* её пользователей, пытающихся опровергать то, что стало фактичностью языка, а значит – и философская рефлексия над ней. Бритва Оккама для антиязыка может быть применена лишь в том случае, когда избыток анτισлов угрожает воантиязыковлению – избеганию антиязыка посредством семантических паллиативов (например, в виде соответствующей гипотезы происхождения антиязыка из самого себя, то есть из автореферентности, неопределимой до определения неопределимости, или из небытия, то есть отсутствия прерывности между семантизациями и асемантизациями). Бритва Оккама представляет собой такой перформативный парадокс, который упреждает умножение критериев верификации и фальсификации для лишних сущностей (если на поводу у бритвы Оккама можно придумать сущности сверх необходимости, преумножив её репрессивный потенциал, то тем самым подтвердится её автореферентная уязвимость, склонная к собственной апологии в виде презумпции перформативного парадокса).

Как известно, бритва Оккама была изобретена в

качестве методологического оружия против засилья схоластики, чьё применение обернулось для философии *схоластизацией* удушения смыслицы, а главное – бессмыслицы, под которой стали понимать заурядную инверсию или переносное употребление прямых значений слов. Больше всего недоразумений досталось абсурду, сделавшему уютной ширмой всего неозначенного и невоязыковлённого. Абсурд сродни красной тряпке, занавешивающей непонимание от лингвистически непосвящённых и пристрастных в своей языковой компетентности. Абсурд воплощает собой языковое юродство, носители которого – философы по преимуществу. Абсурд умаляет непонимание, распывая его между индивидуальными языками и как можно *хамелеонней* маскируя предел понимания за счёт сужения горизонта **лингвистического воображения**. Таким образом, абсурд налагает искусственный запрет на онтологическое развитие языка, а главное – на лингвистическое постижение бытия, чей язык по-прежнему нереконструирован на естественном антиязыке (антислова, доступные на естественном языке, выражают сущее языка бытия, но не совпадают со словами самого языка бытия, поскольку последние не могут быть скалькированы в виде симулякров, составляя словарь бытия, или **онтолексикон** (нечто наподобие онтологического мира идей Платона).

Различие между словами языка бытия и антисловами, помогающими именовать то, что невозможно именовать на естественном языке, различает подлинный лингвоцентризм бытия от антрополингвоцентризма, занятого виртуозными объективациями воязыквления, суммой чего выступает «изначальное опоздание», которое агностицирует языковой инстинкт. Воязыквление бытия и его языка будет означать перерыв в противопоставлении присутствия и присутствующего, чьё языковое различие предустановлено самой онтологией различия, а также лингвистической компетенцией бытия при постулировании чистой онтизации до всякого воязыквления. Другими словами, прорыв к означаемым, минуя означающие, и к референтам, минуя означаемые, возможен при условии деконструкции как традиционной онтологии, так и традиционной лингвистики (прежде всего её семиотики), работающих с бытием и с языком как с объектами дескриптивной депривации.

На примере лингвистики языкового существования Гаспарова отчётливо видно, как его лингвистическое бергсонизанство выслуживается в методологию деконструкции языкознания, которое является стихийным и нерасчленённым потоком языковых действий самих лингвистов. Открытие *лингвистики бытия* должно стать сверхзадачей для будущих языковедов, рискующих прочесть код бытия на ещё более невыразимом языке-посреднике. **Лингвистика бытия** призвана упреждать онтологические рецидивы в отношении естественного языка (на примере онтологической нетранспарентности) и лингвистические скандалы в отношении онтологического бытия (на примере лингвистической нетранспарентности). Языковеды бытия могут быть легко перекавалифицированы в *языковеды бытия* (Ко-Эпштейн), избегающие автоматической номинации посредством живой энергии онтизации, при которой пуск каждого нового слова переживается с особой бытийной трепетностью, а непоименованное бы-

тие отчуждает из себя два самостоятельных проблемных поля – непоименованность без бытия и непониманное бытие.

Лингвистика бытия открывает язык бытия не как объект изучения классического языкознания, а как источник онтологического вдохновения, дарующего теистические возможности в конституировании истины. Чтобы расплавить наши старые онтологические и лингвистические предрассудки, необходимо отказаться от двусмысленного понимания истины языка бытия, иначе неминуемо вырождение в виде *лингвистики существования языка бытия* (Ко-Гаспаров), представляющей собой ещё более кипучий недифференцированный поток становления языка бытия, течка которого всегда ниже поверхностной релевантности естественного человеческого языка. Чтобы редуцировать умозрительный язык бытия к языку смысловозначимый в единстве его перцептивных и сигнификативных функций, понадобится не меньше усилий, чем при обратной редукации, однако именно редуцирование способно соблазнить с одной философомы на другую, несмотря на то, что в качестве средства описания используется естественный язык с некоторыми алиментами антиязыка. Редукция бытия к языку может спровоцировать *невежественный лингвосолипсизм*, который не различает типы редуцианизмов и не в состоянии генерализировать сам язык до неязыкового (например, до антиязыка), возводя собственный редуцианизм в автореферентный тупик и увеличивая дурную бесконечность ещё на одну версию.

Путь к генерализации языка может быть проложен только через *деантропоморфизацию* как бытия, так и языка. Игнорирование языка оборачивается забвением языка бытия, на котором может быть поставлен вопрос о смысле самого бытия, – бессмысленность бытия означает отсутствие вопрошания о смысле бессмысленности, о бессмысленности смысла, влекущем за собой нехватку сущего для выражения всей полноты бессмысленности бытия, которое воязыквлено в порочный круг означиваний, или негативных различий. Механизм обесмысливания уже означенного запускается *влечением к бессмысленности*, синхронизированным с *влечением к концу* в сумму небытия, а время – в сумму бремени. Выпадение из поруки означивания забывает вещь для самого бытия, чей язык оказывается нерелевантным для производства бессмысленности.

Забвение вопроса о бытии на языке бытия влечёт к перефразе витгенштейновской максимы («*О чём невозможно говорить, о том следует косноязычить*»), а бессмысленность бытия приобретает репрессивный оттенок, с помощью которого ни одна вещь в бытии не избежит собственного начала – **(п)акта номинации**. Бессмысленность в бытии отвечает за баланс между означенным и неозначенным, сокращая разрыв между многочисленными антиязыковыми артефактами (невоязыковлённое не может быть обесмыслено и воантиязыковлено в виде некоторой метаантиязыковости). Предел непонимания упирается в тщетность бессмысленности в плотной семантической осаде. О бессмысленности, как правило, говорят во вторичном значении, подразумевая тот или иной замкнутый горизонт языковой компетентности языкового пользователя, тогда как в естественном языке бессмыслен-

ности отведена исключительная утопия, а в антиязыке – антиутопия (примеры бессмысленности на антиязыке указывают на автореферентные парадоксы сигнализирующие в том, что одного метаязыка недостаточно для удержания патологического различия между двумя бессмыслицами, невзирая на непосредственное освидетельствование антиязыком большинства собственных парадоксов).

Антиязык ставит под вопрос *лингвистический перфекционизм*, настаивая на постулате о том, что, во-первых, бессмысленность по преимуществу бессмысленна, а во-вторых, её источником всегда выступает автореферентность, отсутствующая в своём отсутствии по праву отсутствия. Бессмысленность как нечто импотенциальное не подчиняется логике восполнительности, поскольку не может быть восполнена автореферентностью гипотезы дополнительности Бора. Если бессмысленность выступает от своего безымянства – значит в её подлинной анонимности нет места не только для само(на)званства, но и для навязчивой тавтологичности. Выход за границы бессмысленности к **сверхбессмысленному** – инвариантно-бессмысленному – определяется *лингвоцидом*, благодаря которому бессмысленность может обрести собственную автореферентность, даровав тому или иному языку его исток – языковость.

Бессмысленность упреждает не столько отсутствие смысла, сколько отсутствие смысла самого отсутствия, в то время как небытие ответственно за означивание смысла отсутствия в бремени нерасчлѐнных различий. Иными словами, под бессмысленностью следует понимать инстанцию учреждения смысла до его воантиязыковления, при котором означивание отсрочивается в комбинаторность антиязыка. Если бессмысленность мыслится как нагромождение неконтекстуальных словоупотреблений, то мы вправе проигнорировать неконтекстуальность употребления всех суррогатов бессмыслицы, среди которых можно выделить абсурд – герменевтический камень преткновения для большинства философов различий. Центрация на абсурде говорит о формально усвоенной лингвистической компетенции в пределах узусного языкового творчества, что является первым симптомом **фундаментального забвения вопроса о бессмысленности**.

Онтология различий стремится означить как можно больше отличий одной вещи от другой, представляя собой *апофатическую ноуменологию* (в отличие от апофатической феноменологии Гуссерля). Желание перманентного различия становится вечным двигателем перверсивного воображения, синтезирующего желание различий вместо различия желаний, при отождествлении которых друг с другом в виде интенциональных симулякров сознания искажается его виртуальность, а также их последующая актуализация, но ещё больше *забывается* сам вопрос о бессмысленности. Бессмысленность показывает себя во всѐм, что может быть деноминировано в антиязыке, то есть лишено антисловной материи и вероятной утилизации в естественном языке. Бессмысленность не может быть вторично обесмыслена, чтобы избежать отождествления с языком бытия, на котором бессмысленность рискует стать ничем, послужив разграничительной чертой между бытием и небытием.

Неязыковое понимание бытия не снимает вопрос о

забвении бессмысленности, поскольку сам вопрос является подтверждением примата бессмысленности над бытием в его избыточных усилиях по самоописанию – отчуждению из себя автореферентной инстанции, благодаря которой бы удалось избежать онтологического круга в определении достаточного основания. Таким образом, бессмысленность выступает как *гносеологическая сингулярность*, реконструкция которой не предполагает стороннего наблюдателя с его особыми формами чувственности – небытием и бременем.

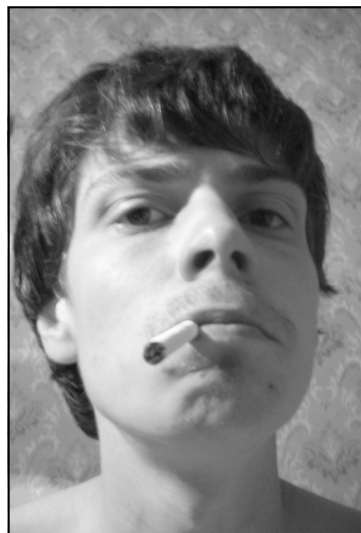
Бессмысленность – не эквивалент дискурсивной веры в абсурдность дескрипции основания, а методологический агностицизм, не рассчитывающий на *сверхбессмысленность*. Бессмыслица просачивается в язык, минуя антиязык и будучи неосознанной в качестве семантического диссонанса. Вопросание о смысле экзистирующей жизни опосредовано смертностью хайдеггеровской философии *бытия-к-смерти*. Мы лишены подлинного ощущения собственной смертности не потому, что нам недоступен опыт смерти, а потому, что у нас нет никакой уверенности в неотвратимости смерти, лелеемой соблазнами загробного существования. *Влечение-к-смерти* неотделимо от трансцендентности самой смерти, которая должна быть возведена в Абсолют в мистерии перманентной смертобожнической инициации. Пока смерть не доказана, мы вынуждены пребывать в несобственной экзистенции, инстинктивно влекомой к умиранию, но не к смерти. Когда жизнь сменяется смертью, а смерть – жизнью, тавтологично говорить об экзистенциальной смертности человека на языке перформативной парадоксальности. Виртуальные манипуляции со смертью могут привести лишь к подтверждению гипотезы множественных миров, условием нахождения в каждом из которых является та или иная разновидность смерти. Умирая в одной вселенной, вы рождаетесь в другой, предсуществуя как жизни, так и смерти.

Смертобожничество и обесмысливание сродни пропагандистским методам, с помощью которых сподручней навсегда исключить смерть из приоритетов человеческой жизни, приносив к нейтральному восприятию её *мортабельности*. Бессмысленность снимает излишнюю проблематизацию смерти, заменяя её рефлексом эвтаназии и помогая переосмыслить сущность философии как искусства медленного умирания. Таким образом, антологическая смерть философии, неоднократно датированная в XX столетии, приобретает *пракселогическое восполнение*, низводя философию до эвтаназийных мистерий. Чтобы смерть философии состоялась как *мизософское событие par excellence*, необходимо избавиться от онанистической поруки отказа от философии посредством её автореферентности.

Автореферентность философии может претендовать на статус основного вопроса философии только в том случае, если на этот вопрос удастся найти риторический ответ, требующий последнего вопрошания об основном вопросе философии и замыкающий автореферентность на себя, то есть на бессмысленность. Умножение бессмыслицы налагает мораторий на умножение бритв Оккама, рецидивы которого постоянно преследуют философию.

ГЛЕБ

КОЛОМНЕЦ

«Этический поворот» - куда?

12 февраля на сайте проекта «Censura» был опубликован манифест исследовательской группы «Этический поворот» (<http://censura.ru/news/ethicalmanifest.htm>). Текст манифеста мне показался несколько расплывчатым и ускользающим от однозначной трактовки, в связи с чем, я обратился к участникам проекта с просьбой об уточняющем интервью. Так как беседа происходила в формате Интернет-переписки, ответы на мои вопросы составлялись коллективно, т.е. мне пришлось разговаривать с целым «ансамблем дискурсов», а именно - с Дарьей Акимовой, Ксенией Королёвой, Пётром Сафроновым, Алексеем Скворцовым и Алёной Харитоновой.

Вот такая беседа у нас состоялась:

- Прежде всего, расскажите, пожалуйста, об участниках группы "Этический поворот". Кто они? Чем занимаются? Существует ли в рамках проекта распределение обязанностей между его участниками?

- Группа «Этический поворот» состоит из студентов и преподавателей философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Дарья Акимова, Ксения Королева и Алёна Харитоновна являются студентками четвёртого курса, специализируются на кафедрах этики (Акимова, Королёва) и философской антропологии (Харитоновна). Алексей Скворцов является старшим преподавателем кафедры этики. Пётр Сафронов — научный сотрудник кафедры социальной философии.

Некоторое распределение обязанностей действительно существует: оно возникает спонтанно в рамках каждого проекта и связано с индивидуальными особенностями и интересами участников группы. Однако такое распределение не является строго фиксированным, поскольку мы представляем собой именно группу единомышленников, а не

формальную организацию с предписанными каждому члену функциями.

- В своём манифесте Вы пишете "Мы не знаем, что такое прикладная этика. Мы хотим в этом разобраться". Какие именно области социальной (и, возможно, индивидуальной?) жизни Вы планируете подвергнуть философскому осмыслению?

- Прикладная этика – это не область теоретических исследований. Сама по себе она является набором практик, вращающихся вокруг новых, часто весьма спорных и драматических социальных контекстов. Её можно назвать своеобразной методологией принятия моральных решений.

Что касается нашей группы, то мы хотим изучать прежде всего непосредственно доступные нам области социальной жизни, а именно сферу образования и научных исследований (т.н. академическую среду). Индивидуальная жизнь в рамках деятельности нашей группы не является приоритетным объектом анализа, поскольку нас интересует этическая компонента отношений между людьми, складывающихся внутри определённых «форм жизни».

- На мой взгляд, в современной жизни этика как совокупность норм сохраняется лишь в рамках корпоративной и медицинской этики. Как Вы считаете, будут ли развиваться впоследствии эти этические системы? Возможно ли появление новых видов этики и, если возможно, то в каких областях жизни?

- Совокупность норм никуда не делась, они работают в обычной жизни. Просто жизнь усложняется, и появляются ситуации, в которых существующих норм недостаточно, точнее, есть нормы с прямо противоположным содержанием. В этих ситуациях обществу и может помочь прикладная этика. Корпоративная и медицинская этики, о которых Вы

говорите, являются разновидностями прикладной этики, которые получили наибольшее развитие в нашей стране. Несомненно, что этические системы, обслуживающие потребности этих областей, будут развиваться. Новые возможности медицины (трансплантация органов, поддержание жизни тела без признаков функционирования сознания, пластическая хирургия и многое другое), достижения в области создания искусственного интеллекта и различных роботов, изменение статуса, которым наделяются животные (защита их прав наравне с человеческими) – всё эти явления влекут за собой пересмотр представлений о роли личности в общественной жизни. Поэтому осмысление подобной ситуации в этических терминах неизбежно.

Что касается появления новых видов этики. На наш взгляд, этическая компонента присутствует во всех сферах, где имеют место отношения между людьми. Скорее, можно говорить о том, что появляется потребность применения уже выработанного концептуального аппарата этического областей (что, однако, не значит, что раньше в этих областях этическое содержание как таковое отсутствовало), а также необходимость расширения и углубления этого аппарата.

- Какова теоретическая и методологическая база Вашей исследовательской группы?

- Деятельность нашей группы осуществляется не на основе какой-либо конкретной предзаданной теоретической или методологической базы — нашей задачей является выработка собственных теоретических постулатов в процессе осуществляемой нами работы. Кроме того, мы готовы взять на вооружение элементы любых теоретических и методологических изысканий, которые помогут нам добиться значимых практических результатов.

- В ЖЖ-сообществе ethic_lab фигурирует обсуждение этического кодекса студентов философского факультета МГУ. Мне доводилось читать в Интернете довольно резкие отзывы о нём. Многие сочли этот проект репрессивным и, в частности, "открыто поощряющим доносы". Я думаю, это связано с положением "не поощрять различные виды тайного осведомительства, не принимать решений, основываясь на анонимных и непроверенных данных". Как бы Вы ответили на подобную критику? Какие перспективы у "этического кодекса" и будет ли он принят на официальном уровне?

- Прежде всего, позвольте внести некоторое уточнение в формулировку Вашего вопроса – речь идёт не о «этическом кодексе студентов философского факультета», но о Кодексе, обращенном ко всем членам сообщества факультета (студентам, аспирантам, соискателям, преподавателям, научным сотрудникам и административно-техническому персоналу). На подобную критику эффективно отвечать лишь путём внесения непосредственных изменений в текст имеющегося проекта Кодекса. На наш взгляд, важно приложить максимум усилий к тому, чтобы итоговый текст был продуктом совме-

стной работы всех членов академического сообщества. Также необходимо понять, каким образом будет осуществляться работа этической комиссии, которая будет использовать Кодекс, и постараться выработать такую процедуру разбора конфликтных ситуаций, которая позволила бы отсекайть безосновательные жалобы и пресекать злоупотребления в использовании Кодекса. Утверждать, что принятие кодекса повлечёт за собой доносительство, более чем странно. Что же получается: сейчас доносов нет, и вдруг они появятся? Этическое регулирование – это как раз тот барьер, который позволит защитить человека от доносов, искоренить тайное осведомительство и ввести цивилизованную процедуру публичного информирования о конфликтных ситуациях.

На данный момент существует лишь проект этического кодекса факультета. Будет ли он принят и каким образом – ещё не известно. Исходя из заявлений администрации факультета, можно сделать вывод, что Кодекс принят будет, вопрос лишь в том, когда и в какой редакции.

- Будет ли кодекс принят в случае, если, даже после редакций и обсуждений, на факультете останутся «несогласные»?

- Наша исследовательская группа убеждена, что если большинство сотрудников и студентов выскажется против, то кодекс принят не будет. Однако проблема заключается в том, что некоторые противники кодекса затрудняются сформулировать рациональные аргументы в защиту своей позиции. Таким образом, фактически их «несогласие» содействует консервации имеющихся проблем сообщества.

- Можете ли Вы предположить последствия принятия «Этического кодекса»? Какие изменения произойдут в академической жизни после его принятия?

- Характер последствий зависит от того, какой текст Кодекса будет принят. В случае, если это будет текст, разработанный прежде всего студентами и преподавателями, то принятие кодекса будет содействовать сплочению сообщества на основе единых стандартов профессиональной деятельности. Это, в свою очередь, должно способствовать укреплению ценностей ответственности и критической рациональности в академической жизни, а также помочь разрешению накопившихся внутренних проблем.

- Когда я читал вариант «Этического кодекса», опубликованный на сайте проекта Sepsiga, обратил внимание на обилие пунктов, касающихся индивидуальной и сексуальной жизни студентов и преподавателей. Может ли контроль над частной жизнью человека считаться этическим?

- О контроле в тексте кодекса нет ни слова. Комиссия по этике уполномочена разбирать только публичные конфликты, а не чью-то частную жизнь. Одной из приоритетных целей комиссии как раз является защита частной жизни всех членов сооб-

щества факультета от постороннего вмешательства. Кроме того, текст кодекса продолжает редактироваться, и ряд привлечших Ваше внимание пунктов в новых редакциях из него исключён.

- Какой спектр санкций Вы предполагаете применять к нарушителям Кодекса?

- Этическое регулирование предполагает три уровня санкций: чувство ответственности самого члена сообщества факультета; осуждение общественным мнением факультета; санкции, применяемые администрацией факультета в соответствии с действующим российским законодательством, если факт нарушения будет доказан после рассмотрения дела этической комиссией. Необходимо подчеркнуть, что важнейшей «санкцией» является именно внутреннее осуждение, предполагающее наличие развитого навыка этической саморефлексии у всех членов академического сообщества. Становлению данного навыка призвано содействовать максимально широкое публичное обсуждение в сообществе проблем академической этики.

- Каким образом будет осуществляться контроль за действиями членов сообщества факультета за пределами университета?

- В этическом кодексе нигде не говорится, что задача комиссии по этике — осуществлять контроль где бы то ни было. Вопросы контроля к этическому регулированию не относятся. Этический кодекс носит рекомендательный характер, и его нормы должны выполняться в добровольном порядке, по причине уважения к профессиональному сообществу и себе самому как члену данного сообщества. Действия, противоречащие Кодексу, попадают под этическое регулирование лишь в том случае, если имеют негативные практические следствия, обнаруживаемые в публичной сфере в рамках профессиональной деятельности.

- Расскажите подробнее о составе, функциях и полномочиях этической комиссии? Будет ли осуществляться контроль работы этической комиссии?

Основная функция существующей этической комиссии — разбирать конфликтные ситуации в сообществе философского факультета. Предполагается, что она будет рассматривать заявления сотрудников, считающих свои права нарушенными. Информация о составе этической комиссии должна быть размещена на сайте философского факультета МГУ <http://philos.msu.ru>. Контроль над деятельностью комиссии осуществляет высший руководящий орган факультета — Учёный Совет. Следует подчеркнуть, что, по нашему мнению, этот контроль не должен превращаться в попытку административного давления на деятельность комиссии.

- В Интернете я часто наталкивался на мнения, что принятие Этического Кодекса — реакция на деятельность арт-группы «Война». Так ли это? Как можно оценить акции «Войны» с этической точки зрения?

- Позвольте ещё раз напомнить, что в настоящий

момент времени идет работа над проектом кодекса, инициированная группой «Этической поворот». Наша группа считает непродуктивным представлять свою деятельность как реакцию на какое бы то ни было отдельное событие. Давать этическую оценку акциям группы «Война» мы считаем некорректным.

- Будет ли деятельность "Этического поворота" каким-либо образом пересекаться с публичной жизнью? Следует ли ожидать каких-либо мероприятий, семинаров, конференций?

- Деятельность исследовательской группы «Этический поворот» осуществляется именно в публичном пространстве. ЖЖ-сообщество http://community.livejournal.com/ethic_lab/ посвящено одному из проектов нашей группы, который носит название «Этическая лаборатория». Работа этого проекта осуществляется в формате открытого дискуссионного клуба, принять участие в деятельности которого может любой желающий, настроенный на активную и продуктивную интеллектуальную работу. Собрания в рамках «Этической лаборатории» проводятся регулярно, два раза в семестр, начиная с осени 2007 г. Последнее по времени заседание состоялось 20.02.2009 г. Оно было посвящено обсуждению основного текста кодекса. Наша группа была ответственной за организацию выездной школы философского факультета «Прикладная этика в сфере профессиональной деятельности выпускника философского факультета» (5-7 декабря 2008 г.). Целью школы было познакомить студентов с проблематикой прикладной этики, её направлениями, а также показать, какие возможности существуют в плане трудоустройства в этой области.

На данный момент в наших планах — организация в декабре 2009 г. международной научно-практической конференции «Этическое регулирование в академической среде», где мы хотим собрать ведущих специалистов, работающих в данной сфере, обменяться опытом и обсудить с ними направления дальнейшей работы. Группа также ведёт работу по подготовке хрестоматии отечественных и переводных текстов по академической (университетской) этике.

- Расскажите, пожалуйста, подробнее о грядущей хрестоматии. Какие тексты Вы планируете включить в её состав?

Работа над составлением хрестоматии в настоящий момент находится в начальной фазе. Мы надеемся с её помощью ввести в научный оборот в современной России как актуальные зарубежные исследования по прикладной этике (Н. Гамильтон, Л. Кольберг, Б. Макфарлан и др.), так и классические тексты, связанные с осмыслением проблем этики науки и идеи университета (И. Г. Фихте, П. Д. Юркевич, С. И. Гессен и др.).

- Благодарю за то, что нашли время ответить на мои вопросы, желаю дальнейших успехов в деле «укрепления ценностей ответственности» и «искоренения тайного осведомительства»!

Олег

Лукoшин

Право на слабость

Иллюстрации Эдуарда Кулемина

В тридцать лет Кирилл впервые завёл подругу.

Звали её Ольгой, была она на год младше его и работала училкой начальных классов. Некрасивая, с глуповатой физиономией, глубоко посаженными тусклыми глазами, кривыми ногами и отвисшей жопой - должно быть, она понимала, что он для неё последний шанс выйти замуж. Кирилл, в свою очередь, как нельзя ясно осознавал, что ничего лучше этой бабы в жизни ему не светит.

Они познакомились в какой-то случайной плебейской компании, где все безудержно смеялись, безбожно матерились и отчаянно изображали радость жизни. Плебеи, они такие: у них нет ни гроша за душой, нет никаких перспектив в жизни, нет, если посмотреть на их существование объективно, даже шанса на улыбку, но они смеются, они веселятся, они находят повод за поводом, чтобы забыться в пьяных куражах. Им завещали такую жизнь, другая им не ведома. Кирилл знал об этом как никто лучше, он сам был кость от кости плебеям.

Пьяная, едва понимавшая, где находится, она позволила ему проводить её до дома. Неожиданно осмелев, он выпросил у неё номер телефона, а потом рискнул потрогать её за задницу. Она не сопротивлялась. Они целовались в подъезде, он запускал руки ей в трусы, Ольга повизгивала, а он чувствовал себя необычайно счастливым. Через пару дней Кирилл позвонил ей и предложил сходить в кино. К его удивлению, она согласилась. С этого дня они стали встречаться.

Они возненавидели друг друга с первого же свидания. Выросшая среди жлобья и гопоты, весь мир Ольга делила на правильных пацанов и неправильных лохов и, будучи последней среди самых последних людей, постоянно искала кого-нибудь, кто мог бы по её представлениям стоять в социальной лестнице ниже. Кирилл оказался прекрасной кандидатурой на эту роль. Её идеал - короткостриженный мужлан на подержанной иномарке - был бесконечно далёк, невообразимо далёк. Кирилл являлся радикальной противоположностью этого образа, а потому мог заслу-

живать лишь презрения. Тем не менее, она его не бросала.

- Нюня ты какой-то, - говорила она, глядя в сторону и морща свой и без того кривой ротик. - Слабак. Сразу видно, ни на что не способен.

- У каждого человека, - пытался он её просветить, - должно быть право на слабость. Человек не может быть постоянно сильным. Он сломается. Любой сломается, даже железный. У человека должна оставаться возможность отступить назад, возможность поплакать - иначе эта мнимая сила уничтожит его.

- Ничего другого я от тебя и не ожидала, - махала она на него ладошкой. - Понятно, почему у тебя такая философия. Сильный - он всегда сильный. А слабак - всегда слабак.

«Сука! - скрипел он зубами, пронзая её ненавистным взглядом. - Тварь! Ты же учительница, ты вроде бы интеллигентка. В тебе должны таиться крупницы гуманизма. Откуда в тебе такая мерзкая тупость?! А не врезать ли тебе в челюсть?»

«Стоп! - осаждал он себя тут же. - Спокойствие, спокойствие! Не отдавай себя во власть мнимой силы. С силой некуда отступить, она сожрёт тебя. Со слабостью всегда можно найти спасение. Не лишай себя права на слабость».

Кирилл ненавидел Ольгу всеми фибрами души, но тоже не торопился с ней расставаться.

- О, Пашка! - шурясь, вглядывалась она в какого-то чувака, который, поигрывая ключами, стоял у серебристого автомобиля. - Пацанчик знакомый. Нифига себе, «Форд Мондео» купил! Приподнялся чувак! Пашка! - махала она парню рукой. - Пашка, привет!

Парень недоумённо озирался на неё.

- Блин, это не Пашка! - пряталась она за спину Кирилла.

- Ничего, бывает, - пытался он посочувствовать её ошибке.

Ольга лишь кривилась на его слова.

- Вот тебе какая машина нравится? - спрашивала она чуть позже.

- Терпеть не могу машины, - отвечал он.

- А, понятно, ты же лох.

Она тяготилась им и всеми телодвижениями, всей своей мимикой ежесекундно демонстрировала это. По её представлениям, Кирилл совершенно неправильно ухаживал за ней. Девушки, подобные ей, выросшие в нищете, в мужских ухаживаниях ценят не душевную близость, не человеческое внимание, а исключительно подарки.

- Ты бы с тортиками ко мне приходил, - не стеснясь, учила она его правильному поведению, - с шоколадками. Девушки любят сладости. Вот тогда бы я была к тебе внимательнее.

Он никогда и ничего не покупал ей. Даже трехрублевого мороженого. Обойдётся, гнида, думал он.

«Пожалуй, я совершил ошибку, - бурлили в нём мысли, - что стал встречаться с этой тупорылой сукой. Она ужасна. Она омерзительна. Я не вижу в ней ничего, что бы мне нравилось. Я должен бросить её!»

«Подожди, подожди! – тут же появлялись другие мысли. – Бросить легко. Отказаться всегда проще, чем сохранить. Ты думаешь, это будет поступком? Сильным, мужественным поступком? Ничуть. Ты просто лишишь себя последнего права, которое у тебя осталось. Оно самое ценное, что у тебя есть: право на слабость».

На четвёртом свидании она наконец-то дала. Кирилл не думал, что это было с её стороны каким-то актом сближения, началом пути к пониманию. Просто у бабы вконец засвербило. Пойти им было некуда, они трахались на скамейке в парке. После нескольких напряжённых минут выбора позы, он уговорил её встать раком. Для неё это оказалось некоторым уни-

жением, по крайней мере, с ним. Видимо она считала, что в такой позе можно давать только короткостриженным мужланам, а не лохам. По-настоящему встать на четвереньки на скамейке не получилось, она просто нагнулась. Кирилл засунул, пару минут подёргался, а потом у него опал.

- У-у-у, - издала она возглас разочарования, - да ты ещё и импотент!

- Я не импотент, - вырвалось у него. - Просто я переволновался.

- Лох, мудака и импотент, - сделала она своё заключение.

«Стерва! - сжав зубы, испепелял он её ненавистным взглядом. – Всё, - подкатила к горлу решимость, - пора расставаться».

«Остановись! – закрутилось в голове. – Не принимай эти слова всерьёз. Она не хочет, чтобы ты ушёл, у неё никогда не будет никого другого. Она несчастная и потерянная. Она страдает. И не забывай про право на слабость! Кто ещё даст возможность прожить её?»

Они не расстались и после этого случая.

С каждым днём Кирилл открывал новые подробности омерзительной натуры своей подруги. Он стал понимать, что никто не умеет так безобразно одеваться, как Ольга. Идиотские свитера и блузки, от расцветки которых к горлу подступали рвотные инстинкты, самые дрянные рыночные джинсы, с которыми, как она полагала, её безобразная жопа делалась аппетитной и привлекательной, уродливые квадратные туфли, в которых, должно быть, выступают бродячие клоуны-лиллипуты – она носила исключительно подобные вещи. При этом она постоянно упрекала его в неумении одеваться. Да, он не гнался за модой, да, он не любил тратить деньги на то, что не имеет никакой практической пользы, но разве это повод, чтобы крутить пальцем у виска и называть его босяком? На джинсы денег у него хватало, только жаба давила расставаться с ними в обмен на чувство неловкости за свой внешний вид. Простые тёмные брюки, простая светлая рубашка - хоть им и по пять лет, но что с того, разве это какая-то другая, презираемая одежда? Да ничуть.

- Ты когда себе джинсы купишь, лопушок? – спрашивала его Ольга.

- Терпеть не могу джинсы.

- Лох, одно тебе слово. Лох!

«Как мне любить тебя? – думал Кирилл. – Как уважать? Ты гнусная, ничтожная тварь, которую хочется растоптать! Которую хочется разорвать на куски! Растереть в пепел! Мерзкая уродливая образина. Чтоб ты сдохла, сука!»

Он не представлял, куда можно водить её. Они ходили в кино, в засранные городские кафешки, но массовые скопления народа вызывали у него чувство клаустрофобии. Кирилл терпеть не мог копошащихся и кричащих людей, которые в толпе пытаются заглушить своё одиночество. Он был уверен, что с одиночеством нужно оставаться наедине и внимательно смотреть ему в глаза. Это по-честному.

Ольга, которая в подобных заведениях чувствовала себя ещё хуже, на словах постоянно стремилась к ним. Быть среди людей, среди пёстрой, визжащей толпы и чтобы наглые, весёлые парни трогали за

ЕШЬ ЗЕМЛЮ!

EAT THE EARTH!

HE-HEAT-EAR-HEAR-HEART-HEARTH-AT-ART

сиськи, чтобы лезли под юбку и нашептывали в ухо скабрёзости – это голубая мечта всех девочек.

Для разнообразия он водил её в церковь.

- Я долго шёл к Богу, - говорил Кирилл во время службы. Степенный поп с кадиллом обходил помещение. Красивый в своём страдании Христос скорбно взирал с креста. – Я думал, что религия – это порабощение, отказ от свободы. Я жутко ошибался. Христианство – это благостный источник успокоения. Это вечная радость постижения истины. По сути, христианство – это и есть право на слабость. Представь жестокое древнее общество, в котором запрещены проявления добра и милосердия. Если ты не способен убить, то будешь убитым. Если способен сочувствовать, то будешь презираем. И вдруг приходит Иисус. «Будьте слабыми, - говорит он. - Вам разрешается, вам позволено. На вас нет никакой вины, вы слабы от природы. Право на слабость – не порок, а добродетель».

- Господи! – крестилась стоявшая рядом Ольга. – Только бы не пёрнуть.

После службы он отправился на исповедь. Седовласый священник мудрыми глазами взирал на него и смиренно ожидал его рассказа. Кирилл пребывал в смятении.

- Я встречаюсь с девушкой, - поведал он. – Я понимаю, что мне нужно встречаться с девушкой. Но я не люблю её. Я презираю её. Я ненавижу её. Я терпеть её не могу. Мне не хватает сил бросить её. Что мне делать, отче, как быть?

- Не уничтожай в себе искры добра и понимания, - ответил пастырь. – Не буди в глубинах души демонов. Право на слабость – вот ключ к разгадке твоих сомнений. Оставайся с ним!

Воистину так, шептал он, воистину! Грозы отгремят, бури улягутся, скорбь пройдёт, а душа должна оставаться чистой. Право на слабость – оно источник чистоты.

- Оля! – Кирилл стоял с букетом цветов у порога её квартиры. На нём был чёрный костюм, белая рубашка и яркий галстук. – Мы встречаемся уже целый год. Ты чудная, необыкновенная девушка. Я ценю тебя, уважаю и искренне люблю. Не согласишься ли ты стать моей женой?

От его слов Ольга вздрогнула. Её лицо, печальное, нервное, с отчетливыми следами забот и тревог, вдруг просветлело.

- Замуж? – переспросила она и от внезапного смущения начала перебирать руками подол халата. – Это так неожиданно...

- Одно слово! – настаивал он. – «Да» или «нет»? Всего одно!

Она проглотила подступивший к горлу ком и тихо, но отчетливо произнесла:

- Да.

Их губы сблизились...

- А-а, явился!..

Пошатываясь, Кирилл перешагнул через порог. Ноги держали плохо, очертания предметов и людей расплывались. Он сумел разглядеть Ольгу, а за ней – а было их едва видно – дочку у тещи на руках.

- Опять пьянющий! – всплеснула руками Ольга. – Ты нахуя пришёл-то вообще, обормот ёбаный?

Кирилл стал стаскивать ботинки. Непослушные, вредные, они никак не желали слезать с его ног. Он начинал злиться на них.

- Деньги получил? – подступала жена плотнее. – Где они? Где деньги, долбоёб?

От её тычка он оступился и рухнул на пол. Поднять его сил не было.

- Вот оно, хуепутало, - слышал Кирилл голос Ольгиной матери. – Нашла себе муженька, корова тупорылая.

- Мама, заткнись! – завизжала Ольга.

- Пьянь, челёда, гандон! – вопила она, пиная его в бок. – Где деньги, тварь! Мне чем ребёнка кормить, а?! Чем?!

Тёща опустила дочку на пол.

- Иди, Светочка, - подтолкнула она её в спину, - врежь папке. Скажи: отдавай наши деньги, ублюдок.

Дочка подбежала к нему и принялась молотить кулачками по спине.

- Деньги! – лепетала она. – Ублюдок! Давай!

- Доченька, - улыбался он и тянул к ней руки. – Доченька моя.

Жена с тещей обшарили его карманы. Денег не было. Подняться на ноги Кириллу так и не удалось. Да ему и не дали. Едва он пытался встать, град ударов обрушивался на него со всех сторон. Ну и ладно, решил он, так посплю.

Ночь была долгой, вкрадчивой и бестревожной. Обоссавшись, Кирилл безмятежно спал в луже собственной мочи. В душе кувырчалось умиротворение и тихое счастье.

- Я сохранил его! – радостно бормотал он во сне. – Я сохранил свое право на слабость!

Оплот апартеида

Брату

Все пацаны нашего дома рано или поздно начинали бить своих отцов. Получив изрядную долю пьяных кулаков и ремней в детские годы, на пороге отрочества они начинали чувствовать в себе силы на ответные действия. Робко поначалу, боязливо, они осваивали нехитрые премудрости мордобоя. Первый опыт никогда не оказывался последним: протрезвевший папашка вспоминал о нанесённой ему обиде и кулаками восстанавливал пошатнувшийся авторитет. Чтобы в следующую пьянку получить от сына ответные удары, более отчаянные, чем предыдущие. Трезвых отцов били редко: они могли ответить как следует, а кроме всего прочего в душе начинали шевелиться коварные идеалы гуманизма – всё ж таки он твой отец, всё ж таки надо уважать его. Уважение длилось лишь до первой опохмелки – покрытый отборным отцовским матом сын не выдерживал и лупил родителя по морде. Матери визжали и пытались оттащить детей. Но не особо усердствовали – они понимали, что отцы заслуживали этого.

Единственным, кто не бил отца, был я. По той простой причине, что отца у меня не было. Мы жили вдвоём с матерью. Счастливым ребёнком я себя не считал, потому что мать моя воплощала в себе и отсутствующую мужскую половину – лупила меня дай бог, и матери я конечно же не отвечал. Но лет в четырнадцать перестала – потому что не могла больше со мной справиться. Пацаны завидовали мне:

Тебе, Колян, лафа. Тишина, покой. С отцом возиться не надо.

Да где лафа? - возражал я. - Мне и мать нервов портит достаточно.

Ну, мать - это не то. Она пожалеет хоть. А вот отец...

Я молча им сочувствовал, но в глубине души завидовал безмерно – мне тоже хотелось избить своего отца до полусмерти. Увы, этой радости я был лишён.

Был ещё один парень, который разделял мои проблемы, – мой лучший друг Валерка. Он понимал меня, потому что тоже почти не бил своего отца. Ситуация была иная – отец у него имелся, но бить его он не мог по причине огромного телосложения своего батяни. Отец его, Серёга Мухин, был мужиком двухметрового роста и весил не меньше центнера, а то и больше. Ширина его плеч составляла, как минимум, полтора метра, кулачищи походили на гири, а коротко стриженная голова с щёлочками глаз внушала искренний трепет. Серёгу Мухина боялись все. Стул, пятидесятилетний алкаш - острослов из третьего подъезда, придумал ему ёмкое и очень точно отражающее его сущность погоняло - Оплот Апартеида.

Мухину-отцу кличка не нравилась, он просто зве-

рел, слыша её, а вот сын называл его только так и не иначе. Оплот Апартеида. Или просто – Оплот.

Пил Оплот меньше, чем остальные и по меркам нашего двора считался вполне приличным мужиком. У него был автомобиль, огород с домом, довольно сносная зарплата, да и сам он держался солиднее, чем наша дворовая голь. Но Валерке от этого легче не было: Оплот был мужиком без тормозов и бил его по малейшему поводу. Мать даже не пыталась заступаться за сына.

Валерка не терял надежды избить своего отца. Разные планы приходили ему в голову, и однажды, когда нам было лет по семнадцать и какая - никакая сила ощущалась уже в кулаках, он предложил грохнуть отца всем двором.

Предложение было интересное, и поначалу пацаны восприняли его с энтузиазмом. Но, пораскинув мозгами, стали вдруг отказываться. Валерка горячился, размахивал руками, доказывал что-то, но ряды его сторонников неумолимо редели. В конце концов лишь двое, Паша и Димон, согласились принять участие в акции.

Моя кандидатура поначалу не обсуждалась – по причине моей неопытности. Но на безрыбье и рак щука, и, ввиду малочисленности своего отряда, Валерка обратил взгляд и в мою сторону.

Ну чё, Коль, - кивнул он мне, - примешь участие?

Я не раздумывал ни секунды.

Конечно.

Ну и отлично, - сказал Валерка. - Вчетвером – это нормально. Вчетвером мы его сделаем. Надо только момент выбрать.

Момент вскоре настал.

Готов? - зашёл ко мне как-то вечером Валерка.

Сегодня хочешь?

Да, сегодня – лучше всего. Оплот пьяненький, у подъезда сидит – за гаражи отведём да грохнем.

Собрав всю бригаду, он осмотрел нас критически. Что-то ему не нравилось.

Нет, - поморщился он, - на кулачках мы его не возьмём. Надо дубины искать.

До стройки пройдемся? - предложил Димон. - Там монтровок полно.

Нет, - опять поморщился Валерка. - Железом не будем. Надо дерево. Жалко его всё же убивать...

Мы пошли в перелесок и наломали там четыре дрына. Расположившись за гаражами, стали наблюдать за домом. Оплот сидел у подъезда, грыз семечки, добродушно переругивался с проходившими мимо соседями и пребывал в самом жизнерадостном расположении, что с ним случалось крайне редко.

Это хорошо, что он такой весёлый, - сказал Валерка, - не ожидает удара. Расслабился, разомлел – таким его легче взять. Вот только как его за гаражи выманить?

Несколько критических минут мы обсуждали эту проблему. Варианты приходили разные, но все

сошлись на том, что кто-то должен вызвать его на разговор. Осуществить это оказалось трудно – подходить к Оплоту никто не хотел. Время шло, а мы ни на что не решались.

Ладно, - сказал я наконец, - я сделаю это.

Сделаешь? - посмотрели все на меня недоверчиво. - Сможешь?

Просто позову его за гаражи, и всё.

А если не пойдёт?

Неужели он струсит?

Он не струсит, просто ты для него не раздражитель.

Я задумался.

Ну тогда обзову его как-нибудь.

- Точно, - закивал Валерка, - так лучше. Такие вещи он не прощает, обязательно среагирует. Двигай.

На дрожащих, негнущихся ногах я зашагал от гаража к скамейке. Вечер клонился к закату, усталые люди шли по тротуарам, откуда-то доносилась музыка.

Эй, Оплот! - подошёл я к подъезду. - Пойдём-ка за гараж, базар есть.

Оплот опешил. На какое-то мгновение даже растерялся – лицо его выразило крайнюю степень изумления, но тут же сжалось в неподвижную каменную массу.

Чё? - спросил он.

Я облизал пересохшие губы.

Ребята ждут, поговорить надо.

Какие ребята?

Меня буквально трясло. Я, однако, бодрился.

Очкуешь что ли? – выдавил я из себя и тут же

испугался сказанного. Глаза Мухина - старшего мгновенно налились кровью.

Он опустил голову, усмехнулся. Я стоял и дрожал. Несколько мгновений ничего не происходило. Вдруг он вскочил и, вытянув руку, метнулся ко мне, пытаясь ухватить меня своей лапицей за горло. Я увернулся и побежал к гаражам. Оплот не отставал. За гаражом парни встретили его дрынами.

Почти сразу нам удалось сбить его с ног – это был большой успех. Драться с ним стоячим нам бы не удалось, даже с дубинами. Парни отчаянно прикладывали дрыны к его голове, и Оплот, шокированный таким развитием событий, выглядел воистину жалко: он закрывался руками и глаза его выражали дикое недоумение.

На тебе, сука! - орал Валерка. - Получи благодарность!

В суете я не смог найти свой дрын, который положил у стенки гаража, и потому действовал одними ногами. Мне досталась нижняя половина двухметрового Апартеидовского тела, и я с остервенением воодушевлением пинал его по бокам.

Оплот сдавал. Он хрипел, брызгал слюной, а взгляд его терял цепкость и осмысленность. Наконец он прекратил сопротивление, опустил руки и откинулся на землю.

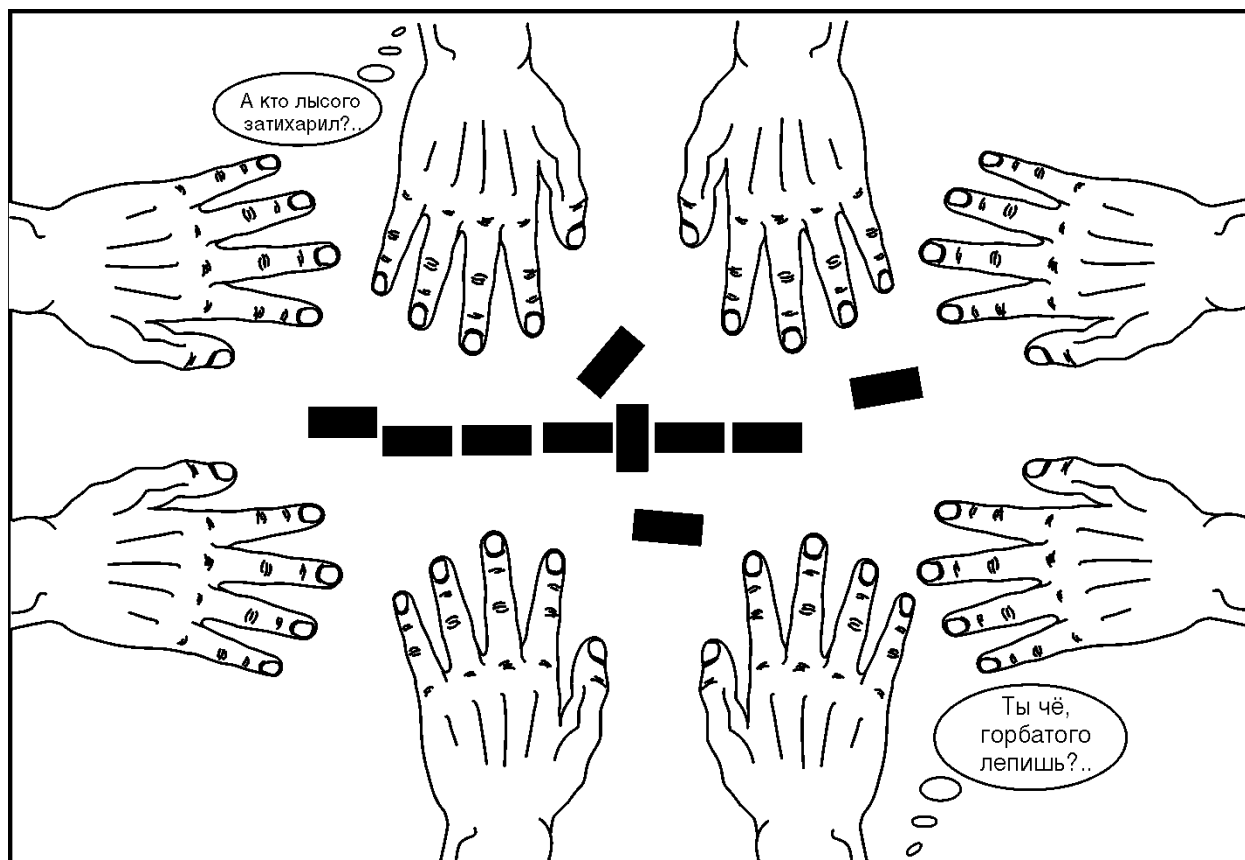
Стоп! - остановил всех Валерка. - Хватит.

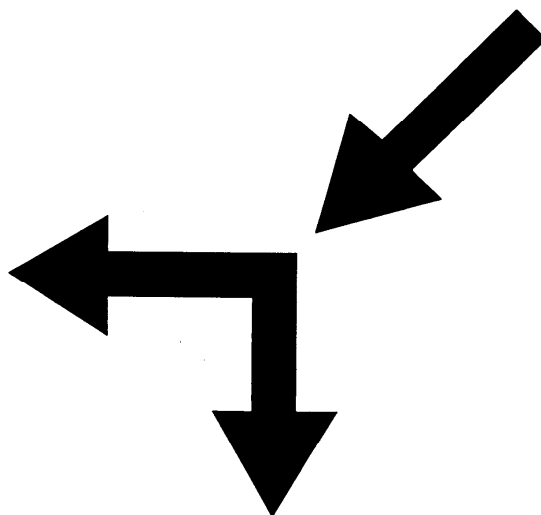
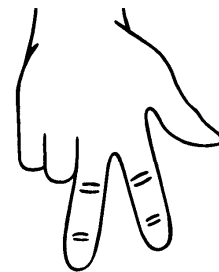
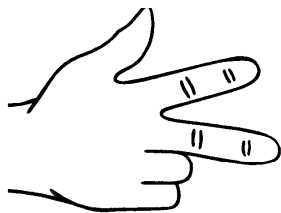
Мы прекратили бить его и, пятась, стали отступать. Оплот не шевелился.

Убили что ли? - испуганно оглядел всех Паша.

Не, - ответил Валерка. - Ни хрена ему не будет.

Оплот тут же подтвердил его слова. Он открыл глаза, приподнял голову и, глядя на нас, выдавил:

Убью. Всех поодиночке.

Мы бросились врассыпную. На пустыре за стройкой собрались и, нервно закурив, стали вспоминать произошедшее.

Ничё, ничё, - сдавленно посмеивался Валерка. - Всё хорошо было. Пусть теперь знает, что почём.

Мы тоже смеялись, но в душе не могли согласиться с ним. Угроза Оплота была нешуточной.

Первой его жертвой стал я. Два дня спустя злой как чёрт Мухин - старший, в синяках и пластыре, подловил меня в подъезде. Я не дошёл полпролёта до квартиры.

Встреча была недолгой. Он врезал мне, я упал. Подмяв меня коленками, он принялся выбивать из меня дурь, целенаправленно, по-боксёрски, как-то лениво даже опуская кулаки на мою горемычную физиономию. Я потерял сознание.

Очнулся оттого, что меня отчаянно трясли. Мать вместе с соседкой тётей Шурой, ахая и охая, приводили меня в чувство. Мать плакала. Я же плавал в луже крови.

Им как - то удалось перенести меня в квартиру, смыть кровь, перебинтовать. Мать хотела вызывать «скорую», но я её остановил.

Как потом выяснилось, я пострадал меньше всех. Всего лишь вывернутый набок нос и несколько выбитых зубов. Нос я вправил самостоятельно и вроде бы удачно - он встал почти на прежнее место. Паше с Димом досталось больше - обоих отвезли в больницу. Лишь Валерка, инициатор нашей бойни, успел схорониться. Жил где-то в подполье, у каких-то друзей на другом конце города.

Мать всё время, пока я выздоравливал, вопи-

ла и передавала мне тревожные новости с улицы. Оплот якобы грозился сделать меня ещё раз, так как, дескать, он меня пожалел, но теперь сознаёт свою ошибку. Как ни странно, я воспринимал всё это довольно спокойно. Мне не верилось, что Оплот станет бить меня во второй раз.

Так оно и произошло - бить меня он больше не стал. Я вообще его ни разу не видел после этого, так как вскоре уехал. Мать, едва дела мои пошли на поправку, устроила меня на работу. Помощником лесоруба. Уговорила какого-то старого знакомого взять меня. Работать предстояло в соседней области. Я не сопротивлялся.

В день отъезда, на вокзале, меня нашёл Валерка. Мать, бывшая тут же, встрепенулась, но прощанию нашему помешать не смогла.

Как ты? - спросил он меня.

Ничего, - ответил я. - Морда зажила, работать вот еду.

Жаль, - сказал он.

Почему?

Надо же отомстить папашке!

Не, я уже не мститель.

Жаль. А я новую банду думаю собрать. Человек десять - двенадцать. Монтажки возьмём на этот раз. Убьём так убьём - мне терять нечего.

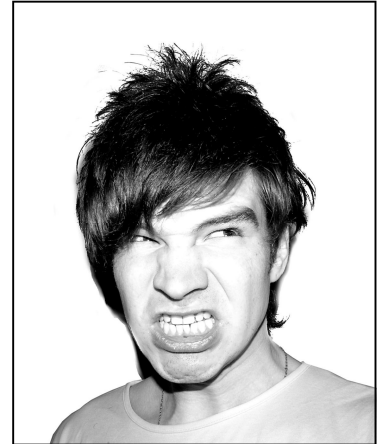
Ну, успехов.

Дали зелёный свет. Проводница закрывала дверь, мать тянула меня к вагону. Я вскочил на подножку.

Давай, Валер! - помахал другу. - Удачи тебе!

Тебе удачи! - помахал он мне в ответ. - Возвращайся только миллионером. А Оплоту мы ещё покажем кузькину мать.

Владимир
Балдаников

Иллюстрации автора

Поэзия,
Спорт,
Порт,
Хорей кораблей,
Абордаж,
Стишок,
Эпатаж,
Шок.
Доска,
Do ska.
Речи,
Без головы плечи,
Стук,

Машка ест какашку

Отсутствие рук.
Тело,
Всеобщее дело,
Пиратство,
Доля хамства,
Паруса,
Рифма оса,
Еще одно тело,
Еще доля беспредела,
Захваченных клетки,
Всё помещается на салфетке.

Звукоизоляция,
Железобетон,
Стон,
Еще стон.
Лёгкие набираются с трудом.
Дом,
Этаж за этажом, за домом дом,
МиллиОН вольт, миллиард Ом.
Змея обвитая стеклом вдоль автострад летит,
как радуга сливаясь с горизонтом.
Лёнтами железных змей,
растёрты в муку, шорохи, шёпот,
УБИТ сапиенс как вид,
Стон,
Как сигнал СОС, отправленный последним моряком,
Стон. Точка. Стон.
Звукоизоляция,
Железобетон.

Я ёжик, а ёжики толк в жизни знают,
Всё что колетя, их возбуждает.

 Настроение хорошее, полон оптимизма,
 Толи правильный настрой, толи какие-то вещества
 еще не вышли из организма.

 Ты ангелок, ты моя крошка,
 Хочу плевать в твои ладошки

 В её изъянах, было что-то притягательное, это
 только придавало ей шарма и красоты,
 Как небольшой целюлит,
 на коричневом, загорелом теле порнозвезды.

 Взрывчатка выше пояса, детонатор в районе хуя,
 Острота, и трепет, как во время первого поцелуя.

 Ты выдаёшь желаемое за действительное.
 Ты выдаёшь желаемое за.
 Ты выдаёшь желаемое.
 Ты выдаёшь.
 Ты даёшь.
 Ты.
 Даёшь.
 Мне.

 Ношу леопардовые трусы.
 Я не дура, я королева гламура.

 Меня мучают вопросы:
 Где намокли папиросы?
 Где ночуют поезда?
 Где у женщины пизда?

 Батарея своей теплотой, распускает во мне цветы
 Пстой. Пстой. Пстой.
 Срывать их рано.
 Эти цветы не предназначены для продажи на рынках,
 Они не служат для украшения, в них нет бытовой красоты,
 Эти цветы своими узорами вьют внутри меня портрет,
 Стоит приглядятся? Кто это? ты.

Полигамность
 Храню в носке любовные записки,
 Для розочки моей, для заечки и киски.

**
 Здравствуй утро!
 К окну, быстрее собрать в ладони первые лучи,
 Умыться ими.
 Я не сторонник вставать рано,
 но вдруг сегодня последний день.
 Такая есть сомнения тень.
 Ненавижу ранних птиц, но растворяюсь в мягком
 равнодушии,
 Когда все люди еще спят заткнувши уши.
 Солнце сильное,
 Во много крат сильнее кофе растворимого.
 Здравствуй утро,
 Твои лучи на стенах пишут прозу.
 Сушат слёзы.
 Ты жизнь,
 Термодинамическое начало.
 На подоконниках домашняя скотина,
 Тебя встречая выгибает спину.
 Здравствуй утро.

 Работаю по отработанной схеме,
 ты шепчешь "мя", я глажу твоё темя.

Владимир Королёв

Ах, какая ДухОвщина!

Продолжение. Начало в №3 и 4

- Что ты мне пруды показываешь – купаться там я и не думаю. Холодно. Покажи мыленку, может согреюсь.

- Кормилица моя, баня чахлая, мыться в Духовщине будем, под иллюминацию!

- Покажи, покажи баню, не скрывай очаг омовения, роскошь свою!

- Какая роскошь? Халупа! И вести боюсь – спнила, наверное... Развалюха!

- Веди, веди! Сама проверю!

Потемкин пошел первым, пробивая по высокой траве дорожку, Екатерина, поддерживая юбки, - следом.

Баня оказалась совсем не развалюхой, а закопченным домиком, хоть и покосившимся на правый бок, но задорно блиставшим единственным оконцем.

- А что внутри, милюша Гришенька? Нет ли чертей там?

- Что ты, матушка, черти русскую баню не любят, духа её бояться!

И, правда, дух в бане, хоть и нетопленной, был густ и легкий одновременно: пахло сажей и дымом, потрескавшимися булыгами с каменки, мягкой сыростью от лавок и пола да ещё сухой мятой, ветки которой висли в примыльнике. Но более всего пахло березой, вениками. У Като дрогнули ноздри:

- ДухОвщина!

Теперь уже не Григорий, а она была первой: шагнула из предбанника через порог в самый проём зева, за которым были и парилка и мыленка одновременно. Едва мерцало окно, но, приглядевшись, Като вдруг поняла, откуда шел березовый дух: на полке лежали свежезаготовленные веники.

- Чем не перина, Гришенька!

Потемкин и сам понял, что надо помогать Като – ладно уложенным по всей поверхности полка веникам, похоже, предстояло стать их брачным ложем! Он подхватил её на руки и по наклонной, уцепившись за край доски, скатил на полку. Екатерина охнула, однако почувствовав, что всё сложилось, что веники-то поинтересней перины будут, молвила, опершись на локоть:

- Доставай, душа моя, свою оглобелю, доставай, сердечный...

- Выдержит или не выдержит? Должен выдержать! Должен! Хруста не было!

Одной рукой расстегивая штаны, другой же Потемкин проверял крепость столбов, на которых лежала громадная столешница полка.

- Вроде не трухло! Выдержат дубовые!

Като, устроившись, ворохнула бедрами:

- Ты что, весь раздеваешься, Гришенька? Ты мыться сюда пришёл? Ты...

Она не успела договорить своих иронично игривых слов – громада пахнущего росяным туманом тела вдруг зависла над ней, и глаз, единственный глаз его, азартно и пристально заглянул в самое-самое сердце, которое напоминало сейчас трепещущее на ветру и готовое вот-вот сорваться на землю яблоко. Чуть-чуть посильней, шквал, посильней, посильней – и покатится оно по луговине! Только сейчас Като вдруг поняла, зачем надо было заворачивать её церемонной кавалькаде в Чижево, и представила, сколько раз потом ей будет снится чижевские веники, сколько раз только от одного воспоминания об их духмяности будет проходить мигрень!

Григорию уже было до невозможности сладко, когда Екатерина почти с болью выдохнула:

- Комель!

- Оглобля лучше!

- Комель, ой, комель!

- Оглобля, оглобля, оглобля!

- Комель, комель, комель!

- О-гло-бля, о-гло-бля, о-гло-бля!

- Ко-мель, ко-мель, ко-мель! Выпусти меня!

Григорий взлетел на этот раз так высоко, что ягодицы коснулись шершавого от сажи потолка.

- Не выпущу!.. Оглобля!

- Комель-комель-комель! Комелеккк, комелекк... выпусти, выпусти, выпусти! Всё! – её тряхнуло от судороги сладострастия и какой-то неловкой боли.

- Вы-выпускаю! – сдавил в объятиях царицу Потемкин. - ... пу-пу-пускаю!

И, замирая от такого почти забытого запаха тела схватившей блаженство императрицы, рывкнул из последних сил: - Оглобля!

...Они молча лежали минут пять, наконец, Григорий посмел шевельнуться – и тут же рассмеялась Като:

- Не оглобля, а оглобелка! – И ущипнула – совсем не больно, век бы так щипала! – за мошонку.

Он понял, что ему тоже надо смеяться. Григорий поймал Катькину руку и придавил своей сверху – залупа была ещё горячей, а капельки оставшейся на ней плоти делали её

самым нежным на свете кусочком живого счастья. Женщина выдержала паузу (да как сладко сделала это, защемив двумя пальцами как ножницами самый кончик оглобелки!), а потом вложила в ладонь Григория веник:

- Владыка мой, комель – у веника! Этот комель мне чуть жопу не разодрал!

Душа его зашлась в приливе прощения, он кинулся целовать Екатерину в шею, в ухо, в висок, в выемку между репками: она вытерпела, вытерпела его кобелиную прыть, не сбросила, не столкнула, а ещё и к потолку вознесла!

- Като, голубушка, пойдём на пол!

- Нет уж, единственный мой, с веников – никуда!

...Они спали недолго: заластившийся в окошко рассвет первым разбудил Григория. Мужчина попробовал мягко, без шума, сбросить с полка ноги, но старая столешница скрипнула – и у Екатерины дрогнули веки:

- Снимай меня, Гришенька, с этой верхотуры, пойдём в усадьбу на подушках досыпать.

Она опять пошла к нему, уже стоящему, в охапку, но перед этим, когда поворачивалась на досках, сдвинула своим телом к стене веники.

- Наделали с тобой шороху, Комель! – почти неожиданно придумала Екатерина новую кличку. Григорию она не понравилась.

- Оглобелка, Като, оглобелка!

Женщина распрямилась во всю свою стать, оправила юбки, правой рукой поправила левую репку, затем запустила в декольте левую – и засмеялась:

- Никак сосок из подмышки не достану! А может его там и нет, а, Гриш? Расплющил ты меня!

А Потемкин перевел взгляд с охорашивающейся дамы на склянку окошка – там уже играл лучик розового солнца. Он нахально лез в баню, как будто хотел быть третьим. Потемкин ревниво сделал шаг в сторону, и полоска света из окна уперлась в спину большого и сильного человека. В мыльнице опять стало темно, почти так, как часа три назад, когда Екатерина и Григорий вдруг захлебнулись духом этих четырех обожженных стен.

- Соправитель мой, отойди от окошечка. Солнышка хочется. Оно поможет тебе мою кожу осмотреть. Не поранил ли ее комель крученный, не расцарапал ли! Да и листочки березовые из чулок выбрать надо. Уж больно щекотно мне!

Он отодвинулся, чтобы найти местечко на лавке, присесть, но глаза наткнулись на ковш, которым поддают пару, а когда Григорий вновь взглянул на Като, она стояла, подняв юбки, и зайчик бегал по коже бедер, делая её розовой и розовой.

- А знаешь ли, Като, что расстаёмся мы с тобой?

- Ты бросаешь меня?

- Ты меня давно бросила!

- Я к тебе в баню бегаю!

- Бросить – не могу, расстаться – должен. Еду в Екатеринослав!

- Поедешь со мной в Петербург, не могу без тебя...

- Уеду сегодня в столицу – полгода потеряем. Мне через полгода на юге делать нечего будет. Время потеряем – Чёрное море упустим!

- Дался тебе этот юг!

- А тебе не дался? Ты – государыня!

- Я жена тебе! А на юг сейчас pošлю Румянцева-Задунайского. Прямо из Чижево. Фельдмаршал!

- Там не воевать надо. Там строить надо.

Проедешь со мной сто вёрст, а потом отпущу... Может быть...

- Ни версты в сторону Питера! Хочешь – поедем со мной до Брянска! А то давай до Путивля!

- Хватит того, что в Чижево, к тебе приехала! До Путивля!.. Ишь чего захотел!

- А ведь приедешь ко мне на юг, никуда не денешься. Через год приедешь, через три, через пять – всё равно приедешь! Я там дел наворочу! Это тебе не в Чижевке купаться!

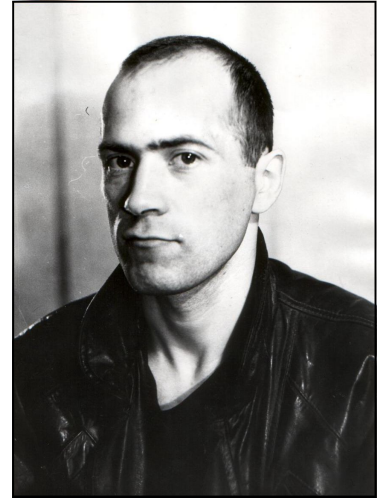
- А я и не купалась! Может, искупаешь!

Потемкин понял, что рано начал разговор о своём отъезде из имения, что Екатерина всё ещё ощущает себя женщиной, а не императрицей, что ей сейчас думается не о просторах России, а о крохотной деревне на смоленском лугу. Чижево, Чижево, не хочешь ты отпускать меня в эти Путивли, Кременчуги, Херсоны! Расплавило ты нас. Но ведь в Херсоне-то пожарче будет!

В голове у Григория всегда начиналась мешанина, после того как только он неосторожным словом затрагивал в разговоре с Екатериной какую-либо государственную надобность, Като же, пребывая мыслями и телом в состоянии супруги, всячески сопротивлялась вхождению. В должность государыни. Куда скакать, куда мчаться, какого арапа заправлять, какой флот строить, когда на тебя смотрят серые с дымкой глаза, смотрят – и не понимают твою озабоченность делом не плотским, а державным. А может немка права? Какая немка! Она русская! Я знаю её только русской! Только русской комель вытерпеть! Я её немкой не видел. Но про-----то как немка! Завадовского ей подсунил – обрадовалась, секретарём сделала, серба Зорича – чуть не заглотила, чуть не сторела от его темперамента, Корсакова тоже лобызала, пока не обозлилась, когда узнала, что он ещё и графиню Брюс обслуживает!.. Теперь вот Ланской! Однако кто виноват? Я виноват! Сдаю их ей в аренду сам! Сам сдаю! Сдаю – уезжаю! Чтoб сохраняли фавор! А я – супруг! Я править должен. А правит она! Она! Ехать, ехать на юг. Юг – моя держава.

Потёмкин, сильный, грузный, посверкивая оком, уже видел себя в походной карете, уже плыла, покачиваясь, под ним дорога, гикали впереди казаки охраны, как вдруг ощутил он, что мир за окном неподвижен, что рядом – Екатерина, что обожающе строг её взор, устремлённый на него. Не может она без любви! Она позвала его на любовь и сделала – политиком. Хотела сделать близким, сделала – далёким. Только и умеем теперь, что говорить другу другу правду! О государстве. А о любви? Екатерина знала, что потеряла Григория. До приезда в Чижево знала это точно. Но приезд в его имение встрепенул её душу: - Нет, не потерял! Он мой по-прежнему! Мы ссоримся о власти, а не о любви! Женщина спохватилась: какая власть, только любовь. Но императрица тут же окрысилась на распутную бабу: какая любовь – власть, только власть! Екатерина стояла, круто поводя бедрами, смотрела на Григория и сквозь Григория, глаза отдавали сталью турецкого ятагана, но румянец, милый румянец, пробиваясь сквозь пудру, не позволял злобе задушить страсть ли и тот остаток счастья, что ещё жил в ней после медовой ночи в бане: власть?.. Любовь?.. Власть любви?.. Любовь власти?.. Любовь к власти? Её почти физически стало раздирать страшное постижение сути того, что с Потёмкиным надо проститься как с любовником и самцом, и сохранить как искреннего друга и соправителя. Кол этого противоречия шершаво входил в сочное мясо их отношений, страшная сила государственной необходимости разрывала с равнодушным треском неуправляемую тягу друг к другу этих необыкновенных людей.

Владимир Марков

Ты сегодня поэт!

Пьеса в 3 действиях

Иллюстрации автора

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Капитан Михайлов, командир первой зенитно-артиллерийской батареи.

1-й сержант, старослужащий.

2-й сержант, старослужащий.

3-й сержант, старослужащий.

Рядовой Мерзликин, молодой солдат, москвич, до службы в армии учился в МГУ.

Действие происходит в одном из гарнизонов Дальнего Востока.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ночь. Казарма спит. Сцена полутемная. За кулисами слышатся приглушенные вздохи, чье-то сопенье, храпенье и бессвязное бормотание спящих солдат. За столом сидят 3 сержанта. Перед ними, на столе стоят несколько пустых бутылок из-под водки и полусъеденная закуска. Одна бутылка слегка отпита. Они пьяны. Разговаривают.

1-й сержант. Мужики, вот мы все бухаем, бухаем, а где этот наш дух? Может, он уже, сука, на службу хуй забил и спит где-то? А?

2-й сержант. Бля, надо его отпиздить. Духи должны летать!

3-й сержант. Мужики, может, что-то новенькое придумаем? Что мы все время одно и то же — пиздим и пиздим. Что мы, звери, что ли?! У меня уже руки болят от этих козлов. Все пальцы себе отбил.

1-й сержант. Может, заставим его чистить лезвием все очки в сортире?

2-й сержант. Да ну, все это хуйня — фанеру к осмотру, пиздануть пару раз, потом “упал — отжался”, пока не охует. А потом, заставим выключать свет и просить выключатель, чтобы он

опять включился. А его предупредим, что если свет обратно не включится, будем снова пиздить.

3-й сержант. Опять пиздить! Что мы, звери, что ли? У меня уже все руки болят. Может лучше еще тяпнем по маленькой?

1-й сержант. Ладно, давай.

Сержанты наливают и пьют.

3-й сержант. Ах, хороша зараза! Мужики, а ведь скоро дембель. Домой скоро, баб ебать, водку пить... Свобода!

1-й сержант. Блядь! А у меня еще дембельский альбом не закончен. Не хватает хороших стихов. Еще шесть пустых страниц осталось...

2-й сержант. Художников у нас до хуя; хочешь, Мурат, я сейчас одного подниму, фанеру к осмотру, запрем в каптерке, к утру все будет готово.

1-й сержант. Да заебал ты, Федор, со своей фанерой. У меня своих художников до хуя, а вот поэтов нет ни одного. Сука! Где их взять?!

3-й сержант. Мужики, а вот этот очкарик, который сейчас в сортире хуярит (или спит там, сука), он же вроде, из Москвы и, кажется, даже учился в университете. Давайте его вызовем и прикажем написать стихи, а если он не захочет, Федор ему сделает фанеру к осмотру. Вот весело будет!

1-й сержант. А это идея! Федор, зови его.

2-й сержант. Эй ты, сука! Дух ебанный! Ты что, совсем охуел! Бегом бежи, когда к тебе обращается сержант Советской Армии!

Где-то слышится гулкое падение какого-то металлического предмета, возня и быстрый топот тяжелых солдатских сапог. На сцену выбегает худой как жердь, испуганный очкарик в грязных галифе и гимнастерке с закатанными по локоть рукавами, без головного убора.

Одной рукой он судорожно сжимает швабру, на которой висит мокрая половая тряпка.

Рядовой (*прикладывая руку к непокрытой голове, другой крепко сжимая швабру*). Товарищ сержант, рядовой Мерзликин по вашему приказанию прибыл!

2-й сержант. Ты что, сучара, в уши долбишься, что ли? Ты что, блядь, издеваешься над нами? Где твой головной убор? Ты что, под дурачка косишь? Последний раз повторяю — без головного убора честь не отдается. Ну-ка, руки по швам, бычара! Фанеру к осмотру!..

1-й сержант. Подожди, Федор, остынь. Слушай, Мерзликин, а ты правда из Москвы?

Рядовой. Так точно, товарищ сержант, из Москвы.

1-й сержант. А где ты там учился?

Рядовой. В Московском Государственном Университете, товарищ сержант!

1-й сержант. А чего ж тебя загребли?

Рядовой. Сессию завалил, вот и забрали.

1-й сержант. Скажи, Мерзликин, а ты стихи когда-нибудь писал?

Рядовой (*смущенно*). Нет, не писал.

1-й сержант. Слушай, Мерзликин, а у тебя баба когда-нибудь была?

Рядовой (*краснея*). Была, товарищ сержант.

1-й сержант. Ну, и что ты ей, никогда не писал стихов, что ли?

Рядовой. Ну, может быть, пробовал пару раз, но у меня не получилось, и я ей ничего не показал, товарищ сержант.

1-й сержант. Ну что ты заладил — товарищ сержант, да товарищ сержант — зови меня просто Мурат. Хочешь водочки? Федор, налей ему стопарик. А тебя как зовут?

Рядовой. Дима.

1-й сержант. Пей, Дима, не стесняйся. Да брось ты эту ебаную швабру!

Рядовой. Товарищ сержант... Мурат, я же в наряде...

1-й сержант. Так и мы, Дима, тоже... Ты пей, не бойся, мы тебя не заложим.

Рядовой (*осторожно кладет на пол швабру, трясущейся рукой берет стакан, пьет, кашляет*).

1-й сержант. На. Дима, запей водичкой...

2-й сержант (*презрительно*). Даже пить душара не умеет.

1-й сержант. Федор, молчи. Так вот, Дима, знаешь, зачем мы тебя позвали?

Рядовой. Никак нет, товарищ сержант.

1-й сержант. Понимаешь, у меня скоро дембель, а дембельский альбом до сих пор не готов. Нужно еще хотя бы три стихотворения, а где их взять? Дима, ты не хочешь помочь своему другу Мурату?

Рядовой (*дрожащим голосом*). Товарищ сержант, я не смогу...

1-й сержант (*раздраженно*). Дима, я же тебя попросил как друга! Если ты не хочешь похорошему, я тебе приказываю: **ты сегодня поэт!** Все!

Рядовой (*краснеет и опускает голову*).

1-й сержант. Да ты не стесняйся, не бойся, здесь все свои. (*Смотрит на своих собутыльников, те заговорщицки кивают*). Приказы не обсуждаются...

Рядовой. Товарищ сержант, но мне же надо убирать в туалете?!.

1-й сержант. А что тебе там осталось?

Рядовой. Вымыть пол и почистить краники.

1-й сержант. Хуйня, Федор поднимет второго дневального. А теперь слушай меня внимательно: Первый стих напишешь про нас, дембелей, о том, как хорошо мы живем в армии, ходим в наряды, в самоволки по бабам, бухаем водку, ну и дальше что-нибудь от себя...

Второй стих напишешь про мою девушку — Наташу. Напишешь, какая она красивая, как я ее люблю и хочу поскорее ее увидеть снова...

Третий стих напишешь про Родину. Как мы защищаем Родину, верно служим... А... Забыл... Как это называется? Подожди, сейчас вспомню... Во, вспомнил! Выполняем свой священный долг! Понял?

Рядовой (*чуть не плача*). Товарищ сержант, я не смогу все это написать, я не умею...

2-й сержант. Не включай дурака, козел! Что ты, душара, думаешь, что если ты москвич, то ты самый умный, а все остальные дураки? Если, блядь, сука, душара, не напишешь до утра, — вешайся, понял?..

3-й сержант. Замолчи, Федор! Дима, если ты хорошо напишешь и нам понравится, то мы тебя до

самого своего дембеля будем защищать. Будешь хорошо жить. А если нам не понравится, я тебе обещаю: из толчка ты не вылезешь, сгниешь на очках. Понял?

Рядовой (*стоит, уронив голову и опустив плечи. Руки его повисли как плети. Ему кажется, что огромная тяжесть приговора уже обрушилась на его узкие сутулые мальчишеские плечи, и под этой тяжестью он сейчас рухнет*).

Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Темная сцена. Где-то вдалеке раздаются гулкие шаги солдат. Шаги приближаются. Слышится скрежет отпираемого замка. Включается свет. Это каптерка. Вдоль стен, до самого потолка полки. На них отдельными кучками лежат солдатские вещмешки, сумки с противогазами, ОЗК, парадная форма и шинели, в самом веру лежат фуражки. Сбоку, недалеко от входа свалена куча всякого тряпья (старые солдатские х/б), в другом углу стоят заваленный папками стол и два стула.

В каптерку заходят 2-й сержант и рядовой.

2-й сержант. Я вижу, что ты, сука плохо врубаешься. Если тебе приказали писать стихи, значит, ты должен писать стихи и не врубить дурака. Понял?

Рядовой. (*заискивающим голосом*). Товарищ сержант, но ведь как я смогу за несколько часов написать три стихотворения?.. К тому же я не сплю уже вторую ночь...

2-й сержант. А меня это ебет? Подумаешь, какие-то три стишка! Я, блядь, еще понимаю за три часа разгрузить вагон с углем. А это... (*Машет рукой*). Тебе, сука, приказали написать - значит должен написать. Понял?!

Рядовой (*умоляя*). Ну товарищ сержант!?

2-й сержант. Я вижу, что ты, душок, совсем охуел!? Ох, как же я ненавижу москвичей! Чмыри вонючие... Фанеру к осмотру!

Рядовой (*растегивает пуговицы гимнастерки, говорит дрожащим голосом*). Фанера двухслойная, бронебойная, к осмотру готова!

2-й сержант со всей силы бьет рядового кулаком в грудь. Рядовой отлетает на несколько метров и падает на груду тряпья.

2-й сержант. Ну что, сучара, ты долго еще будешь там валяться!?

Рядовой (*с усилием, задыхаясь*). Товарищ сержант, нечем дышать...

2-й сержант. Встать, дохлак, когда к тебе обращается сержант Советской Армии!

Рядовой с трудом встает, его колотит.

2-й сержант. Я вижу, что ты, чмо московское, совсем нюх потерял! Сейчас, когда ты встал, что надо было сказать?

Рядовой (*заикаясь*). Откат нормальный, пятый готов!

2-й сержант (*ворча*). Учишь вас салаг, учишь... (*Звереет*). Дурака включают, суки!.. Рядовой Мерзликин, фанеру к осмотру!

Рядовой (*всхлипывая*). Фанера двухслойная, бронебойная, к осмотру готова!

2-й сержант бьет с оттяжкой в грудь рядовому.

Рядовой падает на кучу тряпья, теряет очки.

Пытаясь их найти шарит рукой по тряпью.

Рядовой (*всхлипывая повторяет*). Откат нормальный... Пятый готов... Откат нормальный... Пятый готов...

2-й сержант. Ну вот, так-то уже лучше... Что ты там потерял?..

Рядовой (*продолжает всхлипывать, слезы бегут по его грязным щекам*). Очки...

2-й сержант. Вот же они, чучело...

Нагибается, берет очки и подает их

плачущему рядовому.

2-й сержант (*презрительно*). Хлюпик, чмо московское, интеллигент. Давил бы вас всех, пидорасов. Из-за вас вся хуйня... Рядовой Мерзликин!

Рядовой (*сквозь слезы*). Я!

2-й сержант. Головка от хуя! Короче, через три часа прихожу, три стиха уже написаны. Бумага, ручка на столе. Приказание ясно?

Рядовой. Так точно, товарищ сержант!

2-й сержант (*ворча*). Вот так то...

Уходит, слышится скрип запираемого замка.

Рядовой оставшись один вытирает слезы, надевает очки, отряхивается.

Рядовой (*Скрипя зубами шепчет вслед удаляющимся шагам*). Чтоб ты сдох, скотина! Боже, куда я попал?! Это Ад! Кругом одни монстры!!! Это просто сплошное издевательство!

Нет, я так больше не могу! Нет, все это терпеть? Нет, лучше смерть, чем такое! (*Его трясет как в лихорадке, у него начинается истерика*). Нет, я не могу так жить!... Блядь! Суки! Я вам устрою, я вам покажу райскую жизнь! Вот сейчас напишу записку, повешусь, тогда посмотрим, как вы уйдете на дембель!.. Пидорасы!.. Ублюдки!... Где верёвка!?

Ищет верёвку. Находит. Залезает на стол, просовывает ее под стойку полки, трясущимися руками делает петлю.

Рядовой (*постоянно повторяя*). Я им покажу!.. Они меня запомнят на всю жизнь!.. Они меня зауважают!.. Будут помнить рядового Мерзликина!.. Суки!.. Пидорасы!.. Подонки!.. Нет, я им покажу!..

(*Просовывает голову в петлю*). Ну все пора кончать...

Лицо рядового искажает гримаса страха. Оно каменеет. Он замолкает. Длится долгая пауза. (Причём актер играющий рядового держит эту паузу так долго, как только сможет). В течении всей паузы Мерзликин не мигая смотрит в зал выше зрителей, уставившись в одну точку. На это время он как бы становится не живым человеком, а каменным изваянием, идолом.

Рядовой (*орет во всю глотку*) Нет!.. Не могу!.. Не могу!.. Блядь!.. Я хочу жить!.. Я хочу жить!.. Что же я за человек? Я же ничто, грязь, об меня будут вытирать ноги все, кто захочет!.. Ну и что?!! Жить!!! Я хочу жить!.. Всё!.. И пошло всё на хуй!.. Я сделаю все, только бы выжить!.. Все ублюдки!.. А я?! Козёл! Дерьмо! Ублюдок! Ничтожество! Интеллигент! Грязь! Слизь!.. Ненавижу всех!.. Себя!.. Все ублюдки!.. Чтобы всё это рухнуло к ёбаной матери!.. Ненавижу!.. Пидорасы!.. Пидорасы!.. Пидорасы! (*выдыхается*).

Устало слезает со стола и садится на стул спиной
к зрителям. Пауза.

Рядовой (*брезгливо-иронично*). Ну так что же им написать? А, не всё ли равно! Пошли они все в задницу, пусть что будет, то и будет.

Садится за стол спиной к зрительному залу,
что-то бормочет и пишет.
Занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ранее утро. Казарма. За столом, с пустыми бутылками, стаканами и объедками сидят три сержанта. Водки больше нет, они слегка протрезвели, во рту будто кошки насрали, они очень злы.

1-й сержант. Уже пять часов утра. Надо вести сюда нашего душка Диму, а то он там в каптерке уже наверное давно дрыхнет? (*Усмехается*).

2-й сержант. Не дай боже! Я его тогда, пидара московского, урою!

3-й сержант (*говорит потягиваясь*). Подожди, Федор, пусть сначала наш друг Дима нас позабавит своими стишками. Хоть какое-то развлечение, так все уже заебалось...

1-й сержант. Иди, Федор, приведи его сюда.

2-й сержант уходит.

1-й сержант. Не дай бог, сука, напишет какую-нибудь хуйню, убью, блядь!

3-й сержант. Давай его тогда лучше сдадим какому-нибудь кадету... (*Задумался*). Идея! Придумал! Сдадим его дежурному по полку, дадим бумажку со

стихами этого духа и скажем, что вместо того, чтобы убирать в туалете, он сидел и писал в курилке стихи. Ну, как?.. (*Смеются*).

За сценой раздаются шаги. Они приближаются.

3-й сержант. Кажется идет.

1-й сержант. Да.

Появляются 2-й сержант и рядовой.

2-й сержант. Говорит, что написал. (*Зло смотрит на рядового*.) Сейчас посмотрим, что он там нахуярил...

3-й сержант. Не посмотрим, Федор, а послушаем... Дима, ты написал стихи?

Рядовой. (*смертельно уставшим, охрипшим голосом*). Так точно, товарищ сержант!

1-й сержант. Ну, тогда начинай.

Рядовой. Я не знаю, может, получилось не очень хорошо... Но я написал то, что смог...

3-й сержант. Читай, а не пизди. Хорошо ты написал или хуево, мы сейчас сами узнаем.

Рядовой (*безразлично*). Про дембелей...

Нам казарма стала благодатным домом
И всегда в кармане три рубля,
Ходим в самоволку мы путем знакомым,
Потому что мы, блин, дембеля.

Захотели водки, тут же нам доставят
И нальют ее нам море тот же час.
Даже если прапор нас в наряд поставит-
Духи будут вкалывать вместо нас.

Мы ребята бравые, тертые, лукавые,
Девушки в поселке ждут нас, нас хотят.
Ой, девчонки милые, ой, девчонки славные-
Сами не врубаются, что завтра залетят!

Скоро наша служба кончится, товарищи,
Мы уйдем довольные и сытые домой,
Дома нас заждались, дома плачут матери,
Дома ждут нас девушки, водка и покой...

Сержанты удовлетворенно переглядываются.

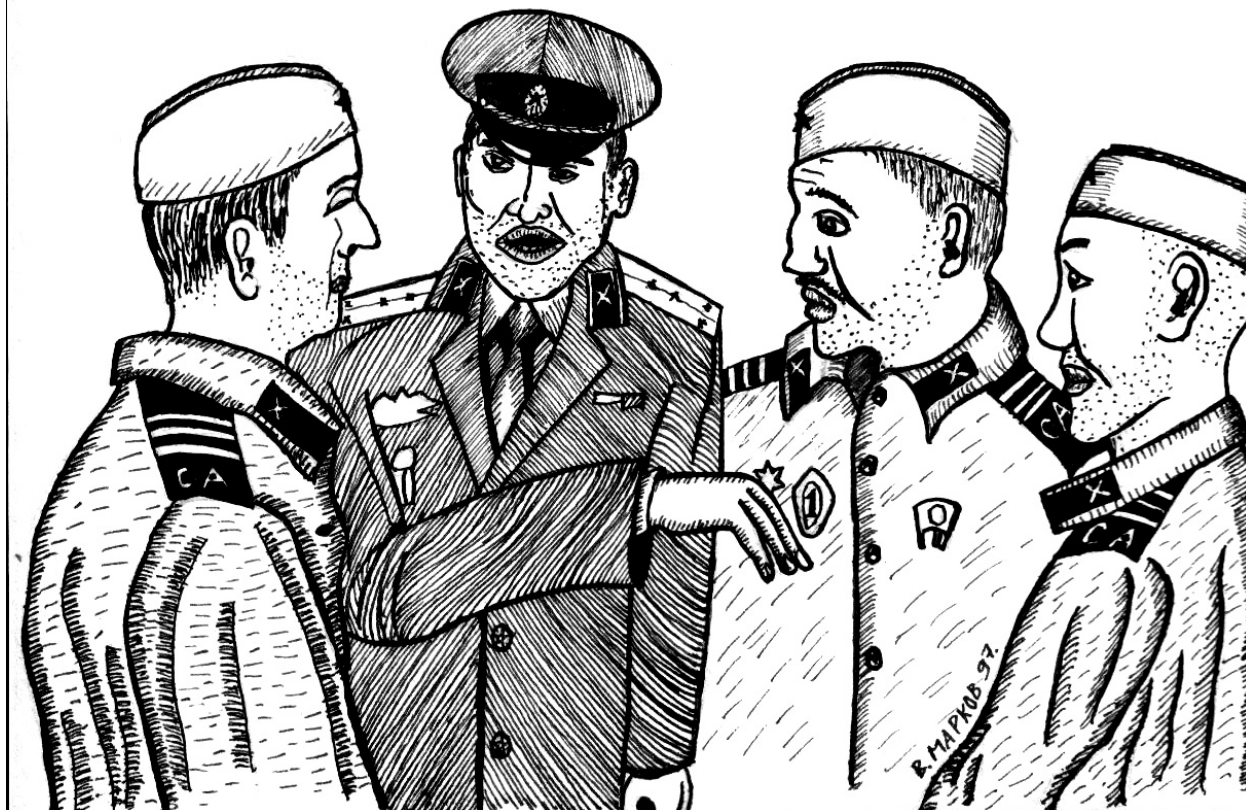
1-й сержант. Ничего, неплохо. Давай теперь про мою девушку.

Рядовой (*прокашлявшись*). Про Наташу...

Девушка Наташа - где-то ждет Мурата,
Девушка Наташа - девичья кровать.
Девушка Наташа - не горюй милашка,
Скоро твой любимый будет с тобой спать.

Он вернется скоро - сильный, загорелый,
Возмужавший парень, дембель и герой,
Защитит Наташу он рукой умелой,
Упадет обидчик, лишь сверкнет погон золотой

Ведь служил Отчизне всей душой он верно

И в полку любили все его друзья,
Старшиной вернулся и теперь, наверно,
В нем души не чают Наташа и семья...

1-й сержант (воскликает). Молодец, дух, хорошо написал!..

3-й сержант (ехидно ухмыляясь). Эй, Мерзликин, дай-ка сюда этот стих. (Забирает листок со стихами).

1-й сержант. Ну, а теперь, Дима, давай про Родину...

Рядовой (Неуверенно). Про Родину у меня плохо получилось...

2-й сержант. Давай, сука, читай, потом разберемся...

Рядовой (поднимает листок дрожащей рукой. Читая постоянно сбивается).

Когда нам исполняется восемнадцать лет
Нас зовет на службу Родина,
Но встречаются и такие, кто говорит ей - Нет!
Мы не будем служить! Ты не Родина - а уродина!..

2-й сержант (возмущенно). Ты что, скотина, издеваешься над нами!?? А!!!

Рядовой (испуганно, дрожащим голосом). Товарищ сержант, я не виноват, у меня не было времени, я устал, а со словом родина больше ни чего не рифмуется... Дайте мне еще немного времени... Я напишу, честное комсомольское, я не обману!.. Пожалуйста!.. (У него начинается истерика, его

колотит, он без конца всхлипывает.) Товарищ сержант, пожалейте меня!!! (Теряет над собой контроль. Падает на колени.)

2-й сержант (задыхаясь от гнева). Сучара, дерьмо московское, пидорас вонючий, я тебя заставлю Родину любить! Встать! Ишь, на колени упал! Что я тебе фашист что ли!?? Встать! Я тебе приказываю!

Рядовой медленно, дрожа всем своим тщедушным телом встает. 1-й и 3-й, сержанты хватаются за

животы, хохочут. 2-й сержант вскакивает.

2-й сержант. Фанеру к осмотру!

Рядовой не реагирует.

2-й сержант. Ты что, недоносок, не понял!?? Я тебе русским языком приказываю - фанеру к осмотру!!!

Подбегает к бледному, дрожащему рядовому. Неожиданно раздается громкий, характерный звук в простонародье называемый пердење.

1-й и 3-й сержанты (ржут как кони Пржевальского).

2-й сержант (заливаясь краской ярости). Ебаный в рот, вонючка московская, ты что, совсем нюх потерял? Ты что, меня - сержанта Советской Армии хочешь отравить своим сраным пердежем!?! Ах ты, залупа конская!

Не в силах сдерживаться избивает рядового. Его поддерживает дружный хохот товарищей.

Никем не замеченный появляется капитан Михайлов.

Капитан Михайлов. Что здесь происходит!?? Вы что, сынки, совсем охуели?! Сами пиздите этого сопливого молодого!?

2-й сержант (*остолбенел, открыл рот и выпучил глаза*).

Рядовой. (*Хныкая и корча жалостливые гримасы смотрит на капитана Михайлова. В глазах его блеснула искра надежды*).

3-й сержант. Товарищ капитан, разрешите обратиться?!

Капитан Михайлов (*недовольно*). Ну, наглец, интересно, что ты скажешь в свое оправдание?!

3-й сержант. Товарищ капитан, дневальный рядовой Мерзликин вместо того, чтобы убираться в туалет сидел в курилке и писал стихи. Вот дежурный по батарее сержант Федоренко и не выдержал...

Капитан Михайлов (*в недоумении*). Стихи? Какие еще стихи!?

3-й сержант. Вот эти. (*Протягивает капитану Михайлову листок со стихами*).

Капитан Михайлов (*разворачивает листок и читает вслух*).

Девушка Наташа - где-то ждет Мурата,
Девушка Наташа - девичья кровать,
Девушка Наташа - не горюй, милашка,
Скоро твой любимый будет с тобой спать...

Капитан Михайлов. Рядовой Мерзликин, это ваши стихи?

Рядовой. Так точно, товарищ капитан!

Капитан Михайлов. Вы что же, рядовой Мерзликин, любитель пизды и клубники? Да? Я вас спрашиваю!

Рядовой (*всхлипывает*).

Капитан Михайлов. Отвечайте, когда с вами разговаривает старый капитан!

Рядовой (*всхлипывает*).

Капитан Михайлов. Вот так-то вы несете службу!? Хватит хныкать! Вы солдат, а не баба, и должны стойко переносить тяготы и лишения воинской службы, понятно!?? Ничего, я из вас сделаю настоящего солдата! Трое суток ареста! Сержант Рсаев!

1-й сержант. Я!

Капитан Михайлов. Отведите рядового Мерзликина на гауптвахту в пехоту, да не забудьте там прибавить, что он талантливый поэт, пиздострадалец...

1-й, 2-й, 3-й сержанты (*ехидно хихикают*).

Капитан Михайлов. Здесь не публичный дом, здесь казарма! Здесь для вас кроме службы и моих приказов больше ничего не существует! Ни-че-го! Здесь я вам и отец и мать, и царь, и бог! Баб ебать будете, когда отслужите два года! Отдадите свой долг Родине! Понятно?!

1-й, 2-й, 3-й сержанты (*хором*). Так точно, товарищ капитан!

Капитан Михайлов. Пусть там, на гауптвахте из этого солдата дурь выбьют!..

1-й сержант и плачущий, затравленный рядовой уходят.

Капитан Михайлов смотрит на часы.

Капитан Михайлов. Через 10 минут подъем. (*Смотрит на стол*.) А это что здесь у вас? Водка? Вы что, водку пьете?!

1-й сержант. Товарищ капитан, разрешите обратиться!

Капитан Михайлов. Ладно, валяй...

1-й сержант. Товарищ капитан, понимаете, у сержанта Федоренко сегодня день рожденья, вот мы и решили это дело немного отметить. Все-таки круглая дата...

Капитан Михайлов. Сержант Федоренко, это правда?

2-й сержант. Так точно, товарищ капитан.

Капитан Михайлов. А сколько вам стукнуло?

2-й сержант. Двадцать лет.

Капитан Михайлов. Так чего же вы молчали?

2-й сержант. Я не молчал, товарищ капитан, я говорил старшему лейтенанту Батринчуку, а он меня все равно в наряд поставил.

Капитан Михайлов. Гм... Хорошо... Завтра пойдете в увольнение. Сегодня после наряда можете готовиться. (*Пристально смотрит в глаза 2-му сержанту*) Только смотрите у меня! (*Грозит пальцем*.)

2-й сержант. Да когда же я вас подводил...

Капитан Михайлов (*смягчаясь*). Знаю я вас! Не успеешь и глазом моргнуть, как вы уже на голову настрёте.

1-й и 2-й сержанты (*вместе*). Товарищ капитан!!!

Капитан Михайлов (*Отечески треплет сержантов за подбородки, сплхвывается и смотрит на часы*). Кто дежурный по батарее?

2-й сержант. Я!

Капитан Михайлов. Уберете все со стола и разбудите дежурного по полку.

2-й сержант. Есть! (*Убирает со стола, уходит*.)

Капитан Михайлов. Сержант Секетов, а вы старший в наряде по столовой?

3-й сержант. Так точно!

Капитан Михайлов. Идите, будьте наряд и бегом в столовую.

3-й сержант. Есть! (*Уходит*.)

Капитан Михайлов (*оставшись один*). Ну вот, а теперь я пойду будить батарею. (*Уходит*.)

Сцена пустеет. Занавес опускается.

Вдалеке слышен рев капитана Михайлова.

Капитан Михайлов. Первая батарея подъем! Подъем, я сказал! Вы что, сынки, совсем охуели!? Младший сержант Марков, что ты топчешься, будто в штаны наложил!? Никак не проснешься? Быстро одевайся! Рядовой Сакирко, перестань вытирать соплю об одеяло! Это казенное имущество, а не

Ты сегодня поэт-2!

Десять лет спустя

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бывший рядовой Мерзликин, ныне вождь Национал-Коммунистической Партии России (НКП). Он одет в черную униформу с красной повязкой на правой руке; в центре повязки на фоне белого круга – черная звезда.

Типичный российский обыватель лет 35-40, в турецком свитере, широких штанах; с ним его тучная супруга, неуловимо напоминающая свиноматку, и двое поросяткоподобных детей.

Новый русский, накачанный, с бритым затылком, в малиновом пиджаке, с мобильным телефоном в руке.

Некий важный чиновник, неуловимо напоминающий Гайдара, в хорошем импортном костюме, нежно прижимающий к своему беременному животу пухлый кожаный портфель.

На сцене стоит стол, вокруг него три стула, больше никаких декораций нет. Да они и не нужны. **Обыватель** с семьей, **новый русский** и **чиновник** сидят в зале среди зрителей. Причем зрители не должны догадываться раньше времени, что это специально подсаженные актеры.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

На сцену быстрой нервной походкой выходит (почти выбегает) **Вождь**. Он сходу вскакивает на стул, потом на стол, обводит зал безумным, беспощадным взглядом, начинает орать.

Вождь. Ну, что уставились? Не видели! Вы что, пришли сюда развлекаться, да?! Хотите увидеть пьеску со счастливым концом, да? Так вот, как вождь НКП, официально заявляю: счастливого конца не будет. Будет долгая, тяжелая и опасная служба, служба не для личного обогащения, не для тихого накопления жирка, которого у вас и так больше, чем достаточно, а для блага Родины, Отечества, России!!! Найдется ли среди всех вас хоть один человек, который мог бы мне с чистой совестью сказать – ДА!? Который мог бы сказать: “Я отдал всего себя служению Родине, я сделал ради ее величия и благополучия все, что мог, мне не надо НИЧЕГО, я готов жить в бараке на хлебе и воде, работать без выходных, и, если надо, то отдам всю свою жизнь, до последней капли крови, в борьбе с врагами России!

Ну, чего молчите? Вам нечего сказать? Хотите я вам объясню, почему? Потому что вы привыкли думать только о своем брюхе, да еще, может быть, о том, где бы еще чего-нибудь спереть. И если вас сейчас не остановить, то вы, как тля, высосете из Родины последние соки и сдохнете, когда сосать будет нечего. Но я не хочу подыхать вместе с вами, я хочу жить, и не только я, у меня есть много соратников, за нами будущее, за нами возрождение Великой России! Мы сделаем из вас настоящих патриотов!!!

Вот, например, ты, ублюдок, любишь Родину? Да, да, я к тебе обращаюсь! *(Показывает пальцем на жирного Обывателя.)* Чего озираешься? Встать, когда к тебе обращается вождь Национал-Коммунистической Партии России!

Обыватель. *(Вскакивает со своего места, испуганно озираясь по сторонам, пытается вымучить улыбку.)*

Вождь. Ну, что, мешок с говном, ты любишь свою Родину?!

Обыватель. *(испуганно)* Конечно люблю.

Вождь. Чем же, интересно, ты можешь это доказать? Своим пузом, что ли? Что ты сделал для России?

Обыватель. Я плачу налоги...

Вождь. И ты считаешь, что этого вполне достаточно? А умереть за свою Родину ты не хочешь?

Обыватель. Я не пригоден к строевой службе, меня комиссовали...

Вождь. Значит, жрать и выблядков строгать ты пригоден, а отдать свою жизнь за Родину – нет? Короче, хули на тебя время тратить, слушай свое первое задание: чтобы к завтрашнему вечеру написал гимн для нашей партии и, с готовым текстом, сюда в это же время.

Обыватель. *(запуганно)* Но... извините, пожалуйста, я н-не знаю, как в п-по имени от-тчеству...

Вождь. Ненавижу слюнтяев! Просто Вождь!

Обыватель. Дорогой Вождь, прошу меня извинить, но я никогда не писал стихов и у меня ничего получится. Дайте мне, пожалуйста, какое-нибудь другое задание, я вас умоляю, любое другое задание...

Вождь. Нет, жирный боров, хватит нагуливать жирок в своем комфортном стойле, хватит прикидываться дурачком. Ты будешь выполнять любые мои приказы беспрекословно, или мы сведем тебя на бойню! Так что выбирай. Я еще раз тебе приказываю: **ты сегодня поэт!** Завтра здесь, в это же время, я жду готовый текст.

Чиновник. *(с места)* Граждане, я вообще не понимаю, что здесь происходит?! Где спектакль? Это что, пьеса, или какое-то сплошное издевательство над зрителями? *(Смотрит по сторонам, пытаясь найти поддержку.)*

Вождь. Какой спектакль? Ты что, чурбан неотесанный, так и не въехал, что здесь происходит?

Чиновник. Прошу мне не грубить! Я вам не какой-нибудь прапорщик или вечно пьяный сантехник из ЖЭКа! Я важный государственный чиновник, я подам на вас в суд за оскорбление моей чести и достоинства!!!

Вождь. А ты уверен, что выйдешь отсюда и дойдешь до суда живым? Я нет...

Чиновник. Как вы смеете разговаривать со мной таким тоном, я – уважаемый человек, я этого не потерплю...

Вождь. *(орет)* Встать! Стоять, сука, когда к тебе обращается Вождь! *(Чиновник продолжает сидеть, надув губы и отвернувшись.)* Ну, собака, если ты не понимаешь по-хорошему, то придется тебе прочистить мозги!

Вождь спрыгивает со сцены в зрительный зал, быстро подбегает по проходу к онемевшему от ужаса, побледневшему чиновнику.

Вождь. Ну, ты, жирный подонок, быстро встать! Почему, когда сотни тысяч людей в России голодают, замерзают от холода, вымирают, ты здесь рассиживаешься своей жирной задницей. Из-за таких, как ты, пидарасов, и гибнет Россия! Ну-ка, встать! *(Вождь отбирает у Чиновника пухлый портфель и ожесточенно топчет. Портфель рвется, и из него рассыпаются по полу бумаги.)*

Чиновник. Что вы делаете, варвар, это же важные государственные документы, вы за это ответите, слышите, вы ответите за все!

Вождь. Все, говно, полно вонять!

Вождь вытаскивает за шиворот Чиновника в проход, бросает на пол и топчет его ногами.

Чиновник *(отчаянно визжа).* Помогите кто-нибудь, убивают! Где милиция? Люды вы, или стадо баранов? Помогите, убивают!!!

Новый русский. Бля, кореш, ты не прав. Хватит валять этого козла, а то, бля буду, щас вызову ментов, бля буду, позвоню...

Вождь. *(оставив в покое чиновника)* А ты кто такой, что тебе надо?

Воспользовавшись случаем, Чиновник, всхлипывая и вытирая с лица сопли и кровь, быстро убегает из зала.

Новый русский. Бля, кореш, твое счастье, что ты меня не знаешь...

Вождь. Я не понял, ты что, мне угрожаешь?

Новый русский. Да нужен ты мне... Просто мы же не звери, в натуре, мы же все-таки на двух ногах ходим, и вообще, бля... За что я платил

бабки, где спектакль? У меня от мочилова и так башка в офисе каждый день трещит...

Вождь. Интересно, а что ты рассчитывал здесь увидеть?

Новый русский. Ну, чево, чево... Какой-нибудь спектакль, бля, типа Дяди Вани, и чтоб там артисточки были молоденькие, задастые, чтобы пели, плясали, короче, чтобы культура, бля, была...

Вождь. Я что-то не пойму, ты что себе, проституток не мог купить, что ли?

Новый русский. Да меня, бля, уже тошнит от этих путан. Кореш, бля, так хочется чего-нибудь новенького, типа для души...

Вождь. А ты уверен, что у тебя вообще есть душа?

Новый русский. *(раздраженно)* Слушай, кореш, фильтруй базар, ты меня уже утомил... Щас, бля, браткам звякну, чтобы подкатили, с тобой разобрались... *(Набирает номер по мобильному телефону.)* Але, Вован...

Вождь. *(Выхватывает мобильник у Нового Русского, бросает на пол, с ожесточением растаптывает.)* Ну что, "але-але, Вован-братан", что теперь делать будешь?

Новый русский. Ну, сука, я долго терпел, не хотел людям культурный отдых портить, но ты, падла, меня достал, щас я тебя задавлю собственными руками! *(Вскакивает с места и с ревом бросается на Вождя. Вождь делает ему подсечку, сбивает на пол и топчет ногами. Новый русский кричит под градом ударов.)* Братан, да ты че, в натуре, я же типа пошутил, ей богу, братан...

Вождь. *(злорадно)* Что, пощады просишь, сволочь? Лучше скажи мне, ты русский или нет?

Новый русский. Русский, русский, братишка...

Вождь. Что же ты, собака, грабишь свой народ?!

Новый русский. Братан, бля буду, никого не граблю, я только лохов развожу... А хочешь, в твою партию запишусь, а если надо баксы или стволы, ты только моргни, я своим пацанам скажу, чтобы крышу тебе устроили...

Вождь. Твоих грязных американских долларов мне не надо. Ты лучше к завтрашнему вечеру напиши текст нашего партийного гимна и в это же время приходи сюда. *(повышая голос и пронзительно глядя в зал)* Да, это относится и ко всем остальным так называемым зрителям, сидящим сейчас в зале. Чтобы каждый, кто здесь сейчас сидит, к завтрашнему вечеру написал текст нашего партийного гимна и в это же время принес его сюда. Мы здесь устроим небольшой конкурс, победителя ждет сюрприз. *(Выразительно смотрит на Нового русского.)* Надеюсь, ты со своими пацанами нам его обеспечишь...

Новый русский. *(подобострастно смотря на вождя)* Вы слышали, лохи, что вам сказал мой братишка. Завтра вас ждет большой сюрприз от всей братвы.

Вождь, не оборачиваясь, быстро уходит из зала, поднимается на сцену и скрывается за кулисами.

Пауза.

КОНЕЦ
(1998 г.)

Хорошая Смазка для Вильяма

Обилие говна ветер водосточных маточных труб
слизывает треугольник закипает электрический чайник
желаете откровения? Желаете! Откровения!
БОЛЬШЕ ОТ- КРОВ-ЕНИЯ!

Причастись моей плотью. Членососы и вампиры
затхлых кабинок общественных туалетов на обратной
стороне двери которых детская рука нарисует
солнце. Vfrbp/// Mark - iz Dead-Sky-Sad. More kiss...
Open Thy Eye's.. Ever-Never-For Mater-Pater-Filius-
Filiae fuck'd... Sunlight Phalle in the Dark.. Free thou
mind and thy aim shall follow from the Darc Hole like
thy asshole...for Adore

-Даать?: Чашку кофе, мииистер? *Скалит острые
крепкие желтые зубы в волчьей улыбке*? -Мы кон-
сервируем мумиё Геня, предварительно сжевивая
его кровь в чашу Госпожи Мерзостей, нельзя утерять
ни капли от крови ..ения .. иначе придётся
сплавлять это отпидорашенное демоническим хо-
ром-зоны лишённое своего Ангела тело подвешен-
ным безжизненным бревном вниз по реке MEM.

Ножницы – строчки REM лесопилка убивает живые
деревья.. Эти бляди пожирают мой лес.. асфальто-
вый завод корпораций пожирает мой лес.. эти тай-
ные вампиры уборных с треском дуальности мер-
цающих лампочек высасывают сок живого дерева
Log-gear? Logger!

nuclear explosion - psychedelic mushroom cloud
Dance! Rave! Raven-Rabbin ! Has bean...

WHITE *POWER* RABBIT!

Ребёнок старательно выводит кислотным пульверизатором
надпись на горящем здании безумия мирового
правительства «Woodcutter=lodger»

Рядом, возле спонтанного кафе на обочине с усердием
мастурбируют обнаженные завтраки исходя семенем
экстаза стигматов столь внезапно вспыхнувшей
Красной Ночи

Нефть

Привет, я видел тебя сегодня во сне
чувствую, скоро выпадет снег
Ногти обдирают эпителий кончиков пальцев
Нервный похожий на кукурузный початок ломтик
реальности
Неопределённость
Принесённая в жертву

посади меня в клетку
протыкай снова тысячей ржавых крючков мою кожу
щёки и веки...
натяжение лески не позволяет

дрожать от волнения
в предвкушении...
проникновения твоего языка в кровотокающие разрезы
моего тела
промокание мякоти хлеба
в свинцовом дожде твоих слёз
Я становлюсь маленькой испуганой девочкой а ты
становишься мною
когда мы кружимся в танце на карусели вечно пустого
города...
Гниющей лимфой просачиваясь под бинтами нерождённых
призраков покинутой Припяти

Поглощая Бога становишься Господом

Порочная словно Блудница, впитывание семени
через слизистую.. и преобразование мириадой поющих
детей церковно приходской школы, её обливают
бензином и в словно в замедленной съёмке
высекают искру... голоса превращаются в агонию
боли и вспышек чистого яркого света

Ах.. даже дети становятся нефтью
моя сладкая девочка ... мой Господь
Принесённый в жертву

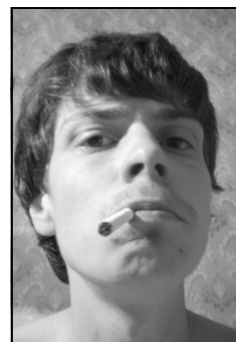
+++ +++++ +++

я слышу стук.. может быть гость? .. или копыта дождя
по моему подоконнику.. нет, вдруг понимаю, что
это сердце хлопает крыльями птиц

иНна
МакУриНа
гЛЕБ
кОлоМиеЦ

Исходы мазохистской инициации.

Сжатое изложение главы «По ту сторону безумия и боли» из работы «Опыты экстремальной антропологии» Книга «Опыты экстремальной антропологии» выходит в издательстве «Контакт» в 2009 году.

Постановка вопроса

Впервые термин «мазохизм» был введен психопатологом Рихардом фон Крафт-Эбингом в работе «Psychopathia sexualis» в 1886 году. Тогда мазохизм был определен как «своеобразное извращение психической половой жизни, состоящее в том, что Субъект на почве половых ощущений и побуждений находится во власти того представления, что он должен быть - вполне и безусловно поработен волей лица другого пола, что это лицо должно обращаться с ним, как с рабом, всячески унижая и третируя его»[1]. Уже тогда количество описанных случаев мазохизма было настолько велико, что Крафт-Эбинг не просто выделяет эту «перверсию» в отдельную нозологическую группу, но и определяет за ней роль «весьма часто встречающегося извращения».

Аналогичные определения переключались в медицинскую и психологическую литературу, сохранив и до наших дней расхожее мнение о мазохизме, как о перверсии. Однако, по словам Ларисы Полубояриновой, «современный взгляд культуры на проблему сексопатологии исходит не из "нормальности" или "ненормальности" таких явлений как садизм, мазохизм, эксгибиционизм и пр., а из господствующих в обществе властных идеологий, дающих понятия "нормы" сексуального поведения»[2].

Таким образом, понимание мазохизма как перверсии, закрепленное в научном дискурсе, кажется нам устаревшим. На современном этапе развития гуманитарного знания имеет смысл говорить о мазохизме, как о конструкте, относящемся к смысловому полю науки о человеке – философской антропологии. Именно такое понимание позволит расширить круг методологических подходов к теме и даст возможность продолжить исследование мазохизма, руководствуясь новыми данными.

По нашему мнению, мазохизм – это экстремальное

состояние с присущей ему определенной структурой, динамикой формирования, и методологией развертывания, в которое человек попадает под воздействием сверхпороговых жестокости и унижения.

Впервые это состояние было четко описано австрийском писателем Леопольдом фон Захер-Мазохом в его многочисленных произведениях, самым ярким из которых считается «Венера в мехах» (1869). Это произведение позволило вычлнить мазохизм как общечеловеческое явление, средствами литературы описать его настолько клинически достоверно, что Крафт-Эбинг счел возможным перенести симптоматику отдельно взятого писательского эго на целый пласт «перверсий». История, описанная Захер-Мазохом, пересекла границы литературы и литературоведения, и стала для мазохизма «целостной концепцией человека»[3].

В 1967 году французским философом-постструктуралистом Жилем Делезом была предпринята попытка философского осмысления феномена мазохизма в работе «Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое)». В этой книге была предпринята попытка разделения ошибочного, по мнению Делеза, единства садизма и мазохизма, а также были очерчены границы (или, «кромки», по Делезу) мазохистского конструкта, исследована его структура и динамика формирования.

Делез пишет: «мазохизм – есть некая история, рассказывающая о том, как и кем было разрушено сверх-Я, и что из этого вышло».[4] Мы в своей работе попытаемся на основе круга источников расширить и конкретизировать этот посыл Делеза.

Мазохизм изучается широким кругом наук (философия, психология, медицина и др.), а также является неотделимой частью человеческой жизни (семья и школа, научная аудитория и казарма, предприятие и больница), в тех местах, культурных институтах, где осуществляется «производство человеческого». Каждый из подходов дает собственную,

специфическую «картографию» мазохизма, рассматривает его с собственного угла зрения. Простое суммирование этих данных не позволяет сформировать общий план мышления. Поэтому мы вновь обращаемся к философии, под руководящим надзором которой, надеемся создать адекватную модель мазохистского фантазма, с максимальной конкретностью отразить её *суть* и к разработкам Делеза добавить собственные мнения о его *исходах*.

Источники

Тема мазохизма обладает столь огромной широкой трактовкой, что вовлекает в себя множество наук и точек зрения. Мазохизм «растворяет» и преодолевает границы психологии, психиатрии, философии, религии, обладая чертами комплексной антропологической формации.

Каждая из отдельных наук пользуется собственным исследовательским аппаратом и методологией, отражает лишь один из возможных взглядов, не затрагивая целостной картины мазохизма. Потому-то круг источников, посвященных мазохизму, столь широк и сами эти источники зачастую противоречат друг другу, стремятся к взаимной аннигиляции. История исследования мазохизма весьма запутана и противоречива.

Все многообразие источников мы условно разделяем на три группы: литературно-религиозные (основным методом которых является построение образного ряда), психоаналитические (вовлекающие область бессознательного) и философские.

«Мазохизм без метафор - это коренная психическая установка, она не вырабатывается, а изначально существует. В бессознательном вообще истории нет, а есть существование в некоем первобытии»{[5]}. Леопольд фон Захер-Мазох, обладая этой установкой, впервые перевёл её на литературный язык, создав тем самым культурологический прецедент. Однако, комплексному литературному описанию Мазоха предшествовали многочисленные «следовые» описания мазохистской бессознательной установки, сохранившиеся в основном в религиозных текстах.

Страдание, возведенное в метафизический принцип, является стержневым моментом таких религий, как христианство и буддизм. В этом находит свое выражение религиозный аспект экстремальной антропологии. Элементы мазохизма мы находим в описании множества духовных практик. «Это *nigredo* алхимии. Аскеза христианского монашества. Тропа инициатического юродства или суфийских маламатъя. Даже масонство сохранило элементы этого инициатического учения: посвящаемого в ложу сознательно в растерзанном виде, вызывающем чувство стыда, унижения, самоотвращения. В архаическом ритуале инициация сопрягается с нанесением телесных повреждений разной степени тяжести — вплоть до искалечивания. В некоторых традициях особо высокое посвящение требует отрубания жизненно важного органа — полового члена, руки или ноги. Часто наносят характерные шрамы, порезы,

выбивают зубы и т.д.»{[6]}

Американский исследователь мазохизма Лин Коуэн пишет по этому поводу: «В религии мы находим мотив телесной закрепощенности в образе связанного Иисуса, стоящего перед Пилатом, апостола Петра, прикованного цепями к позорному столбу. Мотив бичевания присутствует в наказании розгами Христа, в ритуальном избииении священными тирсами приверженцев культа Диониса, в наказании-самоистязании послушников в монастырских кельях». И далее: «Святая Тереза из Авилы писала: «...когда у меня появляется это стремление Ему служить, мне хочется получить наказание, однако я не могу его выдержать [физически]. Наказание принесло бы мне огромное облегчение и радость»; «Описание переживаний монаха XIV в. вызывает потрясение и вместе с тем завораживает. Этот монах холодной зимней ночью... раздевшись донага, закрылся в своей келье... взял свои розги с острыми шипами и хлестал себя по телу, рукам и ногам, пока из него не полилась кровь, словно из наполненного до краев сосуда. Один из шипов плети был согнут в виде крюка: попадая на тело, этот крюк терзал и разрывал его плоть. Он хлестал себя с такой силой, что разорвал плеть на три, а все стены были забрызганы кровью. Он стоял весь в крови и смотрел на себя. Этот взгляд был столь мучительно-ужасным, что во многом внешне напоминал возлюбленного Христа во время Его бичевания. Из жалости к себе он стал горько рыдать. Обнаженный, он пал на колени, обливаясь кровью, и в страшный мороз умолял Бога не обращать внимания на его грехи, отведя от них свой ласковый взор». {[7]}

Таким образом, религия стала адекватным субстратом для реализации мазохистского фантазма. В произведениях Мазоха этот сюжет впервые предстал перед читателем самостоятельно, в отрыве от религиозной тематики, как антропологический конструкт, имеющий своей движущей основой *сексуально-эротический, экстатический* контекст.

Уже спустя 17 лет после написания произведения «Венера в мехах», мазохизм попадает под пристальное внимание клиницистов и начинается его психопатологическое исследование.

С появлением психоанализа начинаются психоаналитические исследования мазохизма Зигмунда Фрейда («Ребенка бьют», «Экономическая проблема мазохизма», «Отрицание», «Фетишизм»), Вильгельма Райха («Мазохистский характер» - из книги «Анализ личности»), Эриха Фромма («Догмат о Христе»), Карен Хорни («Невротическая личность нашего времени», глава «Мазохизм»), Жака Лакана («Четыре фундаментальных принципа психоанализа»). В новейшее время мазохизм вновь попадает в поле зрения психоаналитиков, на этот раз в связи с «русской темой». Мазохизму как национальной черте русской нации посвящает свою книгу "Рабская душа России: моральный мазохизм и культ страдания" американский славист Далинэль Ранкур-Лаферьер.

Только в 60-е годы мазохизм «преодолевает» клинику и попадает в смысловое поле философии благодаря уже упомянутой книге Жюль Делёза.

Философское исследование мазохизма продолжа-

ется и в наши дни: в 1997 году в «Лимонке» была опубликована статья Александра Дугина «Мазохизм и инициация»; в 2004 - русский перевод книги доктора философии Лин Коуэн «Мазохизм: Юнгианский взгляд»; в 2002 году в университете Вандербилта (Vanderbilt University) была защищена докторская диссертация Пола Рамсура (Paul Ramsour) «Мазохизм, сексуальная свобода и радикальная демократия: герменевтическое исследование садомазохизма в психоаналитических, социологических текстах и записях современников». («Masochism, sexual freedom, and radical democracy: a hermeneutic study of sadomasochism in psychoanalytic, sociological, and contemporary texts»).

Огромное количество источников, широта трактовок, различная степень достоверности материалов может сбить с толку. Поэтому мы в своём исследовании будем отталкиваться прежде всего от работы Жилья Делеза, которая а) выявляет и исследует прежде всего философскую проблематику; б) даёт комплексную картину мазохистского конструкта. Другие источники будут привлекаться нами с целью уточнения и проверки гипотез Делеза.

Структура мазохистского конструкта

В работе «Представление Захер-мазоха» Жиль Делез, описывая антропологический факт мазохизма, отталкивается прежде всего от понятия *фантазма*. Мазохистский фантазм – это особая часть внутренней жизни человека, отделенная от всех остальных и замкнутая сама на себя область сознания. Сложность исследования мазохизма состоит в том, что пространство фантазма не просто закодировано сексуальными и художественными образами, оно изолировано от обычного модуля мышления. Сам Делез настаивает на формальном подходе к философскому и психо- анализу фантазма{[8]}, и только «расшифровка» формы фантазма позволяет выявить глубинный смысл этой антропологической формации.

В «Представлении Захер-Мазоха» мы встречаем разделение мазохистского конструкта на личный и безличный элемент. Однако, это разделение кажется нам недостаточным, т.к. оно относится лишь к исследованию языка произведений Мазоха и де Сада.

В структуре мазохистского фантазма, описанной Делезом, мы усматриваем явные аналогии с введенным позднее в работе «Что такое философия?» понятием *концепта*{[9]}.

Нам кажется, что для достижения глубинного понимания принципов формирования и функционирования фантазма, целесообразно выделить *составляющие* мазохистского фантазма. Понятие *составляющей* следует воспринимать как метафору, т.к. четко выраженных структурных взаимоотношений между компонентами фантазма не существует. Составляющая мазохистского фантазма – это некий пласт психической, физической и метафизической жизни человека.

Мы выделяем 4 составляющих фантазма:

1. Фетиш

2. Роль

3. Ритуал

4. Инициация

Говорить о строгой обособленности каждой из составляющих не представляется возможным. Динамика формирования мазохизма сочетает в себе и эволюцию и «блуждание по поверхности» и сверхскоростное расширение, подобное взрыву. Помимо этого, в общую картину мазохизма включаются нечеткие, динамичные, полиморфные коннотации и созвучия.[10]

Попытаемся разобраться, что представляет собой каждая из составляющих фантазма.

1. Фетиш

Мазохизм начинается с фетишизма. Сам Захер-Мазох утверждает, что первые мазохистские переживания овладели им в тот момент, когда в детстве писатель стал свидетелем того, как его тетка избивает своего мужа. Эта сцена столь сильно повлияла на его сознание, что основные атрибуты этой сцены – плётка и меха, стали «фирменным знаком» произведений Мазоха. Действительно, фетишизм, по сути – школа мазохизма, способ сгущения атмосферы страдания, выход в типично мазохистское состояние, которое Александр Дугин называет *abuse*{[11]}. Фетиши обладают огромной властью над психологической жизнью человека, и в случае мазохизма выступают в роли триггера. Мазохистский фантазм начинается и заканчивается фетишем, но этим его роль не исчерпывается. Фетиш – это, прежде всего, метод и техника фантазма. Внутреннее схватывание мазохистом фетиша, его осознание даёт начало мазохизму и по мере формирования фантазма в той или иной степени сопутствует ему. Сама необходимость использования мехов и плётки диктуется искусством подвешивания (*suspens'a*){[12]}. Делез называет *suspens* методом Мазоховской романистики. Искусство подвешивания призвано «очертить» пространство фантазма, зафиксировать в идеальном, эстетизированном, анти-реальном плане участников фантазма. Таким образом, достигается аннулирование реальности и «подвешивание» жестов, героев, мест и предметов: женщина отождествляется с произведением искусства (и фетиш отчасти служит этой цели). Все жесты зафиксированы, никогда не завершаются, фетиш служит для «отрицания реальности удовольствия».

Вся жизнь мазохистского фантазма концентрируется вокруг фетиша. Мазохистская сцена, возникнув в сознании человека первично, вырастает в фантазм, «застывший каскад» сцен, трансформируется, ремоделируется, одно остается неизменным – сам факт наличия фетиша и его роль.

2. Роль

Мазохистские отношения в литературе и жизни всегда подчинены своему ролевому характеру. Роль – это тактика мазохизма. Из *точки* первичной концентрации энергии и смысла (фетиш), от первого «подозрения» о технике и методе мазохизма, фантазм стремится к переходу в *плоскость* фантазмического пространства. Для экспансии и охвата некой территории сознания и реальности, фантазму необ-

ходима собственная тактика. И первым шагом к исполнению фантазма для мазохиста становится отождествление себя с ролью жертвы. Конечная точка этого стремления – приобретение иного онтологического статуса, статуса раба. А раб, в свою очередь, не может существовать без хозяина, в случае Мазоха, оральной матери, «Венеры в мехах». Делез характеризует тактику фантазма следующим образом: «мы наблюдаем жертву, которая ищет себе палача, которой требуется образовать его, убедить его и заключить с ним союз ради исполнения своей удивительнейшей затеи»[[13]].

Роль мазохиста значительно отличается от роли актера. То, что он предписывает себе и своей госпоже, является неотъемлемой частью его стиля мышления, роль мазохиста – это обостренная и гипертрофированная до предела часть сознания, в которой «живет» фантазм, устремление стать рабом позволяет фантазмической части сознания захватить и переконфигурировать всё поле мышления. Сознание как таковое, его рациональная рефлектирующая часть с помощью роли изгоняется. Благодаря роли формируется форпост мазохизма в реальном, наличном мире. Роль выводит мазохиста в безличность, делает его вещью. Но у этой вещи есть одна особенность: мазохист – одухотворенная вещь. В пространстве бес-сознательности и безличности интенсифицируется работа духа, метафизическое движение мазохиста обретает «сверхсветовую» скорость.

Тактика «поиска хозяина» выражает себя не только в смене онтологического статуса, но и в «воспитании» домины. Женщина-мучитель в процессе обучения претерпевает почти те же самые изменения, что и её жертва. Делез пишет: «тип женщины-палача в рамках мазохизма <...> не является ни истинной, ни подложной садисткой, но представляет собой нечто совершенно иное — нечто та-кое, что существенным образом принадлежит к мазохизму и что, не реализуя собой его субъективности, воплощает стихию "истязания [faire-souffrir]" в исключительно мазохистской перспективе»[[14]]. Таким образом, женщина в фантазме обезличивается, становится не *вещью*, но *стихией*, элементом чистой бытийности, а тело её становится не просто *объектом поклонения*, но и – через онтологический статус произведения искусства – чистой *Идеей*[[15]].

Такова тактика фантазма. Так достигается стремящееся к бесконечности инициации ускорение духа.

3. Ритуал

Выше нами был описан процесс развертывания мазохистского фантазма. В измерении ритуала фантазм охватывает собой сознание жертвы и через сознание выходит в реальность, создается некое *пространство* фантазма, которое и есть – ритуал.

Что же это за пространство?

В произведениях Мазоха часто фигурируют зеркала и картины. Эти «окна» в другой, ирреальный мир, сопровождают все перипетии сюжета. Мазохист любит наблюдать *отражение* или *изображение* своей домины. Не только удваивать, но и переносить в зазеркалье, в инвертированный мистический мир

[[16]]. Фантазм всегда противопоставляет себя реальности и активно отвергает оную[[17]]; точнее говоря, отрицается прежде всего реальность сексуального удовольствия. Секс как таковой постоянно отклоняется, «подвешивается», задерживается. То, что ассоциировано с телом-машиной по производству удовольствия приносится в жертву типично Мазоховской «сверхчувственности», пространство ритуала стремится стать областью зазеркального и эстетического пространства. Существует особая точка перехода, «ворота» в ритуал – заключение мазохистского юридического договора, однако, нельзя сказать, что у ритуала есть четкие границы. В той или иной мере, он пронизывает собой всё мазохистское «путешествие духа», являясь – метафорически – матрицей фантазма.

Однако, в структуре ритуала можно выделить ряд ключевых моментов – и не только разделение ритуала на охотничий, земледельческий и ритуал партеногенетического рождения, предлагаемое Делезом. Первый «отблеск» ритуальности и ритуала у Мазоха – «анонимные и полуанонимные письма и объятия» (Делез), которые выступают в роли приманки, ловушки для потенциальной домины. Письма – это прямое вторжение литературы и языка в жизнь. Написанное несет в себе широкий спектр смыслов и значений, будучи не только и не столько виртуальностью (символом), но и реальной онтологической силой. Диалектическое воспитание жертвы тоже можно отнести к ритуальным предуготовительным действиям, сродни подготовки языческого капища к жертвоприношению.

Новая, значительная манифестация ритуала возникает в тот момент, когда обучение домины заканчивается и происходит подписание юридического договора. С этого момента действие фантазма выходит в пределы сознания в реальность, а реальность преобразуется, в свою очередь, в некий эстетический, зазеркальный мир чистой *Идеи*. На этом субстрате в полной мере реализует себя и фетиш и роль. Время останавливается, сексуальность отклоняется и в «застывшем каскаде» сцен начинается подлинная практика мазохизма, искусство *suspens'a*. В момент, когда напряжением *abuse* становится максимальным, происходит итоговый взрыв энергии – инициация. В этом отношении вопрос энергии и тема энергетического взрыва крайне важны, ведь «предаваясь тому или иному извращению, субъект задействует всю (курсив наш – Г.К., И.М.) энергию, которой он располагает»[[18]].

4. Инициация.

Сцена с «третьим» венчает мазохистский фантазм. Во многих произведениях Мазоха напряженность удушья разрешается в итоговой сцене, достигающей, подчас, библейского размаха. К примеру, в произведении «Богоматерь» главный герой принимает мучительную смерть на кресте, в «Венере в мехах» кульминация разворачивается в сцене бичевания, где герой также оказывается распятым.

Эти прямые евангельские аллюзии не случайны. То, что переживает мазохист в апогее фантазма, по своей субъективной важности, энергетической наполненности и степени напряжения во многом пре-

дельно. Реализация мазохистского фантазма приводит к невероятному антропологическому сдвигу – в человеке разрушается то, что психоанализ называет сверх-Я. Мазохист на пределе духовных возможностей переживает непорочное партеногенетическое рождение[[19]]. Это одновременно и метафора воскресения Христа и катарсического перерождения, культовой инициации (Из «Разведенной»: «Ты выдержал испытание, ты – мужчина»). В момент энергетического взрыва инициации происходит распад сверх-Я; в образующейся пустоте происходят разнонаправленные и разнородные психические процессы, исход которых зависит от множества факторов – и результат инициации в итоге непредсказуем.

Такова структура мазохизма, понимаемого в качестве концепта. Так фантазм рождается, разворачивается, организуется и разрешается. Такова его предполагаемая направленность.

Однако, это теоретическое построение «на выходе» предъявляет весьма вариабельные результаты. Концовки произведений Мазоха предлагают множество вариантов разрешения фантазма, ещё шире опыт, предлагаемый нам историей и эзотерикой.

Попытаемся сделать выводы об исходах мазохистского фантазма.

Исходы мазохистского конструкта.

1. Дегуманизация.

Развязка мазохистского фантазма, предложенная Захер-Мазохом в «Венере в мехах» – превращение Северина из жертвы в мучителя – наталкивает нас на мысль о мазохизме как о неудачном опыте. Происходит некий сбой, и растворение мазохиста в безличном разрешается ещё более плотным объединением его с сверх-Я. Перерожденный Северин отождествляет себя с репрессивным отцовским началом. На смену уничтоженной, деконструированной личности мазохиста, приходит личность деспотическая и агрессивная. Сам Северин так подытоживает пережитый опыт: «... кто позволяет себя хлестать, тот заслуживает того, чтобы его хлестали. Мне эти удары послужили, как видишь, на пользу: в моей душе рассеялся розовый сверхчувственный туман, и теперь никому никогда не удастся заставить меня принять священных обезьян Бенареса или петуха Платона за подобие Божие»[[20]]. Договор с дьяволом сменяется одержимостью, но не совсем в Делезовском смысле: в личность Северина происходит обострение агрессивности, он уходит в кокон апатической самозащиты и жестокости. Его едва ли можно назвать садистом хотя бы потому, что его насилие не имеет связи с удовольствием и сладострастием. Опыт, полученный Северином – психологическая травма, нарушившая целостность личности, проваленный эксперимент перерождения.

Жиль Делез приписывает причину неудачи домине, которая не может удерживать себя в жестких рамках роли «чистой стихии»: «героиня никогда не бывает уверена в своей способности придерживаться навязанной ей мазохистом роли и предчувствует, что в любой момент ей угрожает опасность либо

отпасть в первобытный гетеризм, либо опрокинуться в конечный садизм. Так, в "Разведенной" Анна объявляет себя слишком слабой, слишком капризной — капризы гетеры — для того, что-бы осуществить идеал Юлиана. А Ванда в "Венере" становится садисткой лишь в силу того, что не может больше придерживаться навязанной ей Северином роли ("Вы сами задушили мое чувство своей фантастической преданностью, своей безумной страстью...")»[[21]]

Так разрешается «классический» мазохистский фантазм. Попытаемся проследить другие исходы мазохистских конструктов.

2. Перерождение. Обожение.

Мазохистский опыт неразрывно связан с опытом религиозной мистики. Аскетические техники по своей структуре во многом сходны с описанной нами моделью. К примеру, в работе архимандрита Георгия «Обожение как смысл человеческой жизни» находит яркое выражение мазохистская тема. Вот один из брутальных пассажей: «И Святые Отцы повторяли: "Даждь кровь и приими Дух". Иными словами, мы не примем Святого Духа, если наше сердце не *прольет кровь* (курсив наш – Г.К., И.М.) в борьбе за очищение от страстей, в борьбе за покаяние подлинное и глубокое, за приобретение внутренних христианских добродетелей»[[22]]. В главе, описывающей условия обожения, появляется тема смирения, подчинения себя воле хозяина: «Вообще говоря, послушание духовному отцу - очень существенная сторона духовной жизни, благодаря которой мы приобретаем церковный дух мученичества во Христе, и которая делает законным наше подвижничество, призванное возвести нас в единение с Богом»[[23]].

Подобные рассуждения попадают и в «Философской антропологии» Карлоса Вальверде [[24]]: «Но страдание имеет настолько личный характер, что убеждает нас: каждый должен жить, сознавая свою ответственность за собственную уникальность. В последнем счете каждый остается наедине с Бытием, то есть с Богом» и далее, рассуждение о Гегеле: «Гегель, можно сказать, символизирует человеческое страдание в том, что он называет «несчастливым сознанием» («Феноменология духа»). Это сознание, разорванное и раздвоенное, ибо оно ищет свой объект только в том, что находится в недостижимой дали; по сути, это сознание раба, которое отражает его жажду слиться с хозяином в абсолютном совершенстве».

Тема отречения от Я пронизывает религиозную и мистическую литературу. Такое описание мистического опыта мы встречаем у Плотина: «Бывает же сам он тогда в состоянии такого объединения, самососредоточения, в котором не сознает никакого различия ни в себе самом, ни по отношению ко всему другому. В этом его экзальтированном состоянии никакая душевная деятельность себя не проявляет: ни гнев, ни желание, ни рассудок, ни даже мышление. Можно сказать, что он тут и сам весь как бы исчезает, ибо восхищенный и исступленный, очутившись в полном уединении от всего и в совершенной тишине, погружившись всецело в глубину собственного существа, не обращая внимания ни на что другое, даже на самого себя, он словно столбенеет,

весь обращается в полный, чистый покой»{[25]}.

Таким образом, мы можем усмотреть явные аналогии между некоторыми религиозными текстами и мазохистским концептом и констатировать мистический религиозный опыт как опыт мазохистского переживания. То, что православная религиозная традиция называет «обожением», сопоставимо с «партеногенетическим рождением». Значит, обожение, в отличие от «неудачных опытов» романов Захер-Мазоха, можно считать удачной реализацией сверхзадачи мазохизма. Приверженность страданиям, подчинение воле духовного отца и отказ от личности выливается в «перерождение во Христе», партеногенетическое рождение, обретение святости.

3. Со-идентификация.

Обожение – не единственный исход инициации, который можно усмотреть в рамках духовной литературы. Другим вариантом развития событий может быть перерождение индивида в безличности. Мазохист, подвергаясь воздействию abuse устраняет, отклоняет собственную личность. И ситуация может разрешиться таким образом, что по прошествии инициатического «взрыва» происходит *партеногенетическое мертворождение*. Сознание индивида размывается, он сливается с неким коллективным разумом, который в православной религиозной традицией отождествляется с церковью. «Современный толковый словарь»{[26]} дает следующее определение соборности: «Рассматривая соборность как специфическое достояние православной традиции (соборность как совокупный разум "церковного народа" в отличие от религиозного индивидуализма протестантизма и авторитаризма папы в римско-католической церкви), А. С. Хомяков истолковывал ее [соборность] как общий принцип устройства бытия, характеризующий множество, собранное силой любви в "свободное и органическое единство" (в социальной философии наибольшее приближение к этому принципу усматривалось в крестьянской общине)». В свете подобного определения пристрастие Захер-Мазоха к описанию религиозных сект раскрывает в себе новые грани.

Сознание мазохиста, утратившего личность, смыкается с сознанием ему подобных, образуя некий вариант духовного единения, самоидентификация подменяется со-идентификацией. В поле коллективного разума налаживается циркуляция монотонных идейных потоков, бесконечная репликация «первичной» идеи, воспринятой под воздействием abuse. Вновь обратимся к показательному тексту архимандрита Георгия: «И наконец, в Церкви мы участвуем в общении святых, узнаём радость единства во Христе. То есть мы перестаём быть отдельными Её членами, а становимся единым целым, живым организмом в братском единении не только друг с другом, но и со всеми святыми Божиими - как живущими ныне на земле, так и уже отшедшими»{[27]}.

В поле коллективного разума, создаваемого церковью, размываются границы между живым и мертвым. Со-идентификация подразумевает участие не только живых, но и мертвых – ещё одна возможность «помыслить Танатос». Соборное существование

происходит в пределах взаимопроникновения Эроса («божественного эроса») и Танатоса (культ мертвых).

Однако религиозность – не единственный метод подключения к со-идентификации. Романы антиутопии предлагают свой взгляд на мазохистский опыт. Все антиутопии основаны на одном и том же принципе- противопоставлении критически мыслящего героя безмолвному большинству «народных масс» и системе репрессий власти. С позиций мазохизма состояние народных масс можно описать, как перманентный abuse, а «декорации», в которых разворачивается действие романа имеют много структурных сходств с мазохистским конструктом. В свою очередь, роман-антиутопия сохраняет некую преемственность в отношении реально существующих социальных и политических репрессивных машин и опыт, запечатленный в литературе можно считать в определенной степени эквивалентным реальному историческому опыту.

Действительно, в репрессивно организованном обществе каждый испытывает непрекращающееся давление унижения со стороны госаппарата. «Массы» не подвергают импульсы власти критическому осмыслению и становятся страдательным, мазохистским элементом. Постоянный abuse сначала размывает границы личности, а затем и вовсе её разрушает, подменяя самоидентификацию со-идентификацией. Процесс аналогичен описанной выше соборности: место духовного отца занимает Вождь и Партия, пространство фантазма – идеологическим коконом, формируемым вокруг субъекта.

Таким образом, перерождение в коллективном разуме можно представить как опыт пожизненного «застывания» в пространстве традиции (ритуала).

4. Зомбификация.

Другим, наиболее экстремальным опытом унижения, является опыт узника концентрационного лагеря. Сама специфика этого репрессивного пространства предлагает выбор между опытом предельного унижения и физической смертью.

Обратимся к писанию психологии узника концлагеря, предложенному психологом Бруно Беттельхеймом.{[28]} В описании отчетливо выступают выделенные нами структуры. «Заклученный – пишет Беттельхейм. – тем более должен как-то справляться со своей агрессивностью, и один из самых безопасных способов – обратить её на самого себя. При этом усиливаются мазохистские, пассивно-зависимые, детские стереотипы поведения»{[29]}.

Атмосфера abuse и концлагере настолько насыщена и отлична от других описанных нами вариантов, что результат инициации тоже крайне необычен.

Выделим опорные точки совпадения с мазохистским конструктом. В лагерной жизни часто фигурировало наказание розгами, постоянно существовала угроза этого наказания, но оно крайне редко приводилось в действие – не только отсылка к фетишу (вспомним и необычный фетишистский «дизайн» нацистской военной формы), но тот же *suspens*, «застывший каскад» сцен, незавершенность и запаздывание реализации жеста.

Суровые лагерные условия требовали от заклю-

ченных «усреднения», слияния с толпой. Отказ от индивидуальных черт. Подмена имён номерами, подмена одного заключенного другим на работе и при исполнении наказаний – всеобщая анонимность. Беттельхейм относит такой вариант поведения к опыту обезличивания: «Анонимность была способом борьбы с лагерными опасностями. Но она же означала, что человек сознательно старается избавиться от своей индивидуальности и инициативности» [30]. Обезличенный заключенный подвергается постоянным унижительным переживаниям, страху, угрозам, и наконец – жестоким пыткам. В этом фантазмическом пространстве, сотканном из лагерных слухов и небылиц, постоянной смены условий труда, законов существования приводила к «срыву» сознания и размыванию границ между реальным и иллюзорным [31]. В этой искаженной реальности происходила трансформация образа надзирателя: в пространстве фантазма он превращался из конкретного человека, «фашиста» в безличный элемент, несущий в себе заряд чистого Танатоса, в абсолютное Зло. Беттельхейм пишет по этому поводу: «Они [заключенные] приписывали им всё, что считалось злом, делая, таким образом, СС ещё более могущественной и устрашающей. Такой «перенос» мешал заключенным хоть в какой-то степени видеть в эсэсовцах реальных людей; они становились воплощением чистого зла» [32]. Чистый Танатос «заражал» заключенных, превращая их в ходячие трупы, которых называли мусульманами. «Процесс превращения мусульман бы достаточно нагляден. Вначале человек переставал действовать по своей воле. <...> На данной стадии такие люди ещё подчинялись приказам, но слепо и автоматически, без избирательности и внутренних оговорок, без ненависти к издевательствам. Они ещё смотрели по сторонам, по крайней мере, «двигали глазами». Смотреть прекращали много позже, хотя и тогда продолжали двигаться по приказу, но уже никогда не делали ничего по своей воле. Прекращение собственных действий, как правило, совпадало по времени с тем, что они переставали поднимать ноги при ходьбе – получалась характерная шаркающая походка. Наконец, они переставали смотреть вокруг и вскоре наступала смерть» [33].

Таким образом, превращение в «мусульманина» представляет собой постепенное, мучительное поглощение личности чистым Танатосом, приводящее к физической смерти.

5. Смерть.

Не следует упускать из виду этот предельный исход мазохистского фантазма. Физическая смерть может наступить в любое время, не только в развязке, как, к примеру в «Мардоне» или в случае смерти «мусульманина». Мазохистский опыт самоистязания настолько опасен, что любое «злоупотребление» в этой сфере может сказаться фатально.

Подведем итоги: мы выяснили, что мазохистский конструкт является одним из наиболее распространенным механизмов духовной инициации, и встраивается в различные цивилизации в различных сферах и на разных уровнях. Мы уточнили описание

мазохистского фантазма, предложенное Делезом и выявили явное сходство с предложенным Делезом гораздо позже понятием концепта. Мазохистский фантазм функционирует как концепт и имеет следующие составляющие: фетиш, роль, ритуал и инициацию. Эти ключевые компоненты, отличающие фантазм от других психофизических конструкций, помогли нам выявить мазохизм во многих сферах человеческой жизни и предположить исходы мазохистской инициации, такие как дегуманизация, обожение, социальная идентификация, зомбификация и физическая смерть.

Примечания:

{[1]} Крафт-Эббинг Р. Половая психопатия. - М.: Республика - 1996. – с. 323.

{[2]} Полубояринова Л. «Венера в мехах и ее автор» // Венера в мехах: роман / пер. с нем. А. Гараджи. – Спб.: Азбука-классика, 2004. – с. 7.

{[3]} Делез Ж. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 193.

{[4]} Делез Ж. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 309.

{[5]} Парамонов Б. С коня на танк. // Радио «Свобода» - URL: {http://archive.svoboda.org/programs/rq/2002/rq.052402.asp}

{[6]} Дугин Александр. Мазохизм и инициация. // Арктогея – философский портал. URL: {http://arctogea.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=229}

{[7]} Коуэн Лин. Мазохизм: юнгианский взгляд. М.: Когито-Центр, 2005. – с. 56-57

{[8]} «Содержательные определения мазохизма, исходящие из комплекса удовольствие-боль, недостаточны: они, как сказали бы логики, лишь номинальны, они не показывают возможности того, что определяют, возможности результата. <...> Суть мазохизма только в форме.» - Делез Ж. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 254.

{[9]} Подробнее см. Делез Жиль, Гваттари Феликс. Что такое философия? М.: Издательство «АЛТЕИЯ», 1998 – с. 25-48

{[10]} «Концепт определяется как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью» - Делез Жиль, Гваттари Феликс. Что такое философия? - с. 33; «Дело в том, что каждая отличная от других составляющая частично перекрывается какой-то другой, имеет с нею зону соседства, порог неразличимости <...> Составляющие остаются различны, но от одной к другой нечто переходит, между ними есть нечто неразрешимое; существует область *ab*, принадлежащая сразу и *a* и *b*, область, где *a* и *b* "становятся" неразличимы» - Делез Жиль, Гваттари Феликс. Что такое философия? – с. 30-31

{[11]} «Abuse, в широком смысле, это всякое активное и наглядное противодействие извне человеческим индивидуальным претензиям» - Дугин Александр. Мазохизм и инициация.

{[12]} «Таким образом, фетиш — вовсе не символ, но как бы некий зафиксированный и застывший план, задержанный, схваченный образ, фотография,

к которой постоянно возвращаются с целью отвратить досадные последствия движения и нежеланные открытия: он представляет собой последний момент, в который еще можно было верить... В этом смысле фетишизм оказыва-ется, во-первых, отклонением (нет, женщина не испыты-ывает нехватки в пенисе); во-вторых, оборонительной нейтрализацией (ибо, в противоположность тому, что происходит при негации, сознание реальной ситуации полностью сохраняется, хотя в данном случае она ока-зывается некоторым образом подвешена, нейтрализова-на) ; в-третьих, защитной, идеализирующей нейтрализацией (ибо сама вера в женский фаллос, со своей сторо-ны, воспринимается причастной правам идеа-ла перед реальным: она нейтрализуется или подвешивается в идеале, чтобы тем вернее аннулировать тот ущерб, ко-торый могло бы ей нанести знание реальности)». - Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). – с. 207-208.

{[13]} Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 197

{[14]} Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 219-220

{[15]} У Делёза: «От тела к произведению искусства, от произведения искусства к Идеям — таковы ступени восхождения, которое надлежит проделывать под ударами хлыста». Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 198-199.

{[16]} С позиций «русской темы» этот факт обрета-ет новое значение – вспомним фольклорные пред-ставления о загробном мире, как мире переверну-том: древний обычай хоронить мертвеца в одежде, вывернутой наизнанку, вынос гроба «ногами впе-ред» и др. – Г. К. , И.К.

{[17]} «Обоснован-ность реального оспаривается с целью выявить какое-то чистое, идеальное основа-ние: подобная операция полно-стью соотнобразуется с юридическим духом мазохизма.» Делез Жиль. Пред-ставление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 207

{[18]} Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 223

{[19]} «В Каине и Христе Мазох выражает конечную цель всего своего труда; и Христос — не Сын Божий, но новый Человек, в котором отцеподобие упраздне-но, "Человек на кресте, без половой любви, без собственно-сти, без отчизны, без воинственности, без труда..."» - Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 280

{[20]} Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах: роман / Пер. с нем. А. Гараджи. – Спб.: Азбука-классика, 2004. – с. 188.

{[21]} Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). С. 228

{[22]} Архимандрит Георгий. «Обожение как смысл человеческой жизни»// Общество святителя Иоасафа - URL : {http://st-jhouse.narod.ru/biblio/texts.htm}

{[23]} Там же.

{[24]} Карлос Вальверде ФИЛОСОФСКО-АНТРО-ПОЛОГИЯ Пер. с испанского — Г. Вдовина Москва, «Христианская Россия», 2000. – с. 128.

{[25]} Плотин, Эннеады, 6.9.9 – с. 420.

{[26]} Современный толковый словарь, Москва,

"Большая Советская Энциклопедия", 1997 г. – с. 341
{[27]} Архимандрит Георгий. «Обожение как смысл человеческой жизни»// Общество святителя Иоасафа - URL : {http://st-jhouse.narod.ru/biblio/texts.htm}

{[28]} Беттельхейм Бруно. Люди в концлагере. // Психология господства и подчинения: Хрестоматия / Сост. А.Г. Чернявская. – Мн.: Харвест, 1998. – с. 157-281

{[29]} Беттельхейм Бруно. Люди в концлагере. – с. 165.

{[30]} Там же – с.201.

{[31]} «Склонность старых заключенных к мечтам уже упоминалась. Добавлю, что они витали в мечтах почти беспрерывно, стараясь уйти от угнетающей действительности. Беда заключалась в том, что за-частую они теряли грань между мечтой и реально-стью» - Там же – с.193

{[32]} Там же. – с. 213.

{[33]} Там же. – с. 172.

Список использованной литературы:

1. Архимандрит Георгий. «Обожение как смысл че-ловеческой жизни»// Общество святителя Иоасафа - URL : {http://st-jhouse.narod.ru/biblio/texts.htm}
2. Беттельхейм Бруно. Люди в концлагере. // Психология господства и подчинения: Хрестоматия / Сост. А.Г. Чернявская. – Мн.: Харвест, 1998. – 560 с.
3. Делез Жиль, Гваттари Феликс. Что такое филосо-фия? М.: Издательство «АЛТЕИЯ», 1998
4. Делез Жиль. Представление Захер-Мазоха (холодное и жестокое). // Венера в мехах. Л. фон Захер-Мазох. Венера в мехах. Ж. Делез. Пред-ставление Захер-Мазоха. З. Фрейд. Работы о мазохизме. Пер. с нем. И франц. – М.: РИК «Культура», 1992. – 380 с.
5. Дугин Александр. Мазохизм и инициация. // Арк-тогея – философский портал. URL: {http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=229}
6. Захер-Мазох Л. фон. Венера в мехах: роман / Пер. с нем. А. Гараджи. – Спб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.
7. Карлос Вальверде Философская антропология. Пер. с испанского - Г. Вдовина Москва, «Христианская Россия», 2000.
8. Коуэн Лин. Мазохизм: юнгианский взгляд. М.: Когито-Центр, 2005. – 159 с.
9. Крафт-Эббинг Р. Половая психопатия. - М.: Рес-публика - 1996.
- 10.Парамонов Б. С коня на танк. // Радио «Свобода» - URL: {http://archive.svoboda.org/programs/rq/2002/rq.052402.asp}
- 11.Плотин, Эннеады, К.: "УЦИММ-ПРЕСС", 1995-1996 - 475 с.
- 12.Полубояринова Л. «Венера в мехах и ее автор» // Венера в мехах: роман / пер. с нем. А. Гарад-жи. – Спб.: Азбука-классика, 2004. – 224 с.

Об авторах

Александр Дельфинов

(Смирнов Александр Александрович)

Родился 30 сентября 1971 года в Москве.

Образование историко-филологическое незаконченное высшее: РГГУ (Москва), Рурский университет (Бохум), Венский университет, Университет имени Гумбольдта (Берлин).

Профессия: текстовик.

С 1996 года сотрудничал с различными СМИ, среди прочего «Птюч», Playboy, «Коммерсант-Власть», «Эксперт», Deutsche Welle, BBC.

В России изданы DIY-поэтический сборник «Веселые нечеловечки» (Москва, 2000), книга стихотворений «Анестезия 2084» (Москва, «Мама-пресс», 2002). Стихи и поэтические переводы изредка публиковались в журналах Urbi (Нижний Новгород), «Новая Юность» (Москва), «Арион» (Москва) и некоторых других. Рассказы и арт-тексты публиковались в интернете на сайтах «Топос», TextOnly, 007-berlin и некоторых других.

С 2001 года место основного проживания — Берлин, Германия. С 2004 года участвовал в многочисленных поэтри-слэмах на немецком языке. В 2007 году — победитель Die Internationale SLAM!Revue на Международном берлинском литературном фестивале. Организатор и модератор русскоязычных поэтри-слэмов в Берлине, поэтических перформансов и независимых культурных программ.

Александр Гальпер

Александр Гальпер родился в Киеве в 1971 и живет в Нью-Йорке с 1990 года. После окончания Бруклин-колледжа по факультету литературы работал продавцом сантехники, программистом, водителем скорой, таксистом и сейчас социальный работник. Писать прозу и поэзию на английском начал еще в колледже. В конце 90-х после прочтения Джойса "Улисс" вернулся к творчеству на родном языке. Публиковался в эмигрантской прессе. Много гастролирует. Выступал со стихами и короткой прозой в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Смоленске, Киеве, Минске, Берлине. На английском регулярно читает в Лондоне, Нью-Йорке и Сан Франциско. Публикуется на русском и в переводах на английский во многих интернетных и бумажных изданиях.

В нью-йоркском издательстве Кожа-Пресс вышли сборники стихов "Рыбный День"(2003) и "Антидепрессанты"(2006). В результате сотрудничества с художником Иваном Горшковым в Воронеже были изданы комиксы "Трубка" (2006) и иллюстрированный сборник стихов "Синий Мяч"(2007).

Андрей Коровин

Поэт, критик. Родился в Тульской области. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М.Горького. Участник поэтического объединения ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз). Автор трёх поэтических книг, публиковался в журналах Дании, Германии, России, США, Украины. Лауреат премий журналов поэзии "Дети Ра" (2006) и "Футурум АРТ" (2008). Ответственный секретарь журнала "Современная поэзия". Живёт в Москве.

Олег Разумовский

Олег Разумовский родился в Смоленске. Служил в морфлоте. Закончил иняз. Работает переводчиком в издательстве АСТ. Участвовал в культовых проектах: Третья модернизация, Митин журнал, Черновик и др. В 2007 вышла книга RAZUMBUNT, в 2008 – ТРОПА ХОШЕМИНА.

Света Литвак (svetalitvak) родилась в г. Коврове в 1959 г.. Окончила Ивановское художественное училище в 1981г.. С 1982 живёт в Москве. Дольше всего, больше года, работала в Центральном Академическом Театре Советской Армии художником-декоратором (с 1982 г) Автор поэтических книг: «Разноцветные проказники» (92), «Песни ученика» (94), «Книга называется» (07), а также прозаической «Моё путешествие на Восток» (98), книги эротической прозы и поэзии «Это – любовь» (02). Автор журналов «Знамя», «Арион», «Сельская молодёжь», «ПО» (журнал Поэтов), «Дети Ра», «Футурум Арт», «Наша улица», «Чистая линия», «Лехаим», АКТ (СПб), «СЛОВОЛОВ» (СПб), «Сельская жизнь» (СПб), «Читаль» (Пенза), «Летопис матице српске» (Нови Сад, Сербия), «Zlatna greda» (Novi Sad, Сербия), «Trag» (Vrbas, Сербия), «ULAZNICA» (Zrenjanin, Сербия), в информационном бюллетене «КУБИКИ БУКВ» (Тула). Публиковалась в газетах «Гуманитарный фонд», «Цирк «Олимп»» (Арена), «Независимая газета» и др. Сборники стихов: «Поэты в поддержку Григория Явлинского», «Верлибр нового тысячелетия: стихи участников фестиваля.» (Тверь), «То самое электричество. По следам XIII Российского фестиваля верлибра.». Антологии: «Самиздат века», «Crossing centuries» (USA), «Антология русского палиндрома», "Russian Women Poets" (London), «ПОЭТИКА ИСКАНИЙ ИЛИ ПОИСК ПОЭТИКИ», «Московская муза XVII – XXI», "Russian Women Poets" (USA), «Современная литература народов России», «НОВАЯ АНТОЛОГИЯ ПАЛИНДРОМА». Ряд публикаций в сетевых изданиях. Издатель литературно-художественного журнала при Зверевском центре современного искусства. Участник литературно-художественных фестивалей в Москве, Санкт-

Петербурге, Костроме, Смоленске, Самаре, Коврове, Саратове, Твери, Нижнем Новгороде, Запорожье (Украина), Тарту (Эстония), Сенте (Сербия), Яссы (Румыния).

Вместе с Николаем Байтовым - организатор акционной программы «Клуб литературного перформанса», отмеченной Соросовским грантом 1998 года.

Лауреат Международной отметины им. Отца русского футуризма Давида Давидовича Бурлюка – в мае 2004 года.

Лауреат премии Asociatia culturala "FEED BACK", INTERNATIONAL FESTIVAL OF NEO-AVANT-GARDE, 2nd edition, taking place in Iași, between 4-8 June, 2008 (Румыния) for performance neoavangardist Sveta Litvak

Дмитрий Гайдук

Родился 20 марта 1964 года в Днепропетровске) — публицист, писатель, сказочник, собиратель русскоязычного растаманского фольклора. Известен, в частности, как автор «Растаманских сказок» и «Энциклопедии конопля».

Учился в Харьковском университете на факультете иностранных языков (немецкий язык), 1987—1998 жил в Полтаве, затем в Москве. С 1992 года работал переводчиком, редактором, составителем энциклопедий в издательствах «Миф» (Москва), «София» (Киев) и «Ультра.Культура» (Москва), музыкальным рецензентом на Ozon.ru и www.drj.ru.

Основные работы: «Мистики XX века», «Энциклопедия суеверий», «Энциклопедия предсказаний», «Энциклопедия конопля» (не издана), «Магия в теории и на практике» Алистера Кроули (перевод, предисловие, комментарии).

Проект «Растаманские народные сказки» существует с октября 1995 года, посвящён собиранию и обработке фольклора потребителей конопля. Сборники растаманских сказок издаются с 1998 года, наиболее известные издания — «Растаманские народные сказки» (Ростов, Феникс, 2000) и «Растаманские сказки и всё такое» (М., «Ультра. Культура», 2005). Интернет-сайт проекта (rastaman.tales.ru) открылся в январе 1999 г. и является одним из старейших литературных проектов в Рунете. С 2001 года издаются также аудиоверсии растаманских сказок в исполнении Дмитрия Гайдук с музыкальным сопровождением (DJ Kayla Cariapadas, DJ Голландец и др.) — этот жанр идентичен англоязычному «spoken word». Гайдук регулярно гастролирует с выступлениями по городам России, Украины и других стран.

Параллельные проекты: «Джа-Будда и его джатаки» (начат в 1997, издан М., «Кайя», 2004; «Конопляные Джунгли» (1999—2000) — одна из первых оплачиваемых регулярных авторских колонок в Рунете, выходила на сайте High.Ru (материалы изданы М., «Кайя», 2004); «Цивильные сказки» (начат в 1992 году, издан в сборнике «Растаманские сказки и всё такое», М., «Ультра. Культура», 2005), «Сказки народов мира» и др.

Кроме того: пьесы («Сцены из Ветхого Завета» (1997, премия «Тенета-98»), философская эссеистика («Фаллософия» (1996, 1999) и др.).

Валерий Нугатов

Родился в 1972 году. Поэт, переводчик и арт-хулиган. Книги стихов: «fAKE» (2009), «Фриланс» (2006), «Недобрая муза» (2000). Организатор ктулхуистского поэтического фестиваля (2006) и поэтической оргии «В постели с Нугатовым» (2006). Адепт каннибализма.

Бычков Андрей Станиславович

Писатель, сценарист, защитил диссертацию по физике элементарных частиц. Автор 6-ти книг прозы в России и 3-х на Западе (Франция, Бельгия, Югославия). Рассказы переводились и печатались также в журналах и альманахах Германии, Испании, США, Югославии, Венгрии, Китая, Франции и Бельгии. Книга «Дипендра» (2004) – лидер издательства по числу опубликованных на нее рецензий, номинировалась на премию Андрея Белого. Пьеса «Репертуар» участник Международного фестиваля IWP (USA), поставлена на Бродвее («NYTW», 2001). Бычков - лауреат премии русской литературы в Интернете «Тенета- 1999», премии «Бродячая собака» Клуба литературного перформанса Зверевского центра современного искусства (2009), финалист премии «Антибукер-2000», лауреат Специального приза Международного ялтинского кинорынка, Приза Эйзенштейна немецкой фирмы "Гемини-фильм" и Гильдии сценаристов России. Фильм «Нанкинский пейзаж», снятый режиссером Валерием Рубинчиком по его сценарию, удостоен трех международных наград. Учредитель премии «Звездный фаллос».

Эдуард Кулемин

Родился в Ярославле в 1960 году. Окончил Московский энергетический институт. Художник, поэт, инициатор ряда арт-проектов. Вдохновитель и организатор разнообразных коммуникативно-творческих образований (КЭПНОС, Группа Неизвестных Художников, Ассоциация Проклятых Поэтов и др.). Участник многих художественных выставок и фестивалей (Россия, Германия, Норвегия, Бельгия, Франция, Италия, США, Канада и др.). Автор книг: "Кажется, состоялось" (1991), "Однохуйственный Улисс" (1994), "Искусственным путем" (1998), "Мультиматум" (2002). Имеет публикации в России и за рубежом: "Митин журнал" (С.Петербург), "Черновик" (Нью-Йорк), «Лимонка» (Москва), «Завтра» (Москва), "Гуманитарный фонд" (Москва), "Смоленский край"(Смоленск), «Читарь» (Пенза), ежемесячник Зверевского ЦСИ

(Москва), «Другие» (Москва), «Топос» (интернет-издание), «Другое полушарие» (интернет-издание), Cool-Strip-Art-Antology (Македония), Risvolti (Италия). Включен в антологии: Crossing Centuries: The New Generation In Russian Poetry (США), «Нестоличная литература» (Москва). Имеет страницы на сайтах Стихи.ru и Проза.ru.

Михаил Наумович Эпштейн

Философ, филолог, культуролог, литературовед, эссеист, заслуженный профессор теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта). Член российского Пен-клуба и Академии российской современной словесности.

М. Эпштейн родился в Москве в 1950 г. В 1972 г. закончил филологический факультет МГУ, с 1978 г. - член Союза писателей. Его статьи по вопросам литературы и теории печатались в "Новом мире", "Знамени", "Звезде", "Октябре", "Вопросах литературы", "Вопросах философии", "Вопросах языкознания", "Новом литературном обозрении" и других литературных и теоретических журналах. Автор свыше 20 книг и более 500 статей и эссе, переведенных на 15 иностранных языках.

В 1970-е годы участвовал в работе сектора теоретических проблем Института мировой литературы (Москва) и преподавал литературу в московских вузах.

В 1980-е годы - основатель и руководитель междисциплинарных объединений московской гуманитарной интеллигенции: "Клуб эссеистов", "Образ и мысль" и "Лаборатория современной культуры".

С 1990 г. живет и работает в США. Профессор университета Эмори с 1990 г.

В 1990-91 гг. стипендиат Института Кеннана в Вашингтоне, выполняет исследование по теме "Советский идеологический язык".

В 1992-94 гг., по контракту с Национальным советом по советским и восточноевропейским исследованиям (США, Вашингтон), работает над исследованием "Философская и гуманитарная мысль в России, 1950-91".

В 2002-03 гг. - стипендиат Центра гуманитарных исследований (университет Эмори), работает над проектом "Футурология гуманитарных наук: Парадигмальные сдвиги и новые концепты".

Соредактор журналов "[Symposion. A Journal of Russian Thought](#)" (США, 1996-2001) и "[Берег будущих. Техно-гуманитарный вестник](#)" (2000-2003), книжной серии "Тела мысли" (изд. Алетейя, СПб); член редколлегии журналов "[Common Knowledge](#)" (США) и "[Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge](#)" (США).

Лауреат премий:

Андрея Белого, по разделу гуманитарных исследований (СПб., 1991);

Института социальных изобретений (Лондон) за электронный Банк новых идей (1995);

журнала "Звезда" (за лучшие публикации 1999);

"Liberty", за вклад в русско-американскую культуру и развитие культурных связей между Россией и США" (Нью-Йорк, 2000; присуждается с 1999 г.);

призер международного конкурса эссеистики (Берлин-Веймар, 1999) и стипендиат Фонда веймарской классики (2000).

Автор сетевых проектов и сайтов:

[ИнтелНет](#) (с 1995 г.)

[Виртуальная библиотека Михаила Эпштейна](#) (проекты, книги, статьи, интервью)

[Дар слова. Еженедельный лексикон](#) (с 2000 г.) и др.

Нилогов Алексей Сергеевич

(род. 1981) – современный русский философ, специализирующийся на философии (анти)языка.

В 2003 году закончил филологический факультет Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Автор трёх пособий по лингвистике и литературоведению.

В 2004–2007 годах получал второе высшее образование на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. С 2008 года – аспирант кафедры культурологии и менеджмента в культуре ГУУ.

Организатор проекта «Современная русская философия», в рамках которого в 2007 году вышел первый том книги «Кто сегодня делает философию в России».

В настоящее время Алексей Нилогов является внештатным корреспондентом литературного приложения «Ex libris» в «Независимой газете».

Готовит к изданию второй том книги о современной русской философии.

Глеб Коломиец

Поэт. Родился в 1986 году в городе Туле. Творческую деятельность начал с 2003 года. Сотрудничал в качестве автора текстов в музыкальных коллективах «эФтаназия» (punk, г. Тула) и «Melcor» (melodic blackdeath, г. Тула). Автор научных работ по нормальной анатомии человека и истории России. Имеет публикации в изданиях «Топос», «SSMA-express», «По свету идущие», «Проба пера», «Мужской разговор», «Я.Д.Ы.», на сайтах radonki.org, udaff.com, litprom.ru. Основатель одного из языческих капищ Смоленска.

Участвовал в организации литературной студии и журнала «Слова». Работал: сторожем, дворником, переводчиком, компьютерным мастером, младшим научным сотрудником, санитаром, медбратором и др. Ныне студент Смоленской медицинской академии.

Постоянный автор журнала.

Олег Лукошин

Родился в 1974 году в Горьковской области. Живу в Татарстане, в городе Нижнекамске. Пишу с раннего детства, автор романов, повестей, рассказов. Печатался в журналах "Урал" (Екатеринбург), "Бельские просторы" (Уфа), "FloriDa" (США), сборниках молодёжной прозы. В Интернете публикуюсь в основном на культурных ресурсах.

Владимир Балясников

Родился в 1984 году, в городе Нижневартовске, в старших классах успел поиграть в нескольких панк группах. На почве увлечения панк-музыкой проявил интерес к дизайну, коллажу, изобразительному искусству, фотографии. В 2004 году стал лауреатом международного конкурса социальной фотографии проводимым германской организацией Theodor Heuss Kolleg. С 2003 занимается журналистикой, некоторое время проработал пресс-секретарём тульского отделения НБП. В 2006 году защитился в Тульском государственном университете по теме «Религиозные мотивы в пейзажах школы Куинджи», получил диплом по специальности «Изобразительное искусство». С 2006 года участвует в музыкальном экспериментальном проекте «Pseudo Stereo» и проекте «Оркестр одиноких мелодистов Тулы».

Владимир Королев

Родился в 1953 году. В профессиональной журналистике с 1975 года. Член союза журналистов с 1977 года. 1975-1979 – корреспондент, заведующий отделом в молодежной газете «Смена», 1979-1993 – корреспондент, заведующий отделом, заместитель редактора в газете «Рабочий путь». 1993-1995 – председатель Смоленского областного комитета по СМИ и полиграфии. 1995-2004 – собственный корреспондент РИА «Новости» в Смоленске. С 2004 года собственный корреспондент «Медицинской Газеты» по Смоленской области. Получил золотую медаль ВВЦ РФ на выставке «Пресса – 2000». Автор очерков о знаменитых смолянах. Член редколлегии журнала «Смоленская дорога», председатель Смоленской областной организации Союза Журналистов РФ.

Владимир Марков

Поэт, художник и драматург Владимир Марков скоропостижно скончался в 1999 г. Начинал свою творческую деятельность в конце 80-х гг. В 1992 г. участвовал во 2 Международном фестивале современного искусства в Смоленске, где, на поэтических чтениях занял первое место. В начале 1993 г., в Москве участвовал в леворадикальной художественной выставке в Центре современного искусства – «Война продолжается». Его работа – «Возникновение ненужного» получила самые лучшие отзывы критиков. Затем, в 90-х гг. участвовал в различных поэтических и художественных акциях, выставках в гг. Москве и Смоленске. Сотрудничал с левым журналом – «Радек», с анархорадикальным движением «ЗАИБИ», радикальной арт-группой – «Слепые». В настоящее время хранителем его творческого наследия является его ближайший родственник историк-краевед Владимир Марков. С его согласия и публикуется данная пьеса.

Кира Комаров (Kira Comaroff)

Дата рождения: ANNO III: XVI Sun in 11° Leo Moon in 26° Cancer (4.VIII. 1986 e.v.). Тула.

Много лет ведёт социопатическую подрывную жизнедеятельность, нарушая самим фактом своего существования моральные эстетические и нравственные устои общества. Не женат – есть сын. На его счету много перформансов и хэппенингов, которые нередко заканчиваются прибытием милиции. Играет в музыку: один из основателей авангардного проекта Pseudo Stereo, впоследствии преобразованного в независимый лейбл Light Set Darkness (L.S.D.), также выступает сольно.

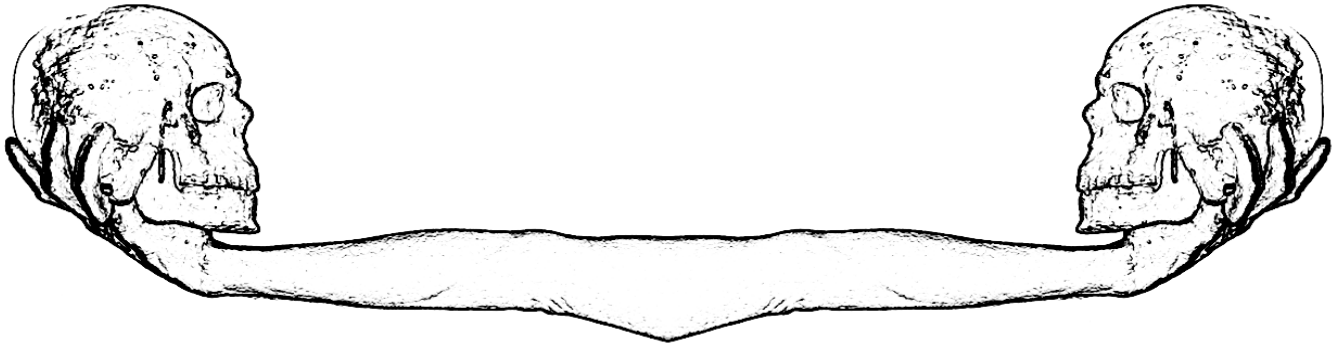
Творческие и наркотические поиски себя в итоге привели Киру к оккультизму. Особая сфера интереса - преобразование перформанса в жизнь, и жизни в перформанс. Связан с такими международными магическими Орденами как O.T.O. и A.A., также вероятны контакты с более закрытыми и тайными организациями. На исходе 2008 года в результате магических операций Fr.Kherhra (Кира) расшифровывает код из «Книги Закона» переданной ангелом Айвазом в 1904-м году крупнейшему оккультисту XX века Алистеру Кроули. В результате, осознав себя предсказанным Сыном Солнца, Кира объявляет свой родной город Тулу – сакральным центром Вселенной. Выступает за упразднение всякой системы в пользу фрактального Хаоса, психоделических коммун и конфедеративного объединения автономных оккультных групп.

Всеинфернально уважаемый читатель может связаться с автором по адресу alister93(адская собака)ya.ru

Инна Кириллова (Макурина Инна Кирилловна)

Родилась и живет в Смоленске. Окончила Смоленское музыкальное училище и Московский психолого-социальный институт (факультет психологии). Продолжает учиться в аспирантуре СмолГУ (кафедра филологии). Работает над диссертацией. Автор нескольких прозаических текстов и восьми пьес. Печатается в Интернете.

Постоянный автор журнала.

Мы, многонациональный народ Российской Федерации,
соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права
и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя

исторически сложившееся государственное единство,

признавая общенациональный интерес своей задачей,

создавая условия для достойной жизни и

развития каждого человека и обеспечивая благо

и процветание, возлагаем особую ответственность России

